

Влад Савин

БЕЛАЯ СУБМАРИНА

The background of the book cover is a dynamic illustration. In the foreground, a submarine is shown from a side-on perspective, moving through the water and creating a large wake. In the background, a battleship is visible, with a large, bright orange and yellow explosion or fire erupting from its side. Above the ships, a biplane is flying in the sky. The overall color palette is dominated by blues, greys, and the fiery oranges and yellows of the explosion.

Белая субмарина

Днепровский вал

Северный гамбит

Военная фантастика
коллекция

Морской волк

Владислав Савин

**Белая субмарина: Белая
субмарина. Днепровский вал.
Северный гамбит (сборник)**

«АСТ»

2013, 2014

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Савин В. О.

Белая субмарина: Белая субмарина. Днепровский вал.
Северный гамбит (сборник) / В. О. Савин — «АСТ», 2013,
2014 — (Морской волк)

ISBN 978-5-17-110776-5

Продолжение боевого пути атомной подлодки «Воронеж», попавшей в 1942 год. Прошло всего несколько месяцев, а история уже изменилась. Сталинградская битва завершилась уничтожением не одной армии Паулюса, но всего южного крыла немецкого фронта. Зато теперь нам противостоит Еврорейх – вся Европа, объединенная под властью немецких фашистов. И экипажу «Воронежа» предстоит секретная миссия в Атлантическом океане, ради государственных интересов Советского Союза, где придется вступить в бой не только с немецким, но и с американским флотом.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-110776-5

© Савин В. О., 2013, 2014
© АСТ, 2013, 2014

Содержание

Белая субмарина	6
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Влад Савин
Белая субмарина: Белая субмарина.
Днепровский вал. Северный гамбит

© Влад Савин, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Белая субмарина

Автор благодарит за помощь:

Станислава Сергеева, Сергея Павлова, Александра Бондаренко, Михаила Николаева, Романа Бурматнова и читателей форумов «ЛитОстровок» и «Самиздат» под никами Andy18ДПЛ, Андрей_M11, Комбат Найтов (Night), Дмитрий Полковников (Shelsoft), Superkashalot, Борис Каминский, Михаил Маришин, Тунгус, Сармат, Скиф, StAl, bego, Gust, StG, Old_Kaa, DustyFox, omikron и других, без советов которых, очень может быть, не было бы книги. И конечно же Бориса Александровича Царегородцева, задавшего основную идею сюжета и героев романа.

Баренцево море. Время пока не установлено

Серое небо, серые волны, серый туман. Вечная осень (не зима – льда тут нет). Как в начале времен, когда, по легенде, небо, море и суша еще не разделились до конца. Где-то далеко на юге творилась история, вставали и рушились империи, велись войны, творили ученые и художники. А для тысячелетней природы все одинаково пыль, все исчезнет, останется лишь она сама: эти волны, небо, земля. Природа не умеет творить, это дано лишь людям, и этим своим даром люди равны богам.

От диких фьордов, от гулких скал,
От северных берегов
Норманский ветер ладьи погнал,
Надул щиты парусов.
В Валгалле Один пиры вершит,
Валькирий тени кружат...
Но светят звезды в ночной тиши,
И нет дороги назад.

Сначала на поверхности появляется черная точка, и еще одна позади. И вдруг волны сразу расступаются, открывая корпус атомной подлодки, необычно широкий из-за бортовых шахт крылатых ракет. Бурун вскипает на скругленном носу, режет воду хвостовой плавник-стабилизатор. Это атомный подводный крейсер «Проект 949А», в справочниках НАТО названный «убийца авианосцев».

Сильны мы телом, и вольный дух
Теснит горячую грудь...
Вдали от жен, матерей, подруг
Найдем великий наш путь.
Будь смел и честен, не опускай
Обветренного лица.
А если смерть призовет – пускай,
Смотри ей прямо в глаза!

Еще недавно, в 2012 году, мы вышли в учебно-боевой поход, из Полярного в Средиземное море. И неведомым образом провалились на семьдесят лет назад, в июль 1942-го. Когда стало ясно, что произошло, я даже больше беспокоился за людей, чем за железо. Корабль только с завода, после капитального ремонта, а вот почти полтора человека, одновременно потерявших дом, семью, саму страну, где родились, осознав все это, могли устроить все что

удовно, вплоть до открытого неповиновения, не говоря уже о явном и тихом сумасшествии и нервных срывах. Но обошлось: все же экипаж подводной лодки это вовсе не группа случайных и нетренированных людей, вдруг провалившихся черт-те куда, как это описывается в массе книжек, заполонивших прилавки в начале того, двадцать первого века, ставшего для нас «прекрасным далеко». Экипаж – из тех, кто знает, что такое автономка, когда четыре месяца не видишь неба над головой. Это люди с устойчивой психикой – ну не служат в подплаве истеричные интеллигенты из телешоу «Дом-2»! И мы знали, что такое военное время, война за само существование нашей страны и народа, когда ничего еще не ясно, не предрешено. И с нами был «комиссар» Григорьич, оказавшийся вдруг в своей роли и на своем месте.

...В Валгалле встретит тебя почет,
Войдешь в высокий чертог,
Хугин взлетит на твое плечо,
А Фреки ляжет у ног.
Но если дрогнет норманский дух,
И страх лишит тебя сил,
То Хель раскроется царством мук
Под ясенем Иггдрасиль...

Выбора у нас не было. Это лишь в голливудских боевиках атомарина может болтаться в море годами (заряда реактора может и хватит, продукты брать с потопляемых судов – ну а что с регламентным техобслуживанием механизмов делать?). Да и останься мы нейтральными в *такой* войне, то могли бы сами себе задать вопрос: разве мы дерьмократы-кривозащитники, считающие что Сталин и Гитлер равнозначны? Нет, таких людей нет в экипажах подлодок! Это иная «прогрессивно мыслящая» публика считает, что армия и флот России вообще не нужны, если встроиться в международные системы обеспечения коллективной безопасности. Если перевести с заумного на русский, то это значит, нам следует распустить все кроме символических полицейских сил охраны правопорядка, и в случае чего звать на помощь «миротворцев» из НАТО. Но прав был сто раз Александр-миротворец – у России нет иных союзников, кроме российской армии и флота.

Подземный мир растворит уста,
И Гйолль потоком сверкнет,
А дева Модгуд сойдет с моста,
В ад небрежно толкнет...
Пирует Один, пирует Тор –
Суровы лица богов.
В твоих руках твой приговор –
И жизнь, и честь, и любовь...¹

Простите, не представился. Лазарев Михаил Петрович, в той, прошлой жизни, капитан первого ранга, командир атомной подводной лодки «Воронеж» Северного флота России. Там я родился в Ленинграде в 1970-м, выходит, еще через двадцать семь лет... а какой год сейчас? После того, что с нами случилось, мнительным станешь: вдруг всплывем, а тут время Петра Первого или вообще палеозой? А этого очень не хотелось бы – потому что у нас появилась цель.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ ЕФРЕМОВА, когда человек видит перед собой высокую цель и стремится к ней, он становится подобен богу, в нем откуда-то берутся огромные силы. Притом что из

¹ Автор песни – Мила Кириевская.

полугода здесь мы больше четырех месяцев были в боевых походах (не учебных, мирного времени – а когда реально могут утопить), а на берегу было достаточно работы, люди не роптали, совсем наоборот. Появилась Идея – гораздо более значимая, чем «удвоение ВВП». И Цель (которую сами мы вряд ли увидим – кто доживет здесь до девяносто первого, сорок восемь лет? – но оттого не становившаяся мельче). Чтобы здесь не было того, что случилось у нас: распада страны, шабаша жуликов и воров, и прочая, и прочая – мы понимаем, что все случилось не враз, и корни были гораздо глубже. Но есть ли шанс все изменить?

Что есть в этом времени, и напроць отсутствовало у нас там – надежда, что «завтра будет лучше, чем вчера». А это дорогого стоит. Разговоры экипажа в свободное время (уж простите, приходится контролировать, впрочем никто особо и не скрывает):

– Ну а что я там, при капитализме, имел? Право ездить на Канары и держать доллары в швейцарском банке? Нахрена мне... и без того проживу.

– Там мечтал на гражданке купить «Рено-Логан», здесь буду ездить на «Победе». Как выучусь, инженером стану. Меня уже на Севмаш приглашали, после Победы, как дембель-нуса.

– Предпринимательство, блин, средний класс. Чтоб все туда, как президент обещал. Это значит, мне и с чиновниками, и с ментами, и с бандитами договариваться, и с поставщиками, и покупателей искать, и все самому организовывать, вот так во все стороны крутиться, а если пролечу, никого не волнует? Ну и какого... мне это надо? Уж лучше, делать что укажут, чему выучусь, зарплату получать, и в выходные с семьей. Спокойнее как-то.

– А ведь в самом деле историю гнем! Вот не будет точно в этом мире того, что в нашем! Ну а параллельный он или перпендикулярный, мне лично по барабану!

Так что люди вполне освоились. И корни уже пустили – одних свадеб целых пять, с местными! И еще у многих кто-то на берегу уже ждет. Холостые так вообще без особых колебаний – да и из женатых иные решили, раз уж назад нам ходу нет...

Ну и я... Так и не встретил я там, в двадцать первом веке свою единственную – а ведь, на мой взгляд, любой мужчина обязан род свой продолжить, чтобы после него и дети, и внуки... Иначе не мужик ты, а существо в штанах – как Казанова, который после всех своих походов помер одинокий, забытый, никому не нужный. Анечка, Аня – наверное, так никогда и не узнаю, про нее ли я читал еще в том времени? Или «товарищ Татьяна», творившая в оккупированной Белоруссии дела под стать легендарному Николаю Кузнецову и погибшая в сорок четвертом, здесь совсем другой человек? А, без разницы – и история тут пошла совсем по-другому, и Минск тут точно гораздо раньше освободят, и хрен я Аню на фронт отпущу! Провожала она меня, как от стенки уходили в море. Ты только возвращайся – я буду ждать!

В общем, моральный дух в норме. А вот «железо» на этот раз – под сомнением. Ну не приспособлен ракетный подводный крейсер к таким частым и интенсивным маневрам, погружениям-всплытиям и прочее, мы же не лодка-истребитель, где все системы заранее рассчитаны с резервом. Лопнет что-то – и сгинем, как «Трешер». Хотя месяц почти в доке стояли, осматривали, проверяли все, что можно было, с помощью местного инвентаря. Пока все на уровне – а вот что дальше будет... Когда в сталинском СССР освоят технологии следующего века и получают новые материалы? Надеюсь, что раньше, чем это было у нас – какую-то ценную информацию мы передали.

Предки, надо отдать им должное, сумели оценить, что им досталось. И мы сполна оправдали их доверие, превратив Баренцево, Карское и Норвежское моря в сплошной «бермудский треугольник» для кригсмарине. После этого разозленный фюрер расстрелял главкома флота адмирала Редера. Не помогло.

История сделала поворот оверштаг. Для неморяков поясню – это когда сначала тяжело, но с некоторого момента, стоит пройти линию ветра, все идет быстрее и быстрее. На фронте очень большие изменения, в сравнении с тем временем, из которого мы пришли – Север, Ленин-

град, Ржев, ну а главное, в этом мире удался «Большой Сатурн», разгром всего южного крыла немецкого фронта. Если коротко, Сталинградская битва закончилась для немцев с еще более разгромным счетом (раза в четыре!), а вот Курска не было и, скорее всего, не будет, так как у фюрера сейчас не слишком много войск. И общая картина сейчас сильно напоминает ту, что у нас была осенью сорок третьего, наши так же выходят сейчас к Днепру, за который немцы поспешно отступают, пытаясь зацепиться. Освобождены Харьков, Полтава, Таганрог. Бои за Днепропетровск и Николаев. И ко всему этому мы приложили руку, где косвенно (информацией), а где и прямо (наши подводные диверсанты-спецназ, которые очень хорошо отметились не только здесь, в Печенге и Лиинахамари, но и под Ленинградом).

А мы всю Сталинградскую битву простояли в Северодвинске (сейчас он Молотовск, но я его буду называть как привык). И лишь 10 января 1943 года мы вышли оттуда, в сопровождении сразу двух ледоколов, «Красин» и «Ленин», через замерзшее Белое море. Подводные лодки вообще очень плохо приспособлены для льдов, ну а наши особенно (и размеры большие, и ширина, и не дай бог, противогидролокационное покрытие повредится). Предки тоже отлично это понимали, так что командам ледоколов честь и хвала! Проводили нас до глубин, где мы могли нырнуть и идти до незамерзающих вод Баренцева моря подо льдом: это нам было легче и быстрее, чем продираться в надводном положении. Глубины едва хватало, и штурманам пришлось попотеть, ГАК в активном работал непрерывно, отслеживая рельеф, случись что, или чуть не рассчитаем, и впилим в дно на скорости в десять узлов, сгинем, как «Курск», и выйти наверх будет нельзя, лед над головой, и предков подведем, на нас рассчитывающих. Но прошли. Нештатных ситуаций и тому подобного Голливуда не было – все работало нормально (ой, три раза через левое плечо!). Как написал в мемуарах адмирал Сорокин, командовавший в 1966-м групповым походом советских атомарин, не было у нас романтики типа «эхолот из кастрюли». Были лишь сожженные километры нервов экипажа и лично моих. Но об этом читать неинтересно.

И вот мы всплыли. Так какой сейчас год? Совершенно не хочется сейчас ни в 1904-й, ни в 1877-й, ни к Петру Первому, ни тем более в мезозой, ни даже назад в наш «родной» 2012-й (вот геморрой будет: за потраченный боезапас отчитываться, который мы по «Тирпицу», «Шееру», «Лютцову» и прочим фашистам отстреляли!).

Москва, Кремль, это же время

В окне горел свет.

Каждый вечер, допоздна, далеко видимый снаружи, даже с той стороны Москвы-реки. И все говорили, с шепотом и благоговением, что там сам товарищ Сталин сидит и думает о благе народа и Советской страны.

На самом деле кабинет Иосифа Виссарионовича находился в другом месте. Но узнав об этом слухе от Тех, Кому Надо все знать, Вождь лишь усмехнулся в усы – пусть думают так, вреда не будет.

Он был вождем, а не богом. Тоже мог ошибаться. Но всегда старался разобраться в вопросе, найти верное решение – другое дело, что на это уходило время, стоившее иногда очень дорого. Но ведь не ошибается лишь тот, кто не делает ничего?

Он был Хозяином, отвечающим за благо страны и народа перед... в старорежимное время сказали бы «перед Богом», но это же монархия выходит, когда король или император считается наместником Бога, так что ответим согласно материализму: перед историей! И приняв решение, он шел к цели, не считаясь ни с чем. Потому что был уверен – так надо! Так будет лучше для всех.

Он помнил потрясение, которое испытал, узнав, что все его труды, ради которых он не щадил ни себя, ни других, пойдут прахом. Но это состояние быстро прошло, сменившись злостью. И хуже бывало, как например в конце двадцатых, когда Советская Россия на мировой

арене была как барашек в загоне с волками, когда одни лишь сопредельные государства – Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша, Румыния – имели в совокупности больше солдат, пушек, брони, аэропланов, чем Красная Армия, когда они, вместе взятые, были равны Советской России по промышленной мощи и при всем этом имели к нам территориальные претензии, массово устраивали провокации на границе, толпами засылали шпионов и диверсантов, и за спиной их стояли великие державы: Англия, Франция, США... Или мы за десять лет станем сильными, или нас сомнут, поделят на зоны оккупации и сферы влияния, превратят в полуколонию, подобную Китаю, и это еще самый мягкий вариант – жестким же был тот, что хотел с нами сделать Гитлер в сорок первом. Десять лет и вышло, мы успели. А что было бы, если побухарински: сначала ситцы, затем сталь? Тогда смогли – прорвемся и сейчас!

Он хорошо понимал, *что* дали потомки. Знание, что мы победим в этой войне, само по себе уже стоило дорого. Надо после особо наградить этого любителя военной истории из экипажа, сохранившего на своем «компьютере» столько ценнейшей информации. Техника, вооружение, тактика. Персоналии, как свои, так и врага, кто и как себя проявит. Знание своих ближайших ошибок на тот момент – пока история еще не успела свернуть в сторону, это было очень актуально. И если вермахт долго не мог оправиться после удара, полученного в той истории, что же будет здесь, когда разгрому подвергся весь южный фланг германского фронта, вся бывшая группа армий «Юг»? И заменить погибшие ветеранские дивизии, лучшие, что у него были, Гитлеру нечем – не швалью же, согнанной в спешке со всей Европы?

Теперь и мы можем играть на опережение. Цель – не просто выиграть войну, а сделать это с наименьшими потерями, обеспечить лучшие стартовые условия в будущем противостоянии с Западом. Поскольку капиталисты никогда не будут другом стране победившего социализма. Нарастивать промышленный потенциал, пользуясь тем, что США сейчас временно заинтересованы в наших успехах (хотят спихнуть на нас самую кровавую работу), ну так пусть поставляют нам не только оружие, которого у нас уже хватает, но и станки, машины – в том числе и для освоения технологий потомков. Полупроводники вместо ламп, может и удастся через год-два выпускать в серии компактные и легкие радиостанции на транзисторах? А чего стоила карта полезных ископаемых на территории СССР, открытых за будущие семьдесят лет, одни только якутские алмазы уже дали заметный эффект в изготовлении качественного металло-режущего инструмента, в Поволжье бурятся скважины будущего нефтеносного района, «второго Баку». В госпитали уже поступают антибиотики, спасшие жизнь тысячам раненых. Да и полезные мелочи, вроде шприцов-тюбиков и шариковых ручек, тоже оказались нелишними! Но главным, конечно, был атомный проект и сведения о залегании урановых руд.

Ну а что будет после? Осталось десять лет до марта пятьдесят третьего, надо успеть. Ведь среди прочей информации потомков (именно среди прочей, таким курьезным фактом) промелькнул рассекреченный уже в их «перестройку» протокол вскрытия моего тела: отравили, выходит, меня? Это очень хорошо – значит, природой мне было отпущено больше: не десять, а двадцать лет, разве для кавказца это возраст! Дожить бы до 1967-го, до пятидесятилетия Октября, и с политикой тогда разберемся... Ох и пожалеет кто-то, что на свет родился! Лаврентий, конечно, точно в том не виноват – иначе Никитка непременно на него бы мое убийство повесил. И понимает отлично, что без меня ему долго не жить. А партию чистить придется: до чего страну довели! Тем более сейчас мы точно знаем, что за товарищи будут нам ну совершенно не товарищи, показав свое подлинное нутро. Никитка – это сознательный враг или просто дурак, возжелавший сесть на трон... Да какая разница! Все ты развалил, до чего коснулся! Вон, мой план преобразования целины, с ирригацией, лесополосами, строительством элеваторов и дорог, умные ведь люди составляли, а ты: «Давай, давай скорее!», и то, что выросло, не на чем стало везти, негде хранить. Распаханную землю пыльными бурями унесло, а ведь про них агрономам хорошо было знакомо – США, Канзас, середина тридцатых, тогда же и защиту нашли, те же лесополосы, – но ведь тебе не удается? В итоге СССР начал за границей зерно

покупать, как раз тогда, сразу с сельхозпродуктами стало плохо, вот вам и бунт шестьдесят второго года! А что ты с армией сделал, с флотом? Покойник ты, Никитка, хотя сам еще не знаешь – сидишь сейчас в Ашхабаде, где вреда большого принести не можешь, и это не гуманность с моей стороны, а вроде червяка на крючке, кто с тобой, обиженным, будет против меня заговор строить?

Идеи не хватило, и это главное. Как карикатура времен «перестройки»: люди идут, с трудом, согнувшись, как против бури, и знамя держат изо всех сил – а оно висит, не шелохнется. Ведь когда нет общей идеи, тогда и плодится гниль, когда каждый сам за себя. И это очень хорошо по их же книгам и фильмам заметно: в шестидесятые еще вера в светлое будущее, а в семидесятые – сплошь быт, истории про «маленьких людей», иногда талантливо написанные или снятые, но мелкие. И это после «Туманности Андромеды» – кстати, надо бы на этого Ефремова поближе взглянуть, раз он такое написал. Есть мнение, что такие книги нам будут важнее палеонтологии.

А пока надо завершать победой эту войну. И готовиться к следующей, а если хотим мира, так тем более. Хорошо, что удалось притормозить их «Манхеттен», наш же проект ускорится – то, что мы там искали на ощупь, а ведь ресурсов не хватало, тяжелейшее было время, полстраны в руинах, надо восстанавливать – у нас есть «подсказки», что и как делать, на чем сконцентрироваться, а что считать тупиком. Так что четырех лет атомной форы у американцев точно не будет, а может мы и вровень с ними успеем.

И наши потомки с их замечательным кораблем сыграют в этом самую непосредственную роль «длинной руки» СССР, «Летучего голландца», которого никто не увидит. Одну-две боевые миссии, чтобы проверить качество ремонта, ну а потом готовьтесь, товарищ Лазарев, в дальний поход.

Письмо французского солдата с русского фронта. Распространялось во Франции в виде памфлета, несмотря на запрет немецких оккупационных властей, под угрозой концлагеря.

Автор и обстоятельства написания неизвестны

Франция возродится! Так сказал наш маршал. Два года назад мы жестоко заплатили за свое малодушие – но истории было угодно дать нам еще один шанс.

Ради единой Европы, сказал фюрер германского народа. Разве не были франки и германцы когда-то, во времена Карла Великого, единым народом? И разве Франция своей великой историей не заслужила место в новом, лучшем мире?

История повторяется, думали мы. Сто тридцать лет назад Наполеон тоже начал брать в свою великую армию не одних своих французов, а и австрийцев, пруссов, саксонцев, испанцев. Хороший солдат всегда носит в ранце маршальский жезл, военные подвиги во все времена были случаем поймать за хвост свою удачу. Ну а нам обещано полноправное гражданство в будущем Всеевропейском рейхе – и нашим семьям уже сейчас полагались привилегии, в сравнении со всеми прочими. Каждый из нас верил, что его не убьют и он вернется домой со славой и наградами. Ну а слова, что родные трусов, сдавшихся в плен, будут заключены в концлагерь, вызывали у нас лишь смех – кто же идет на войну, намереваясь сдаться врагу? Тем более что, как нам объявили, русские в плен нас брать и не будут.

Но история не повторится – надеялись мы. Проклятые русские, если бы не они, Франция владела бы Европой с тех самых времен – так говорили нам наши командиры. И добавляли тихо, когда рядом не было немцев – помните, что солдаты Наполеона топтали сапогами берлинские мостовые. Как знать, что будет здесь, когда мы станем сильны! Ведь сумели же тогда мы взять Москву, чего не удалось сейчас даже фюреру! Но если рейх всего за месяц разгромил великую Францию, как смеют какие-то русские сопротивляться второй год?

Четыре недели учебного лагеря. Я отнесся к этому философски – фельдфебели и сержанты любой страны отличаются крайней свирепостью по отношению к новобранцам. И не столь большая плата за военную науку – два выбитых зуба. Гораздо большее потрясение я испытал, обнаружив что половина моих товарищей – не добровольцы, вдохновленные идеей, а всякий неблагонадежный элемент и даже уголовники, выбравшие честный солдатский долг вместо концлагеря или тюрьмы! Я доложил об этом нашему кригс-комиссару (это особый чин, приставленный немцами, следить за нашим благомыслием). Наверное, я выбрал неудачный момент, когда герр комиссар был пьян – он лишь расхохотался мне в лицо, ответив: «Вы все равно все содохнете. А что вы при этом думаете, мне плевать, потому что я содохну вместе с вами».

Наш полк носил имя «Безансон», хотя формировался не в одноименном городе. А все три батальона отчего-то были названы именами французских вин – «Мюскадэ», «Травинэ», «Вуарэ». Мы были вооружены в основном нашим же оружием сорокового года, выданным, однако, с немецких складов, в противотанковой роте были хорошо знакомые нам двадцатипятимиллиметровые пушки, в артиллерийском дивизионе двенадцать скорострельных семидесятипятимиллиметровых, образца 1897, великолепно показавших себя еще в ту войну. Большие ли повезло тем из нас, кто говорил по-немецки (их зачисляли пополнением немецких частей)? С одной стороны, они гораздо лучше снабжались и вооружались – но с другой, там на них смотрели, как на людей второго сорта, всячески подчеркивая, что право быть гражданином рейха надо еще заслужить.

На фронт мы попали не сразу. Сначала было дикое место, именуемое Полесьем – густые леса и болота, не замерзающие даже зимой. В этих богом забытых и проклятых лесах мы должны были ловить русских партизан. Господи, мы не знали еще тогда, что это такое!

Самые отпетые корсиканские мафиозо перед этими партизанами просто дети из воскресной школы! Во-первых, партизан гораздо больше, они организованы по-военному, и очень неплохо вооружены и обучены, по боеспособности не уступая егерским частям. Как следствие этого, есть обширные территории, как правило, вдали от городов и железных дорог, где оккупационные власти вообще не рискуют появляться. Во-вторых, они пользуются полной поддержкой населения, а любой местный житель, сотрудничающий с немецкими властями, может заказывать себе гроб. Я видел случай, когда в целой деревне никто не хотел помочь нам, даже под угрозой расстрела – куда там закону «омерта». В отличие от мафии, озабоченной лишь сбором дани, партизаны выполняют на формально немецкой территории функции гражданской власти, и население считает их именно таковыми – законными представителями Москвы. В-третьих, опять же в отличие от мафии, стремящейся к некоему равновесию между ней и властями, здесь идет беспощадная война на истребление. О том, на чью сторону склоняется удача, можно судить по тому, что коменданты и прочее начальство боятся проявлять излишнее рвение, во избежание персональной мести со стороны партизан. И пытаются спихнуть эту грязную и опасную работу на нас, потому что «германский солдат не обязан вместо вас лезть под пули лесных бандитов».

Как мы воюем с партизанами? Очень просто. Они что-нибудь взорвут или кого-то убьют (что случается очень часто). Мы в ответ приходим в деревню (днем, не самоубийцы же мы, чтобы ехать через лес ночью) – ту, которая поближе к немецкому гарнизону. Отбираем человек десять, без различия пола и возраста (боеспособных мужчин там практически нет – все они в партизанах), и показательно расстреливаем. Затем идем по домам – даже в этих нищих поселениях есть что реквизировать. Например, зимнюю одежду и обувь – в шинелях холодно. По возвращении докладываем: уничтожено столько-то партизан, потерь нет. Получаем благодарность, идем спать.

И это страшно. Потому что у местного населения нет выбора – самый законопослушный имеет такой же шанс быть казненным, как партизан. И потому все, кто может дер-

жать оружие, уходят в лес, ну а оружия там навалом: ходят слухи, что Советы присылают целыми самолетами то, что захватили под Сталинградом. Мы расстреливаем невиновных, заведомо зная, что это никак не уменьшит число стреляющих в нас из леса, но увеличит их жажду мести. Чувствуя эту ненависть, направленную на нас, мы звереем, убивая иногда просто за косой взгляд. Мы убиваем мирных жителей, а партизаны убивают нас. Самое страшное – это постоянное напряжение. Никогда не знаешь, на чем ты можешь взорваться, откуда прилетит пуля, даже еда или питье могут быть отравлены. И при всем этом для немцев мы остаемся никак не равными им.

Отчего эти русские наконец не сдадутся? Почему это мы склонили головы перед превосходящей силой, а они не могут? Это просто глупо – не признавать своего поражения!

Когда нам приказали наконец отбыть на фронт, мы восприняли это даже с облегчением. Война казалась нам похожей на ту, прошлую: обжитые позиции, теплые блиндажи, и главное – знаешь, с какой стороны враг.

Навстречу нам все чаще попадались отступающие немецкие части. Бегущие, разбитые – есть много мелких деталей, по которым это сразу можно понять. Мы конечно слышали про то, что было под Сталинградом. Но совсем другое дело воочию увидеть бегущей армию, которая только что прошла по всей Европе, не зная поражений. Боевой дух заметно упал, кто-то стал вспоминать, как большие ста лет назад величайший и гениальнейший полководец Европы привел в эти русские снега величайшую и непобедимую армию – из шестисот пятидесяти тысяч человек которой живыми вернулись лишь тридцать.

Мы не успели закрепиться в каком-то селе, когда на нас обрушились русские. Сразу оказалось, что двадцатипятимиллиметровые пушки не пробивают броню их танков даже в упор. А еще у русских было что-то крупнокалиберное, одним попаданием разбивая любой подвал или блиндаж. Мы бежали по полю, утопая в грязи, а русские стреляли нам в спину, от полного истребления нас спасла лишь вовремя наступившая темнота, а также то, что русские, заняв село, дальше не пошли, только провожая нас огнем.

Когда мы под утро вышли к своим, не больше трехсот человек, все что осталось от полка «Безансон», то вместо благодарности были тотчас же окружены и разоружены немецкой полевой жандармерией. Затем какой-то толстый немец произнес речь – отчего вы, унтер-мении, не сдохли, задержав русских еще на пару часов? Собственные шкуры вам дороже, чем рейх? Ничего, сейчас вас отучат себя любить.

«Пятисотые» штрафные батальоны вермахта. «Теперь ваша очередь сдохнуть», – сказал мне литовец из одного со мной отделения (еще там было трое немцев, трое румын, двое итальянцев). Мамалыжники кончаются – всех, кто Сталинградского котла избежал, сюда загнали, в пятисотые: плевать, что подданные другой страны. Румын в живых уже почти не осталось – теперь ваша очередь, лягушатники.

Литовец оказался перебежчиком от русских. Очень сокрушался, что сбежал всего за два дня до русского наступления, и за месяц до конца срока. Какого срока – так в русских штрафных частях только на три месяца, если жив остался, то уже не штрафник, назад в свою часть, так же если был ранен, или что-то геройское совершил. А у цивилизованных немцев, оказывается, бессрочно – если даже в бою совершишь подвиг, имеешь право написать прошение командиру, а он может и в сортир с ним сходить, но даже если и пошлет по инстанции, раньше чем через полгода ответа не будет, столько не живет тут никто – в общем, знал бы, остался бы в русской штрафной роте, срок тянуть.

Не будет никакой «единой Европы». Германиш нужно лишь, чтобы мы сдохли тут все. Зачем? Сколько мужчин осталось во Франции после наполеоновских побед? И сколько останется в рейхе – после всех этих поражений? И чтобы удержать Европу в узде, необходимо изгнать всех активных и неблагонадежных, чтобы осталось одно лишь стадо. Мы сдохнем

тут все – и никто не скажет о нас ни единого слова, даже не вспомнит, чем бы ни окончилась эта война.

Несчастливая Франция, что будет с ней?

Лазарев Михаил Петрович, подводная лодка «Воронеж».

Баренцево море, 21 января 1943 года

Год сорок третий – слава богу, из радиорубки докладывают, приняли сообщение Совинформбюро. И сразу, даже на мостике чувствуется: напряжение спало как по команде. Отбой боевой тревоги. Довольно с нас по временам прыгать – наш дом СССР, и точка!

На локаторе группа надводных целей – корабли Северного флота, ждут нас в установленной точке в заданное время. Старые знакомые, все те же «Куйбышев» с «Урицким», плавмастерская «Красный Горн» (на всякий случай), два тральщика и транспорт-плавбаза с боевыми отделениями для наших торпед.

Торпеды – это история отдельная. На основе наших сведений предкам удалось создать подобие немецкой Т-V, акустической самонаводящейся – это были стандартные ЭТ-80, на которых добавилось приборное оснащение, пока еще штучная работа, специально для нас, в весьма малом количестве, поэтому переделка их из учебных в боевые достигалась заменой «поплавка» на отсек с ТГА (тротил-гексоген-алюминий, раза в полтора сильнее, чем чистый тротил). Провели учебные стрельбы, и хорошо, что личный состав БЧ-3 опыт имел, успев еще в Северодвинске отстреляться торпедами этих времен с Щ-422, в то время как мы стояли в доке. Помня, что на войне много чего может случиться завтра, я настоял на предельной интенсивности учений, а также на переделке части наших торпед в боевые. И ведь как в воду глядел!

Два дня учений. Завтра ждали прибытие других подлодок, и учения уже совместные. И тут события завертели в темпе вальса.

Штаб флота сообщил, что получено сообщение от траулера РТ-52, «Сом». Он атакован подводной лодкой и на дальнейшие вызовы не отвечает. Очевидный вывод: траулер потоплен; координаты – северо-восток Баренцева моря, недалеко от Новой Земли, у границы льдов. А вот это было уже очень серьезно!

В этой версии истории освобождение нашего Заполярья, а заодно и Северной Норвегии, произошло не в сорок четвертом, а в сорок втором. И наши конвои теперь ходили у самого побережья, не только от Архангельска на Мурманск-Полярный, но и от Полярного в Печенгу, Киркенес, и дальше до Порсангер-фиорда. На наши коммуникации немцы не лезли уже давно, но охрана у конвоев была всегда, хотя бы катера МО или тральщики. И лишь там немцы могли рассчитывать на какую-то добычу, нанести нам ощутимые потери! Даже союзные конвои, прежде прижимавшиеся к кромке льдов, теперь от Порсангер-фиорда шли по тому же пути, прикрытые по отработанной уже схеме, нашей авиацией, силами ОВРа, а местами и береговыми батареями. Так зачем немцам посылать свои лодки в район, где ловить им точно некого, ну кроме таких вот одиночных траулеров, ценность которых не окупала даже стоимость сожженного соляра и потраченных торпед?

А вот про тайные немецкие базы на нашей территории писали уже в девяностые. Это оказалось правдой: по нашей наводке предки нашли и уничтожили тайный фрицевский аэродром на материке возле Окулова озера, в архангельской тундре. Там несколько «мессершмитов» сидело, подкарауливая наши транспортные самолеты. На Новой Земле тогда, летом, наши тоже базу накрыли, там тоже аэродром, метеостанция, пункт заправки подлодок. Теперь взгляните на карту, что выходит? Правильно – не все, значит, мы нашли. И немцы сейчас хотят доставить снабжение, сменить персонал, или даже эвакуировать. Что тоже весьма вероятно – после тех событий, в которых мы приняли самое прямое участие, фрицы появляться в нашей зоне откровенно боялись. А значит их забытым «зимовщикам» сейчас просто нечего жрать. Ну а траулер просто попался по пути, не повезло мужикам.

Так ведь лед сейчас у Новой Земли, не пробиться? А если нет, если в наличии какой-то проход, о чем «зимовщики» сообщили? Короче, спускать этого никак нельзя, или будем после иметь кучу мелких, а возможно и крупных, неприятностей. И кто может успеть перехватить? Смотрим опять на карту. Наша группа ближе всего – тоже восток Баренцева моря, лишь южнее. И только «Воронеж» может дать тридцать узлов крейсерского хода, это даже эсминцам не по плечу.

На плавбазе срочно переснаряжают торпеды. Успели принять на борт шестнадцать штук. После чего транспорт и плавмастерская должны укрыться в Иоканьге, а старые эминцы идти за нами, если помощь потребуется, мы, конечно, сильнее любой немецкой субмарины, но раздвоиться не сможем. А взаимодействие еще по опыту прошлого года у нас было отработано, по целеуказанию нашего ГАКа пять лодок уже утопили.

Ныррем. И – «турбине, вперед, двести оборотов». Серега Сирый, наш мех, беспокоится – как корпус себя поведет, при больших нагрузках, ход и глубина?

Штурмана не подвели, вывели точно к заданному району. Сбавили ход, слушаем. Наконец, есть контакт – ну вот, попалась рыбка. А вот это сюрприз! Рыбок-то, если наши слухачи не ошиблись, три! И чешут они сейчас курсом на восток, ходом близким к своему максимальному. Так значит, уже на обратном пути, кто-то из них траулером соблазнился, решил счет увеличить? Иначе проскочили бы они, мы и не заметили. Жадность наказывать надо.

Подвсплываем, выставляем антенну. Посылаем сообщение нашим. И в погоню. Задача как на полигоне – параллельным курсом, догоняем и обгоняем (я даже отдохнуть успел чуток), заняли позицию впереди, сейчас сами на нас выскочат. Больше всего сомнения, сработают ли торпеды?

Обнаружили нас или нет? На большом ходу, все же и шумность у нас... По крайней мере, идут овечки не меняя курса, почти прямо на нас, рассредоточась, дистанция между ними где-то около мили. Нам же лучше, можно рассчитать в БИУС и зарядить программу в торпеды, чтобы первым залпом сразу двоих. Тут уже по две на каждую, не уверен я все же в здешних изделиях так же, как был в своих, из двадцать первого века – но все они или уже выпущены по фрицам, или их конструктора и ученые предков сейчас разбирают по винтику. Залп! И сразу перезарядка, и выход на позицию для стрельбы по третьей лодке.

А вот с ней будет самое интересное. Успеет ведь нырнуть! А режим двухплоскостного самонаведения не опробован совершенно. Хотя наши «умники» клялись, что там тройная система безопасности: во-первых, самонаведение включается только через некоторое расстояние, от трех кабельтовых до двух миль, как поставим, во-вторых, в задней полусфере захвата цели не может быть в принципе, в-третьих, задается и предельная глубина, ниже которой в боевом режиме будет подрыв, ниже не пойдет (сейчас стоит двести метров, глубже «немки» не погружаются, в отличие от нас). Как работает?

Две лодки взорвались почти одновременно. Хотя одна пыталась вроде сманеврировать, но не уверен, мы же перископ не поднимали, все данные с ГАКа. Мы в это время в темпе выходили на третью, перезарядив аппараты. Не экономя, дали полный залп, всеми четырмя, две в режиме «поверхность» (глубина хода десять, взрыватель неконтактный, так что одинаково достанет и над водой, и на перископной глубине), две в режиме «противолодочный», канал наведения по глубине разблокирован. Дальность стрельбы пятнадцать кабельтовых, не увернешься уже!

К моему удивлению, последняя лодка погрузиться и не пыталась, а явно начала маневр, ложась в циркуляцию вправо. Если фриц надеялся совершить стандартное уклонение от торпед, с приведением за корму, то ему не хватало ни времени, ни скорости, а может быть, он и не видел торпед, лишь предположив о нашем месте и направлении атаки. Сколько в него попало – точно не меньше двух.

Итог: противник уничтожен. А у нас половины боезапаса как не бывало. И так и осталось непонятным, чем они занимались у берегов Новой Земли? Всплыть и попробовать подобрать уцелевших? Как в тот раз, когда по ошибке британца утопили. Нет, на этот раз точно, по сигнатуре (акустическому «портрету») опознали однозначно: фрицы, «тип VII», все трое. Но вот наверху сейчас не только ночь, но и порядочная волна. Со шлюпкой возиться на нашей пока-той палубе будет просто опасно. И далеко не факт, что кого-то обнаружим, а уж тем более в живых. Вода тут близка к точке замерзания, даже самый крепкий и тренированный пловец в спасжилете не выдержит дольше пяти минут.

Так что действуем обычным порядком. Всплываем под перископ, поднимаем антенну, отправляем зашифрованное сообщение. Ждем ответа, куда нам следовать – в Полярный или в Иоканьгу, продолжить учения? По расчету, у нас еще оставалось суток двое-трое, до выхода навстречу «двадцатому» конвою. Успели бы. Да, в этой реальности после PQ-18 был и девятнадцатый, а сейчас ждем и следующий. А фрицы перебросили в Норвегию линкор «Шарнхорст» взамен утонувшего «Тирпица», чтобы выйти на перехват. Ну а мы будем охотиться за охотником, и надеюсь, с тем же результатом.

И вдруг сообщение, как мешком по голове. «Шарнхорст» вышел из Нарвика. Теперь уже я ничего не понимаю. Фрицы что, собрались на конвой далеко в британской зоне ответственности выходить? Или в море болтаться, ожидая?

Ну а нам приказ: следовать в Полярный. Чтобы дополнить боекомплект, и сразу выходить навстречу конвою. Поскольку его сбережение для нас более важно, чем утопленный «Шарнхорст». Поймаем еще, даже если и не удастся сейчас – а вот потери грузов будут невосполнимы.

Точно по расчету времени заняли позицию в Норвежском море, мимо которой фрицы никак не могли пройти незамеченными, если действительно хотели перехватить конвой. Неслышные для здешней акустики, невидимые для сонаров, на невероятной для этих лодок трехсотметровой глубине – растворились мы в океане, как мираж. Пока противника не видим, нас ни для кого нет, ну а когда увидим, уже его не будет. Это вообще занятие для лодки-охотника, вроде моей бывшей «971-й», тип «Барс» – мы же, если сравнивать с авиацией, скорее штурмовик, чем истребитель – но единственная атомарина в этом времени, так что выбирать не приходится. В сентябре так же ждали линкор «Тирпиц» с эскадрой, да, то самое пугало, которого боялся весь британский флот (ржавеет сейчас на дне Атлантического океана). Так где же этот проклятый «Шарнхорст», ну должен он быть здесь, нет для него в море целей, кроме «двадцатого» конвоя!

Может, он заранее вышел, чтоб на конвой с севера? Так мы бы его услышали, если бы там ждал. Сумели же, пока сюда шли, еще две немецкие подлодки найти, и как раз севернее предполагаемого курса конвоя? Обнаружили, опознали, утопили. Ну а линкор с эсминцами услышали бы миль за сто. Ну, восемьдесят, это точно. И куда же он подевался?

Ходим в районе острова Медвежий (граница нашей и британской зон ответственности), внимательно слушаем. Идет конвой – не «двадцатый», а обратный, порожняк. Пропускаем мимо, нас, естественно, не заметили.

Только хотел уйти из ЦП, доклад, множественные шумы, пеленг 260 (юго-запад, для сухопутных). Фрицы? Нет, конвой. А вот это уже «двадцатый». Ходим галсами, слушаем. Больше ничего.

Решаемся подвсплыть. Поднимаем антенну, посылаем запрос. У нас, в отличие от лодок этих времен, часы нахождения под водой не лимитированы, так что было решено информацию для нас с берега (и приказы, и обстановку) скидывать лишь после нашей «квитанции-запроса». Впрочем, перехватить, а тем более расшифровать цифровой сигнал с ЧМ в этом мире еще аппаратуры нет, ну кроме той, что в Полярном, с нашей помощью сделанной. Принимаем ответ, расшифровываем. Мля!!

Новость первая: фрицы объявились. Обстреляли Шпицберген – какого... их туда понесло? Новость вторая – буквально час назад «Шарнхорст» с эсминцами напал на «обратный» конвой (подробностей нет). А какие подробности – там в охранении никого нет крупнее старых эсминцев. И вместо торпедных аппаратов у них давно стоит дополнительная зенитка и «хенджехог», ну а огневая мощь даже против «нарвиков» вдвое меньше.

И что теперь? Охранение «двадцатого» посерьезнее: там старый линкор «Роял Соверен», крейсер «Шеффилд», эсминцы. Но ведь и немцы на что-то рассчитывают, «отчень глупый враг» лишь в кино бывает. Вот что бы я сам придумал на месте их адмирала, учтя печальный опыт прошлого раза, когда мы поймали «Тирпиц», и даже, предположим, зная, что против меня атомарина? Ведь поступил бы примерно так же! Играл бы на скоростях – сначала «шумнуть» в дальнем углу Баренцева моря, отвлекая нас туда (жертвой трех «пешек»). Пользуясь этим, выйти раньше, проскочить на север. Ждать инфы о месте конвоя (а «кондоры» – разведчики у фрицев летают еще) и начать действовать. Сначала удар по Шпицбергену, много там разорить не успеют, но чтоб был шум. Мы, ожидая по плану на позиции, где в прошлый раз «Тирпиц» били, рванули бы на север. Ну а фрицы – не на юг, нам в зубы, а на юго-запад, там еще раз шумнуть, напав на порожняк. Мы бежим на запад – а они, обходя нас по дуге, выходят на конвой, в полной мере используя то, что дальнюю картину «Воронеж» видит куда хуже, чем бортовые радары «кондоров».

Я бы на месте того, кто сейчас на мостике «Шарнхорста», вспомнил Средиземное море, 8 ноября 1941 года и атаку британцев на итальянский конвой, который охраняли тяжелые крейсера и десяток эсминцев. У британцев тогда были «Аврора» и «Пенелопа», крейсера-недомерки, и два эсминца, в открытом бою у англичан не было шансов, но они просто прорезали строй транспортов, стреляя в упор, на оба борта, превратив сражение в свалку, утопили в итоге все транспорта и пару эсминцев, сами не понесли потерь вообще, и растворились в ночи, итальянцы просто не могли разобрать, где свои, где чужие! Вот так бы сделал и я, не бодаться с пятнадцатидюймовым «Совереном» на дистанции, тут у «Шарнхорста» огневой мощи не хватит, всего лишь одиннадцатидюймовки – а предельно быстро сблизиться, используя хоть ночь, хоть туман, хоть дымзавесу! И прорезать строй, максимальная плотность огня на оба борта, в упор, эсминцам отсекал эскортники от флагмана, чтоб торпеду не пустили, и вряд ли среди торгашей найдется герой, решившийся таранить линкор, скорее они друг с другом толчею устроят, вот будет каша, вот мишень – и хрен тогда «Роял Соверен» помешает, он по своим в итоге чаще будет попадать. А купцам, как показывал опыт подлодок, когда они артиллерией работали, даже десятка стапятимиллиметровых снарядов хватит для утопления, а таких стволов на «Шарнхорсте» четырнадцать, да еще стапятидесятимиллиметровых противоминных снарядов двенадцать штук (таких же, как на «нарвиках»), про главный калибр линкоровский вообще молчу, от пары его «чемоданов» любому транспорту песец. Короче, если вся фрицевская шобла на скорости пройдет насквозь весь ордер конвоя всего за минуты, спасать там будет некого. Ну а после – ходу, «Роял Соверен» точно не догонит, у него предел восемнадцать узлов, и получить от него случайный снаряд в машину вероятность невелика. Пока мы где-то сзади, спешим от места гибели порожняка. Истребив конвой, «Шарнхорст» может погибать с чистой совестью, нанеся нам ущерб, в разы превосходящий, сколько стоит сам. Это если мы его догоним – а можем ведь и не успеть, до Нарвика не так далеко!

Это кто же у фрицев такой умный? Вот только мы к порожняку не пойдем. Место встречи изменить нельзя: раз вам конвой нужен, так мы тоже тут!

Ювелирная работа на ГАКе: определить ордер. Главный вопрос: линкор где? Разумно предположить, что нападать фрицы будут с противоположного в порядке направления.

Наконец наши «слухачи» авторитетно заявляют, что слышны шумы винтов крупных боевых кораблей по пеленгу. Предполагаемая дистанция, скорость изменения – короче, все говорит о том, что линкор и крейсер с эскортом идут позади и к северу. Решаю, куда пристроиться

нам – с одной стороны, на месте герра адмирала я бы атаковал с севера на юг, чтобы сразу после домой, не сильно меняя курс. С другой же стороны, там «Соверен», может помешать. В итоге выбираем идти посреди, то есть перед конвоем, за три-четыре мили, глубина двести, ход десять, не должны нас обнаружить, но на всякий случай имитатор наготове. Идем «змейкой», периодически меняя курс, чтобы вывести вероятную цель из «мертвой зоны» за винтами. Слушаем.

– Тащ командир, контакт! Пеленг двести пятьдесят семь, цель групповая, боевые корабли, идут большим ходом!

Ну вот, появились, овечки. Цып-цып! Молодцы слухачи, разобрали за шумом конвоя. Впрочем, линкор, идущий на полном ходу, это такая громкая цель!

– Боевую тревогу объявлять? – спрашивает Петрович. В ЦП уже все на своих постах.

– Да подожди, – отвечаю, – успеем. Чего людей дергать? Сами подойдут.

Пеленг меняется к югу. Пока все по плану – фрицы огибают нас по большой дуге. Имеют, значит, сведения о британском ордере, о том, где у них линкор. Сейчас они должны взять к востоку, выходя нам на траверз или даже обогнав, и вперед!

– Бурый, первый полный залп по «Шарнхорсту». Эсминцы одни на конвой не полезут.

Хотя я, на месте флагмана эсминцев, рискнул бы. Пять «нарвиков», сорок торпед, по скоплению торгашей, обязательно кому-то прилетит. И совокупная огневая мощь двух крейсеров. Ну, мы перезарядиться успеем!

Ждем. Все уже в напряге. А сигнал слабеет, фрицы явно удаляются.

– Командир, они уже не... – говорит Саньч, водя линейкой по планшету, – даже если у них эскадренный ход тридцать... Не успевают, никак.

Блин! Хочется рвать и метать. Переиграли нас фрицы, просчитали заранее. И отказались от атаки в последний момент, зная, что ничего им не светит! Удирают сейчас в Нарвик. Умный оказался герр адмирал. Ну что ж, такого противника в следующий раз утопить будет интереснее, и для врага большая потеря. А может, и сейчас догоним? Конвою уж точно ничего больше не грозит. Даже их субмарины куда-то подевались.

Командую:

– Поворот, увеличить скорость!

Ложимся на курс преследования. Расстояние сокращается, но медленно! Да что они, эти фрицы, охренели совсем – переход совершают самым полным, ни машин не жалко, ни топлива! Будто черт за ними гонится. То есть мы. Неужели знают? Как бы в неприятности не влететь.

– Тащ командир, цель номер три, шум винтов прекратился!

Так, засаду нам поставить решили? Все удирают дальше с шумом, а один машину на стоп и слушает? А как подойдем, глубинки нам на голову. Ладно, придется заняться. Тех догоним или нет, еще неизвестно, а эту синицу из рук уже не упустим.

Сбавляем ход, меняем курс, чтобы зайти к цели с траверза или даже с носовых курсовых углов. Фриц не реагирует никак – пытается, наверное, нас услышать. Ну слушай дальше, овечка! В перископ опознаю силуэт: точно, «нарвик», с характерной двухорудийной башней, полное водоизмещение три пятьсот, триста тридцать человек экипажа. Дистанция чуть больше полутора миль, тут двух торпед хватит, в режиме СН «поверхность», прицел по корпусу, без предупреждения – если он вдруг даст ход, торпеды захватят его винты. Да что там, акустики совсем мышей не ловят, они же должны сейчас лодку выслушивать, искать, а уж торпеды обязательно обнаружить, доклад на мостик, и полный вперед! Перископ опущен, но сообщения с ГАКа о том, что «цель дала ход», так и нет. Зевнули или совсем неумехи, ну это ваши проблемы, два взрыва отчетливо слышны, попали обе. В перископ картина классическая: оседает, кренится, горит. Хотели нас поймать, а дичью стали сами.

Плотики спускают. Война у нас какая? Правильно, тотальная. Берег не так уж и далеко, так что эти конкретные фрицы имеют неплохой шанс быть спасенными, ведь убежавшие (кото-

рых нам уже не догнать) доложат кому надо, где еще один остался. А значит, будут искать, пошлют спасательную экспедицию. Их подстеречь, что ли? Так вряд ли эсминцев пошлют, скорее несколько «раумботов» или мобилизованную норвежскую мелочь. А торпеды у нас ценные, штучные пока.

Но вот эти конкретные фрицы точно не будут больше против нас, в экипаже другого корабля. Злосчастный «нарвик» утону наконец, плотики отгребли в сторону, но держатся довольно компактно. Так, курс на них, глубина двадцать, ход полный! Ну, до тридцати мы вряд ли разогнались на такой дистанции, но фрицам наверху все равно не позавидуешь: купаются сейчас, все плоты перевернуло. Сбавляем ход, циркулируем назад. Информация разведотделу нужна – значит, несколько штук пленных не помешают.

Сначала поднимаем антенну, чтобы убедиться в отсутствии вблизи воздушного и надводного противника. Радар ничего не показывает, всплываем. Наблюдаем в воде скопление фрицевских тушек. Как и следовало ожидать, все плоты перевернуты. Так что не стоит опасаться, что кто-то выстрелит или по аварийной радиации наведет на нас авиацию. Большинство тушек уже и признаков жизни не подают – холодная вода. Мы не звери – просто чтобы подготовить квалифицированного корабельного специалиста, нужно столько времени и ресурсов... А значит, если нельзя было всю эту толпу взять в плен (их «Норильск-Никель» ждет, или «Севмаш» для самых смирных), то не доставайся они никому.

Вылавливаем тушки прямо с борта, со страховкой, цепляя багром подходящие (старались выбирать офицеров, насколько возможно было отличить в зимней одежде). Наловили штук десять, спустили вниз, привычно уже сунули в выгородки грязного белья (самую первую медпомощь Князь им оказал – помрут, кого допрашивать будем?). Ну все, погружение, и домой!

А «Шарнхорст» ушел, сцуко! До следующего раза.

Вице-адмирал Август Тиле.

«Адмирал Арктики», Нарвик, это же время

Что делать? Приказ самого фюрера абсолютно категоричен: принять самые решительные меры против русско-английского судоходства, для чего Арктическому флоту придаются линейный корабль «Шарнхорст», эсминцы Z-33, Z-38 (совсем новенькие, только что ускоренный курс боевой подготовки завершили), а также «старички», «Карл Гальстер», «Фридрих Экольт», «Ганс Лоди». И попробуй не исполни – сразу отправишься вслед за беднягой Редером!

А если исполнить? Одному богу известно, что там плавают в глубинах, какого монстра русские сумели выпустить: ходят слухи, что там может быть все, от гигантской подлодки со сверхоружием до проснувшегося Змея Емунгарда! Болтовня, суеверия, пьяный бред – но как быть с фактами, что мы потеряли тут целый флот, за последние месяцы, при совершенно необъяснимых обстоятельствах – причем асы-подводники, ветераны Атлантики, в один голос говорят, что никакая субмарина с самым удачливым командиром и лучшей командой такого совершить не могла! И если выпустить в море «Шарнхорст», последний линкор рейха, и его утопят, как «Тирпиц», то чья голова будет принесена в жертву?

Потребовались весь мой опыт моряка и штабиста и сутки напряженных размышлений, чтобы найти решение.

Это ведь было первым правилом «папы» Дёница – жалеть своих «мальчиков», не заставлять их разбивать головы, атакуя сильно охраняемые конвои в районах постоянного вражеского контроля, а посылать в удаленные места, где одиночные «купцы» ходят без охраны. Что мешает мне применить это здесь и сейчас? Фюреру нужна морская победа? Будет ему победа. Но ведь не сказано однозначно, что это будет конвой PQ-20. Русские ведь только этого и ждут. И это самое, что там у них есть, тоже будет подстерегать нас возле конвоя. Ну а мы туда не пойдём! Если враг силен там, значит, он слаб в другом месте. И где тут место, чтобы была добыча, без большого риска, но в рапорте смотрелась?

Добыча есть: русские рыбаки в удаленных районах моря. Там точно нет никакой охраны, а значит опасности. Линкор, гоняющийся за траулерами, будет выглядеть просто смешно? Так по записи, «русские торговые суда», на бумаге не будет разницы, сейнер в двести тонн или транспорт с десятью тысячами тонн военного груза. В лучших традициях охотника – ударить и уйти безнаказанно! Запасная цель: предполагаемая военно-морская база на острове Шпицберген, которая теоретически могла там быть. И наконец, если по пути попадется одиночный транспорт, так это совсем хорошо. Вроде бы кто-то из русских конвоев назад в Исландию возвращается пустым вот так, не дожидаясь попутного каравана.

И простите, мальчики папы Дёница, но сейчас, по сравнению со мной, вы просто расходный материал. Поскольку гибель субмарины не влечет за собой такого шума и последствий, как гибель линкора. Одна или несколько лодок не вернулись из Атлантики, обычное дело на войне. Не надо удивляться приказу, находясь на указанных позициях, обязательно выходить в эфир несколько раз в сутки, в указанные часы. По большому счету вы нужны мне лишь затем, чтобы своей гибелью, а значит потерей связи с вами, отмаркировать появление этого русского не пойми чего и указать эскадре опасный район, куда ни в коем случае нельзя заходить.

Ну а в предполагаемый район охоты заранее послать сразу троих. Со строжайшим приказом: обнаружив непонятное, прежде всего радировать открытым текстом. И советом не погружаться, все равно не спасетесь, у русских есть какое-то оружие, действительно поражающее субмарины под водой. Надеюсь, если что, хоть одна из троих успеет.

И сам «Шарнхорст» выходит заранее, пока нельзя еще и предположить перехвата конвоя. Уходит на север, к самой границе льдов, и ждет сигнала от лодок-разведчиков.

Все пошло не так! Для начала, U-657, посланная в русское Баренцево море вместе с U-622 и U-334, встретив одиночный траулер, не удержалась от увеличения своего боевого счета. Причем русские успели радировать – и теперь следовало ждать их контрмер. Это были все же их воды, и если в прошлом году наши субмарины гибли у нашего же побережья... И мне пришлось отдать приказ, скорее выйти из опасного района, и лодки удирали так, как должен был бы уходить после успешной операции «Шарнхорст».

Я оказался прав в своих опасениях. Очень скоро пришло сообщение с U-622: «Шестьсот пятьдесят семь и триста тридцать четыре погибли, предположительно торпеды, никого не видели». Больше U-622 в эфир не выходила и на вызовы не отвечала. Это русское нечто снова в море и сожрало сразу три подлодки!

Я сразу приказал эскадре затаиться, застопорить машины, соблюдать полнейшее радиомолчание. Если русский монстр обнаружит «Шарнхорст», об этом не хотелось и думать! Двое суток прошли в страхе и напряжении, пока мы не узнали, что так же бесследно пропали U-354 и U-625. И было самоубийством теперь лезть в Баренцево море, так как тогда русская угроза оказывалась между нами и нашими базами. Оставалась одна цель – Шпицберген!

Дальше было самое опасное: возвращение домой. Мы надеялись лишь, что русские будут ждать нас возле конвоя, мы же проскочим за его кормой, взяв далеко на запад. Пропажи наших кораблей не выходили за рамки некоего района у русских берегов – оставалась надежда, что в удалении мы будем в безопасности. Совершенно неожиданным было столкновение в море со скоплением возвращающихся транспортов – мы успели дать несколько залпов с большой дистанции, заставив противника разбежаться по морю в разные стороны. Мы не могли позволить себе задержаться, преследуя и добивая, а отходили на юго-восток с максимальной скоростью, мы знали, что смерть гонится за нами по пятам.

Скоро подтвердилось, что это действительно так. Эсминец Z-38 был, как я уже сказал, совсем новым кораблем, с недостаточно опробованными механизмами и неопытной командой, для него это был один из первых выходов в море. Когда спасение было уже близко, он вдруг потерял ход, сообщив о выходе из строя котельной автоматики. На устранение неполадки требовалась пара часов, но я не мог рисковать всей эскадрой и жизнями тысяч германских моря-

ков. Мы продолжили путь, а несчастный Z-38 был потоплен. И на следующее утро высланные на помощь гидросамолеты и катера нашли на воде лишь несколько десятков трупов в спасательных жилетах: из трехсот тридцати двух человек экипажа в живых не осталось никого!

Однако надо писать рапорт в Берлин. Уничтожен русский транспорт, обстреляна британская военно-морская база на острове Шпицберген, где наблюдались взрывы и пожары, уничтожен британский конвой, потоплено не менее десяти транспортов. Эсминец Z-38 героически погиб в бою с превосходящими силами врага. Германский флот показал, что в состоянии решать на море любые задачи! Во славу фюрера и рейха!

И теперь нужно приказать кораблям, чтобы все это вошло в судовые журналы, а черновые текущие записи были уничтожены.

Лазарев Михаил Петрович

Полярный, 27 января 1943 года

Пришли на Главную базу. Ждать пришлось, пока конвой, наконец дошедший, весь втянется в Мурманский порт. И на случай, если фрицевская субмарина рядом окажется, и чтобы любопытных глаз не было. Встали к тому же самому месту, что в ноябре.

Судя по реакции и самого адмирала Головки, и товарищей из штаба, они ждали от нас не меньшего результата, чем утопления «Шарнхорста» со всем сопровождением. А так – подумаешь, пять лодок и эсминец, кого этим удивить в свете недавних побед? В начале войны за это ордена раздали бы всем, однозначно, а теперь лишь рапорт приняли, и свободен!

Хотя наград у нас и так уже... Я рассказывал, как нас в сентябре, вместе с принятием присяги СССР, награждали, за три эпизода – самый первый конвой с «Лютцовом», «Шеер» и «Тирпиц». А были ведь и еще – за второй конвой, который у Порсангер-фиорда, и за третий, с взятием Петсамо. А поскольку статут ордена Великой Отечественной войны предусматривает случай «члену экипажа корабля, потопившего боевой корабль противника», то этот орден (обе степени) у всех нас поголовно. При том, что на нашем счету один линкор и два «карманника» (уже названы), четыре крейсера (два тяжелых, «Хиппер» и «Эйген», и два легких, «Кельн» и «Нюрнберг»), десять эсминцев, восемнадцать подлодок, один минзаг, одна плавбаза, восемь транспортов, четыре тральщика – а сколько еще с нашей подачи утопили? Будет так к концу войны и трехзначный счет, если у фюрера кораблей хватит.

С другой стороны – привыкаем. Будни начались, не герои мы – рабочие войны. Читал в «перестроечных» мемуарах, что не кричали фронтовики «за Родину, за Сталина», ну кроме политруков, которым это по должности положено. Правильно, не кричали – потому что, если человек во что-то искренне верит, он об этом орать не будет, а просто сделает, считая, что это правильно, так надо, иначе нельзя, даже если страшно, и сейчас могут убить. Я в пехоте не служил, но вот с экипажем Щ-422 успел пообщаться, как и с командирами и офицерами других подлодок СФ. На «Щуке» этих времен атаковать хорошо охраняемый фрицевский конвой, подходя к цели на «пистолетную» дистанцию, это, наверное, страшнее, чем на суше в атаку идти, и если обнаружат тебя, помирать будешь куда страшнее, чем от пули, как наши на С-80 в мирное время. Это верно, не кричали в войну «за Родину и Сталина». За них просто в бой шли, и умирали...

Значит, начинаются серые будни. Петрович бежит, командует, Серега Сирый тоже – текучка, ради которой нечего командира отвлекать, коли старпом толковый. Хоть стоим у пирса, вахта походная, «боевая готовность два», как положено, когда реактор не заглушен. Завтра прикажут, выйдем, еще кого-то утопим, и назад. Года через полтора Победа, праздник – и снова учения, походы. Такая и будет у нас жизнь.

Что там на фронте? Газеты доставили, и Совинформбюро передает – в последний час! Наше наступление под Ленинградом – освобождены Красное Село, Ропша, Гатчина. Похоже на то, что было в нашей истории: один удар от Ораниенбаума, а вот второй – не на Пулковом,

где фрицы год уже в землю закапывались, а сразу на Гатчину, ведь в этой реальности сейчас фронт по витебской ветке проходит, успеют фрицы из Петергофа выскочить, или будет еще один котел? Но вот пушки, из которых они по Ленинграду стреляли, точно, вывезти не сумеют. И окажутся эти пушки линкорного калибра бывшими французскими – сохранить бы их после не на временной выставке трофейного вооружения, а в музее, и показывать французам, когда те заикнутся про возврат царских долгов, как в девяностых при Борьке-козле. И вместо его бляения, что, конечно, заплатим, пусть только нас признают частью европейского мира, ответить: «А вы заплатите нам за это?»

На юге наши дошли до рубежа Днепропетровск – Сумы – Полтава. Идут бои за Запорожье. Получился здоровый такой выступ на запад, вдвое шире Курской дуги, поскольку Орел и Смоленск еще пока под немцем, как и Мариуполь. А будет ли в этой истории Курская дуга? Фрицы уже явно не те, но попытаться могут.

Хотя – хрен! «Тигры» горят, статья в «Правде», с фоторепортажем. Помнится мне, в нашей истории что-то подобное было уже после Курска? И также припоминаю, что в сорок пятом немецкие танки имели отвратительное качество брони, из-за отсутствия легирующих добавок. Что будет здесь, если никеля из Петсамо и марганца из Никополя их заводы уже не получают?

Из новостей международных: Монголия и Тыва вошли в состав СССР. Ну, если вспомнить, что Тыва – это Тувинская АССР, бывшая у нас до сорок четвертого суверенным государством, то чем Монголия лучше? Тем более что совсем рядом японцы зубами лязгают, как бы схарчить – хоть и Халхин-Гол был, и договор с нами, но в составе Союза спокойнее! Хотя и не слишком нас это усилит, но...

Опять же вспоминаю, в нашем договоре с союзниками о том, что мы после с Японией будем воевать, нам обговаривались три пункта. Третий про Курилы, второй про Порт-Артур и Южный Сахалин, а вот первый о том, что сохраняется статус-кво Монголии. Это тут с чего? Что, были претензии ее Китаю вернуть, или, наоборот, присоединить к СССР уже тогда? Если вспомнить, что по сути это такая же провинция Китая, как Уйгурия и Маньчжурия, по чистой случайности в отличие от них ставшая независимой в двадцать первом, то это может быть и знак всем прочим, и товарищу Мао в частности – а куда он от нас денется сейчас? Так, тут еще упоминание речи товарища Сталина о новой национальной политике... Почему не знаю? В этом времени к такому относятся серьезно, в разговоре выплывает, что не в курсе, получится неудобно, надо хотя бы знать, какая очередная высшая мудрость на вождя снизошла. «Правда» за позавчера, открываю – ой, мля!!

Общая историческая судьба в годы тяжелых испытаний... русские, белорусы, украинцы, казахи, армяне (и прочая, и все-все), все могут выжить и процветать лишь воедино... формирование единой исторической общности, советского народа, воодушевляемого самой передовой в мире коммунистической идеей, стало реальностью... что вызывает необходимость в национально-административной реформе... Речь, и Указ Президиума ВС СССР тут же – на три страницы.

Если коротко и понятно – вождь гениально совместил несовместимое – «а может быть, к шестнадцати гербам гербы добавятся другие» – и будущую Красную империю! Для начала, коль мы единый советский народ, целый ряд бывших союзных республик упраздняется, преобразуясь в автономии, у которых по сути остались лишь право издания некоторых законов, учитывающих «местную» специфику (при обязательном приоритете законов общесоюзных), и использования «местного» языка, опять же на «внутреннем» уровне, а вот любой выход за пределы автономии – только и исключительно на русском, как и вся официальная документация. Никакого «равноправия» языков – запрета нет тоже, житель какого-нибудь аула может до смерти говорить исключительно на своем и учить детей, и местные школы остались, для общения на бытовом уровне. Но лишь на русском все высшее образование, а значит, и все,

связанное с техникой и наукой (национальных Академий наук в автономиях быть не может, максимум региональные отделения Академии наук СССР).

Дискриминация? Простите, вы верите, что какой-нибудь научный гений, допустим, Туркмении, творил и писал бы исключительно на своем языке, не зная русского? Почему армия по языку должна быть единой (что не бесспорно – например, в армии австро-венгерской кроме официального немецкого языка, на котором отдавались приказы и велась отчетность, существовал также официально и «полковой», соответствующий национальности большинства солдат данной части), а наука и образование должны разделяться? Ну а то, что не владея русским языком, нельзя будет работать ни мастером в цеху, ни даже шофером или трактористом, потому что не сумеешь прочесть техдокументацию, так это опять же не великорусский шовинизм, а элементарное удобство: ну нет в большинстве национальных языков таких понятий, как «кривошипно-шатунный механизм»! И если при техническом переводе даже с английского возможны такие перлы, как известный анекдот «голый кондуктор бежит под вагоном», дословный перевод «неизолированный провод проходит под тележкой шасси», то я представляю, как выглядел бы обратный перевод на русский с узбекского какого-нибудь учебника по квантовой механике! И если уж я упомянул про Туркмению, то...

Друг мой, который «мы из будущего», ну я уже рассказывал, на гражданке подался в бизнес, порядком помотался по всему СНГ. Случилось ему бывать и в солнечном суверенном Туркменистане, в начале двухтысячных. Туркмены, будучи народом древним, письменности своей, однако, не имели (ну не нужно это, чтобы гонять верблюдов по Каракумам). Пришли русские, построили города, заводы, железную дорогу. Затем, уже при СССР, решили, что национальная письменность должна быть, и придумали ее на основе кириллицы. Но юмор в том, что тем, кто работал в городах, на заводах, с техникой, удобнее было пользоваться русским языком, по объясненной уже причине. А тем, кто продолжал гонять верблюдов, письменность была мало и нужна. В результате даже в советские времена было не так много образованных туркмен, умеющих читать и писать на своем языке. Ну а когда Туркменбаши отчего-то пожелал «приобщиться к европейским культурным ценностям» (как будто кто-то пустил бы его в Европу!) и приказным порядком велел заменить кириллицу на латиницу, то началось такое! Чиновники в казенном присутствии не могли прочесть официальную бумагу, выданную их коллегами, и спрашивали: «А как это будет по-русски?» Мой друг сначала просто смеялся, а затем сообразил, что раз спрашивают *его*, то что мешает при переводе чуть изменить содержание, естественно, в свою пользу? Внакладе не остался.

А Туркменбаши – ну что взять с убогого головой? Диагноз сей, говорил мой друг, я ставлю исходя из того факта, что строя в Ашхабаде громаднейшую мечеть, сей вождь объявил себя прямым потомком Аллаха, даже не подозревая, какое кощунство совершает – ведь потомком Аллаха не был даже сам пророк Магомет, отчего никто из турецких султанов и багдадских халифов, чьи владения простирались от Гибралтара до Персидского залива, не смел себя назвать этим титулом, возложить на себя нимб мусульманского святого, более великого, чем Магомет. И как только мусульмане всего мира не объявили Туркменистан новым местом паломничества, вместо Мекки, или не порвали святотатца в клочья!

Но вернемся к нашим баранам. Прямым следствием новой политики было то, что областям с подавляюще русским населением стало просто нечего делать в составе Украины и Казахстана – ну зачем им школы на местном языке? То есть границы РФСР также изменились. Так что Донецк и Петропавловск сейчас – русские города. Нет, союзные республики тоже остались – для тех, кто еще не ощутил свою общность исторической судьбы. Это притом, что процесс слияния объявлен «исторически прогрессивным», ну значит, лет через пятьдесят удостоитесь. Но пока сохраняется добровольность присоединения и даже право выхода. То есть внутри монолитная Красная империя (большинство бывших «старых» республик), а снаружи,

кто не хочет под нее ложиться, вступит как бы ассоциированным членом. Ай да Иосиф Виссарионович! Интересно, от Европы что-нибудь останется?

И ведь никто не посмеет возражать! Народу, смею предположить, без разницы, да еще на волне побед – ну а региональные элиты пока лишь в процессе зарождения. Кто тут против товарища Сталина – самоубийцы есть? Тем более что на территориях, какие еще под немцем, или только что освобождены, спорить за «теплое место» некому, по понятной причине.

Интересно, что про Украину, притом что восточные «русские» области отошли к России, а Крым и так числится за РСФСР, прямо заявлено как о будущих «Украинской АССР» и о «Западно-Украинской ССР»! То есть, надо полагать, граница будет проходить по линии тридцать девятого года? Еще любопытнее, что для Белоруссии такое не предусмотрено, там автономия вся. Учел, значит, Иосиф Виссарионович наши сведения о том, что не будет там ни серьезного сопротивления, ни раскола на «западных» и «советских». А вот господа бандеровцы хрен теперь будут вопить о «великой украинской нации». Где они, а где Киев! Отделяться ведь сами не захотят!

Отчего не захотят? А потому, что они не нация, а народность. Разница такая же, как, на бытовом уровне, между вашим сыном-подростком, который живет на вашей жилплощади, и вы его кормите и одеваете, и взрослым человеком, самостоятельно зарабатывающим на жизнь. То есть нация экономически самодостаточна или сама производит то, что ей нужно, или может купить на свой товарный продукт. А иначе никакой самостоятельности, простите, самостоятельности, с их стороны быть не может, как бы они ни пыжились, изображая из себя взрослых. И уж самое худшее, что они могут сделать (для себя), это продолжать тянуть из нас и искать против нас помощи за бугром. Потому что в этом случае мы сделаем им очень большое бо-бо, и будем полностью в своем праве! Поскольку не взрослые они еще, не своим домом живут, а нашим.

Юмор в том, что эта идея, про нации и народности, взрослых и детей, вождю пришла после прочтения одной из наших книг, названия не помню. Ну а про автономии – это уже он сам, из своего же опыта двадцать второго года, когда он спорил с Ильичом, организуя СССР. Ну и веселые же времена ждут Европу, когда мы туда войдем!

С вахты передают – из штаба флота просят прибыть. Вешаю «стечкин», охрана уже ждет у трапа – приказ о мерах безопасности никто не отменял, «во избежание вашего убийства или похищения агентами Германии или союзников». Причем во избежание ситуации «кто вызывал такси на Дубровку» (старший майор госбезопасности, тьфу, уже комиссар третьего ранга, Кириллов, наш куратор и ангел-хранитель от НКВД, этот фильм тоже смотрел, остался довольным), старшего охраны я непременно должен знать в лицо, и это при том, что на причале, как только мы к нему ошвартовались, своя охрана, которой все прибывшие обязаны документы предъявить. Даже самого комфлота так не охраняют, секретность, блин! И маскировку над нами уже установили, комплект образца двадцать первого века, но не «родной», оставшийся в Северодвинске, а сделанный уже здесь, по его образу и подобию, и не в единственном числе, не только мы пользуемся – но вот уверен, завтра уже весь Полярный будет знать, что «моржиха» пришла!

Из репродуктора на столбе над причалом разносится песня. И тоже ведь из наших, «новых»!

Всю, что есть на земле, красоту
Понимаем, и любим, и ценим.
Всю, что есть, а особенно ту
Красоту,
Что живет в нашем крае весеннем.

Русская удаль, русский простор,

Русское чудо – русский узор,
Русская стройка, русская сталь,
Русская тройка, русская даль,
Русская снежность, русский полет,
Русская нежность, русский народ.

Наша солнечная сторона,
Принимай эту верность сыновью...
Хорошо, что твоя глубина,
Старина,
Так легко обручается с новью!

Эта синь, эта ширь, эта высь –
Голос мира, спокойный и веский,
В нем навек воедино слились,
Обнялись
Слово «русский» и слово «советский».

Как раз к ситуации – идеологическая обработка народа уже началась. Не великорусский шовинизм (с которым Сталин непримиримо боролся), а объединение окраин вокруг уже сплавившегося «советского» (не русского!), «имперского» ядра. Интересно, в этой истории будет ГДР или Германская ССР?

В кабинете командующего, кроме самого Арсения Григорьевича, были еще Зозуля и Вазгин, начальник флотской разведки.

– А, Михаил Петрович! Приветствуем победителя всего кригсмарине!

Издеваются, что ли? Улыбаются все, но без издевки. С таким видом о награждении или повышении уместно сообщать. Или «Шархорст» сам вдруг утоп, а я не знаю?

– Серьезно, Михаил Петрович. Прочтите вот здесь. А после вот это!

«Правда» сегодняшняя, и мелким шрифтом, после сообщений о наших победах – Черчилль в парламенте произнес речь, упомянув, кроме всего прочего, и о нашем деле: «кригсмарине показало, что его еще рано списывать со счета», «дерзкие и успешные операции немецкого флота в русской и английской зоне», «конвой PQ-20 чудом избежал гибели, когда германская эскадра прошла всего в тридцати милях» (ну, положим, там не тридцать было, а побольше), «значительный риск отправки конвоев в Россию, жизни наших моряков подвергаются огромной опасности», и еще, и еще. Да, начинаю думать, что тогда британцы пытались утащить битый «Тирпиц» к себе исключительно затем, чтобы отремонтировать и вернуть фюреру, дальше пугалом служить! Нет, напрямую английский боров отказаться от конвоев к нам не требовал, все же не идиот он о таком заикаться сейчас, ведь там не только ленд-лиз был, но и закупленное нами за золото, а значит, принесшее наглосаксам хорошую прибыль. Но вот на мозги он капает, а это очень не есть хорошо, при первой же неудаче весы и качнуться могут.

– А теперь вот это, Михаил Петрович. Только не смейтесь, это серьезно.

Протоколы допроса. Те фрицы, которых мы сдали в разведотдел. Вот это удача – среди них командир Z-38 и еще двое офицеров! Читаю... Это что ж выходит, фрицы всего лишь от нас удирали?! Ужас, монстр, морской змей, вообще неизвестно что, но чего они до усрачки боятся, даже в тот район моря войти, где есть подозрение, что вот это там сейчас – и это все наш «Воронеж»?! Атомный подводный крейсер – это, конечно, сила, но чтобы вымести с морского театра весь вражеский флот?! Это ведь называется господство на море в чистом виде, когда мы можем там ходить куда захотим и делать что угодно, а враг и нос высунуть боится. Ведь

теперь «Шарнхорст» можно выгнать в наше море лишь угрозой расстрела всей команды – и то под вопросом, в холодной морской воде помирать мучительнее, чем от пули.

– Так что, Михаил Петрович, боевую задачу вы выполнили отлично. Конвой прошел без малейших помех. От лица командования Северным флотом объявляю вам и экипажу К-25 благодарность.

– Служу Советскому Союзу! – отвечаю я по новому (или старому для меня) Уставу.

– Вот только с политической точки зрения «Шарнхорст» теперь желательно уничтожить. Это реально?

– Реально, – отвечаю, – если мне вернут назад хотя бы пару ракет и дадут целеуказание авиаразведкой. Нарвик, как база НАТО, вероятного противника в 2012 году, на наших электронных картах имеется. А у «Гранитов-И» есть режим, лететь до заданной точки, там включить самонаведение и искать цель в приблизительном районе. О радиопротиводействии тут и не слышали, ПВО можно вообще в расчет не брать – так что положу в цель с гарантией. Если даже и не утонет, то будет в состоянии, еще хуже чем «Гнейзенау», после попадания бомбы в артпогреб. Уж точно, до конца войны в строй не введут. Минус – что невосполнимый боеприпас расходуется.

Хотел добавить, «Шарнхорст» и так никуда не денется, а вот после, «Мидуэи» и «Айовы» у наших берегов... Но промолчал. Пока мы все ж союзники. Пока.

– Ну, это пока рано, Михаил Петрович. Но будем иметь в виду. Да, за выполнение боевого задания вы и экипаж будете представлены к наградам. Поскольку, по словам пленных, командир U-622 за прошлый поход был награжден Рыцарским крестом всего лишь за то, что «произвел разведку», то есть незаметно для нас проник в Баренцево море, за меридиан Полярного, никого не встретил и поспешил назад, благополучно вернувшись живым, то наградить К-25 за шесть потопленных в одном походе будет по справедливости.

Разговор как-то плавно перетек на планирование будущих операций. Зозуля поинтересовался, как работают новые торпеды. Я честно ответил, что против надводных целей выше всяких похвал, а вот на глубине и не проверили, и сильно сомневаюсь. Ну не верится мне в хорошую работу пассивного самонаведения по подлодке на электромоторах! Так что работать против лодок нужно только, пока они не погрузились. Или эсминцы наводить, как мы делали уже.

– А по надводным кораблям? Насколько тактически осуществимо взаимодействие К-25 с тяжелым крейсером? В бою против вражеского артиллерийского корабля.

– «Шеер»? – сообразил я. – То есть «Диксон»? Так же, как и с эсминцами, при условии, что на нем будет нормальная ГАС. Но вот тут играть придется на опережение: торпедами достанем с трех-четырех миль, не больше, значит надо успеть выдвинуться. И глубина должна быть не меньше двухсот – чтобы нам разогнаться до полной.

А что, план хорош. Представляю встречу «Диксона» с «Шарнхорстом», с «Дюнкерком», да хоть с гипотетическим противником класса «Айовы», который видит перед собой заведомо слабейшую добычу, и не знает, что внизу ходит атомарина. Выход на дистанцию, и залп с глубины самонаводящимися, по ГАКу, не поднимая перископ – такую атаку ПЛО здесь отразить не способна. «Айове» песец – а нам пропаганда, как карманный линкор, с немецкой командой сдавшийся вооруженному пароходу, под русским флагом бьет всех одной левой. Да еще намекнуть на участие в этом походе немецких спецов из бывшего экипажа «Шеера». Фюрера инфаркт хватит, когда он об этом прочтет!

Вице-адмирал Август Тиле. «Адмирал Арктики»

Нарвик, 22 января 1943 года

Я приказал задержать выход в море всех конвоев, ввиду присутствия там русской лодки, или морского змея, или черта, все равно. Важно лишь то, что это нечто безнаказанно топило

немецкие корабли, и пока ему нечего было противопоставить. Минные поля, выставленные в проливах между островами и вдоль всего открытого участка берега, отгораживая фарватер, тоже не давали, как оказалось, никакой гарантии безопасности конвоев. Несмотря на них, потери от действий вражеских лодок были регулярными, но терпимыми. Да что там говорить, эти безумцы в прошедшей кампании умудрялись выводить свои лодки даже из Финского залива в Балтику. Вероятно, смогут и в этом году, потому что за зиму минные поля проредятся, а весь запас мин, предназначенных для полной изоляции Балтийского флота русских, мы вывалили в норвежские воды. Как выясняется, напрасно. Впрочем, по крайней мере, теперь можно не опасаться совместных действий вражеских лодок и эсминцев, подобных той резне, что они устроили в Порсангер-фьорде. Добавляли уверенности в этом и пушки спешно построенных береговых батарей, демонтированные в Тулоне и перевезенные в Нарвик благодаря клятвенному заверению Геринга, что действий надводного флота союзников в районе этой средиземноморской базы он не допустит и совершенно не гарантировавшего безопасности Норвегии в зимний период. Всю систему береговой обороны надежно связали проводными линиями связи, помня помехи по радиоканалу, а для поиска источника этой напасти развернули вдоль берега посты радиопеленгаторов. Мальчики Геринга по нашей просьбе держали эскадрилью торпедоносцев и эскадрилью истребителей, готовые немедленно вылететь в район и утопить вредителя, если это какое-то судно, или сбить, если это самолет. Если бы еще были введены в строй береговые акустические станции, то ваффенмарине СС могло бы чувствовать себя в прибрежных водах вполне уверенно, однако, к сожалению, они только начали строиться.

Но от этого морского черта чего угодно можно ожидать, поэтому транспортам сейчас делать в море нечего, придется опираться только на десантные баржи типа «Ф», малоуязвимые для торпед из-за их малой осадки. Снабжение баз и сухопутного фронта не пострадает, а вот вывоз руды придется приостановить.

Инженеры божатся, что автономностью эта русская бестия похвастаться не может, поэтому выждем немного, недельки две-три, и разом проведем все транспорты одним конвоем, пока русские будут отдыхать в базе.

Берлин, штаб ваффенмарине СС

29 января 1943 года

– Так, герр Дёниц, проходите. Вы ничего не хотите мне сказать?

– Уточните ваш вопрос, герр рейхсфюрер. Наша аналитическая группа ведет работу, активно собирает и обрабатывает информацию. Наш последний отчет...

– Засуньте этот отчет в... ватерклозет, Дёниц! Вам известно, что произошло на севере?

– Герр рейхсфюрер, командиров всех пяти погибших субмарин я знал лично. Как помню в лицо и по именам многих из их команд. Что нельзя сказать про командира и экипаж Z-38.

– Дёниц, я отлично помню ваши выводы и рекомендованных вами господ. Касаемо мифической «большой русской подлодки», если она действительно существует... Вот карта, в этой точке вот в это время был потоплен русский траулер, успевший, к сожалению, дать радиogramму. А примерно в этой точке, никак не дальше, вот в это время все три лодки погибли, почти одновременно, согласно последней радиogramме U-622. То есть временной диапазон известен – а теперь возьмите линейку и измерьте расстояние. И ответьте на вопрос, если мифическая подводная лодка есть, то с какой скоростью она должна была подойти от русской базы Полярный? Или еще западнее, где сейчас находится фронт.

– Это... невозможно, герр рейхсфюрер!

– Вот именно, невозможно. Тридцать пять узлов. Причем это средняя скорость, по всему пути. Это если считать от Полярного, если же от русских передовых баз, то выйдет и тридцать восемь. По-вашему, это возможно для подводной лодки? Сколько вы насчитали в прошлый

раз вашей экспертной командой? А ведь русским надо было еще потратить какое-то время на поиск целей!

– Но наши субмарины могли быть потоплены и авиацией. Или же русские оказались настолько умны, что развернули корабли ПЛО для охраны своих траулеров.

– Во-первых, чтобы троих почти сразу? Во-вторых, в радиোগрамме U-622 говорится, что они не видели противника!

– Но русская сверхлодка могла уже находиться в том районе.

– И что она там делала? Охраняла рыбаков? С очень большой натяжкой я мог бы еще в это поверить. Но не поверю, и знаете отчего? То, что я вам сейчас скажу, настоятельно рекомендую не разглашать. Так как Канарис сейчас в опале, я сумел прибрать к рукам кое-что из его хозяйства. Ведь если сверхлодка с единым двигателем замкнутого цикла, что вы мне описали, то она должна потреблять большое количество химикатов, весьма опасных в обращении, как заявили мне эксперты, которым я доверяю. Не говоря уже о том, что горючее для машин этой лодки должно быть обычным, соляра или мазут.

– Мазут на подлодках не применяется.

– А вы рассчитайте потребную мощность для тридцати пяти узлов под водой. Существуют ли соответствующие дизели, или это ближе уже к турбинам? Ведь можно, в принципе, сделать замкнутый цикл и для котла, когда продукт сгорания очищается, обогащается кислородом и снова идет в топку?

– Ну, теоретически это возможно. Но никто никогда на практике такого не делал!

– Это по сути неважно. Так вот, Дёниц, по своим каналам я абсолютно точно установил следующее. Первое: ни в Полярном, ни в Мурманске нет хранилищ для химических реактивов. А это такая опасная вещь, что ее никак нельзя держать без особых условий. Более того, мой источник уверяет, что подобные вещи в сколько-нибудь значительных количествах туда и не завозились. Второе: источник подтверждает, что в Полярном в ноябре стояла очень большая подводная лодка, у тщательно охраняемого причала. Но он уверяет, что ей не было отпущено с береговой базы ни литра мазута или солярки. Третье: мой источник утверждает, что командир этой лодки, по крайней мере тот, кто выдает себя за командира, имеет чин не флотский, а НКВД, и незнаком на флоте абсолютно никому. Как вы все это объясните?

– Ваш источник, это как я понимаю, чин из русского интендантства, отвечающий за горюче-смазочные? По первым двум пунктам ничего не могу сказать, кроме предположения о секретной русской базе где-то в далекой бухте. Хотя странно, такая база должна как минимум железнодорожную ветку иметь. А вот третье – бред. Такой корабль никогда не доверят малоопытному. Командиры субмарин – это особая каста, где отличившиеся известны всем. Хотя у русских были репрессии совсем недавно. Может, кто-то из якобы казненных?

– Именно недавно, Дёниц. Пять лет. И до того этот «якобы приговоренный» должен был себя показать. Сделать что-то такое, как например Котельников, шедший на субмарине к русским полярникам, вот лучшая кандидатура на мостик сверхлодки? А как по-вашему, бывший арестант может иметь чин их тайной полиции?

– Герр рейхсфюрер, это бред! Этого просто не может быть!

– Нет, не бред. Существует лишь одна версия, логично все объясняющая. Что то, что стояло у причала в Полярном, это всего лишь блеф, макет, для отвода глаз. Ясно, отчего на его мостике не Котельников, или кто-то ему подобный, зачем отвлекать боевого командира? Ну а выставить роту НКВД в оцепление, это такая мелочь! Могли и экипаж на обманку посадить, опять же не из подводников, а из солдат НКВД, и молчать будут верней, и чтобы обученных людей на лишнее не отвлекать. Но вот про топливо забыли. Или пожалели – вряд ли у них есть пара тысяч лишних тонн соляра!

– Логично. Но тогда что же уничтожает наши корабли?

– А вот тут я надеялся, что вы мне что-то скажете, Дёниц, как эксперт по военно-морским делам. Пока же я наслушался всякого. Мистики из Аненербе, например, всерьез утверждают, что русские привлекли на свою сторону Змея Емунгарда или вызвали морского демона из преисподней.

– Тут я не спец. Экспертом служить не могу.

– А вы попытайтесь. В свете одного очень интересного обстоятельства: торпеда, которую русские сейчас разрабатывают, сделана по образу и подобию нашей Т-IV, «Фальке». Этот факт не подлежит сомнению, но уточнить уже не удастся, по причине провала нашего агента, пришедшего это последнее донесение.

– Дезинформация?

– Меньше читайте плохих детективов, Дёниц. Во-первых, что это дает русским, что знаем мы и что знают они? А во-вторых, мы теперь знаем, что в нашем торпедном ведомстве русский шпион, и вот тут, смею уверить, мы его найдем! Наш агент был неосторожен, но сейчас не об этом. Ответьте мне на вопрос, Дёниц, если у русских уже есть сверхподлодка, применявшая против нас намного более совершенное оружие, зачем им копировать наши торпеды?

– А... тогда что же это?

– Вот именно, герр Дёниц, что? Или кто? Вам рассказать, о чем говорят экипажи нашей арктической эскадры? Что передают нам уполномоченные от СД, в каждой команде присутствующие. Так вот, в этих мнениях, поверьте, очень мало материализма! А моральный дух упал ниже нуля. Мы просто не понимаем, с чем имеем дело, и это страшнее всего! А русские творят в море все, что хотят, а фюрер, которому, слава богу, про все это не доложили, требует от флота самой активной деятельности! И что нам делать, герр Дёниц?

– Вам, герр рейхсфюрер?

– Нам, именно нам. Я говорил вам, и повторяю – гнев фюрера, который обрушится на мою голову, неминуемо погубит и вас, отправив вслед за Редером. Даже без моего на то умысла – а он будет, поверьте, ведь я вовсе не собираюсь отвечать в одиночку за дела, в которых, честно признаюсь, не разбираюсь. Был уже один человек, который пытался... Что бы вы делали на моем месте, герр гросс-адмирал?

– Ну, постарался бы все же разобраться, что выступает против нас. И учел бы пока еще одно обстоятельство. Заметьте, что все события, связанные с этим неизвестно чем, происходят в определенном районе, не слишком удаляясь от русских берегов. Или у русской сверхлодки таков радиус действия, или это нечто не в силах выйти за некоторые границы. Также я слышал, что наши субмарины в Атлантике не встречались ни с чем, кроме обычного противодействия британцев. Потому, если фюрер потребует от флота активности, вот направление, в котором надлежит действовать! Сверхлодка не дойдет, а нечто не почувствует и не проснется.

– А что бы вы предприняли против русских конвоев?

– В русской зоне ничего. С большой вероятностью – бессмысленно погубим эскадру. Хотя есть еще одно. Возможно, «Шарнхорст» уцелел, потому что они практически все время шли самым полным.

– То есть это «нечто» не может перемещаться мгновенно. И его скорость меньше тридцати узлов?

– Может быть, и больше, но ненамного. Даже тридцати пяти могло не хватить, чтобы успеть сблизиться на дистанцию поражения, если наша база близко. В этом случае «Шарнхорсту» повезло дважды. Нарвик был рядом. Значит, возможны короткие выходы и в русской зоне – при условии, что придется постоянно держать полный ход.

– А как быть с возвращением? Если нечто не будет гнаться за эскадрой, а просто займет позицию у входа в базу?

– Буду молиться и вспоминать, когда исповедался в последний раз. Я моряк, герр рейхс-фюрер, я знаю, как воевать с врагом из плоти и крови, а не со сверхъестественным, в существование которого не очень-то верю.

– Тогда дайте материальное, профессиональное объяснение всем изложенным фактам. Если оно окажется убедительным, поверю и я.

– Мне нужно время и консультация с остальными членами нашей комиссии. Могу я ознакомиться их с содержанием нашей беседы? Естественно, при условии сохранения полной секретности.

– Можете, герр Дёниц. (И если даже один из особо доверенных членов комиссии и есть русский шпион, он неминуемо задержается, и сделает ошибку. Ну а мы отследим.)

– В таком случае, герр гросс-адмирал, я вас больше не задерживаю. Достаточно ли вам будет трех дней, после которых я жду вас, или всю комиссию, с отчетом?

Лазарев Михаил Петрович

Полярный, 31 января 1943 года

– И отчего вы в партию не вступите? – благодушно спросил Кириллов. – Ей-богу, просто неудобно как-то. Лучший корабль Северного флота, а парторганизации на нем совсем нет! Между прочим, секретности это очень сильно вредит. Те, кто знает, всякие выводы делают, спрашивая, а отчего так?

– Вы ж ответ знаете, Александр Михайлович. И мой лично, и всей команды «Воронежа». Чем принадлежность к ВКП(б) поможет нам лучше быть фашистов? На собраниях сидеть времени нет. А вместо партвзносов мы лучше денег в казну перечислим на танки и самолеты. И уж конечно не хочется после дружно всем клеймить генетику – «продажную девку империализма» и кибернетику – «буржуазную лженауку, ставящую своей целью порабощение рабочего класса».

Товарищ комиссар третьего ранга объявился в Полярном вчера. Приехал с группой северо-двинских товарищей, взятых для обеспечения нашего базирования здесь. Так что теперь мы имеем на главной базе Северного флота свое персональное место с подготовленной для нас инфраструктурой и обученными людьми. Наша РЛС включена в систему ПВО (хотя немецких самолетов тут давно уже не видели, но теоретически такое возможно, вдруг самоубийцы найдутся?). А наша БЧ-4 слушает эфир, передавая в штаб флота расшифрованные фрицевские переговоры. Стоим пока в шестичасовой готовности – а вдруг «Шарнхорст» высунется в море? На меньшую добычу не размениваемся – транспорты, идущие в Нарвик, успешно топят «катюши» и «шуки». Бригада подплава перебазировалась в Киркенес, как и эсминцы, в Полярном остались лишь наши постоянные спутники, «Куйбышев» с «Урицким», ну и конечно, силы ОВР (охрана водного района – тральцы, катера и всякая мобилизованная мелочь).

Сидим в кают-компании «Воронежа», пьем горячий чай. И беседуем о разном, как интеллигенты на кухне.

– За политической линией не следите, Михаил Петрович. Партия ведь по идее должна быть когортой лучших, самых достойных. Ну а если она у вас такой быть перестала, это технические детали, ошибки исполнения. Ничего, нет такой задачи, которую настоящие большевики не сумели бы решить, лишь бы эту задачу вовремя разглядеть и правильно поставить.

– В мое время говорили: чтобы правильно вопрос задать, надо знать половину ответа.

– Так ведь знаем, Михаил Петрович, с вашей помощью, надеюсь, на половину потянет? Так по последнему Уставу в бою командир должен тактически правильно управлять, все видеть, отдавать приказы, ну а политработник должен солдат в атаку вести, это для ротного политрука прямая обязанность, за уклонение от которой с него спросят, да и для батальонного и даже полкового комиссара это не возбраняется. А вот если комполка впереди цепи с пистолетом, так будут разбираться после, а вызвано ли это было тактической необходимостью? И

если нет, то сочтут за безграмотность и неумение командира. Так что дряни в армии этот путь наверх будет закрыт. После того как это правило в Устав было включено, очень многие политработники поспешили в строевых перечислиться, согласно Указу от третьего января. Ничего, там за ними тоже надзор будет, дров наломать не дадут. Не следите вы за жизнью, Михаил Петрович! Я понимаю, что дела ваши флотские, но в курсе политического момента быть надо?

– А не боитесь, что так лучших и сознательных выбьют быстро?

– Так другие на их место, из числа наиболее сознательных офицеров и даже сержантов. Ротным политруком – ну не прижилось там слово «замполит», это лишь от батальона и выше – теперь могут и отличившегося сержанта назначить, после двухнедельных курсов. Зато как война кончится, в армии на партийных постах будут лучшие, без дряни. Из самых низов вышедшие, имеющие полное доверие личного состава. В отличие от фашистов – кстати, я Валентину Григорьевичу материалы привез, но и вам интересно будет ознакомиться.

Читаю. Из допросов пленных, уже после Сталинграда – знаю, что в их армии, в отличие от флота, «комиссары» появились приказом фюрера, когда Паулюс сдался.

Особой пропаганды не было. Никто не заставлял читать книги и брошюры. Я так до сих пор и не прочитал «Майн кампф». Но следили за моральным состоянием строго. Не разрешалось вести «пораженческих разговоров» и писать «пораженческих писем». За этим надзирал специальный «кригс-комиссар». Они появились в войсках сразу после Сталинграда. В нашем батальоне расстреляли солдата, написавшего домой «пораженческое письмо», в котором он ругал Гитлера. Знаю, что за такие письма в нашей и соседних дивизиях расстреливали солдат и даже офицеров. В нашем полку одного офицера разжаловали в рядовые за «пораженческие разговоры». Мы боимся и не доверяем членам НСДАП, теперь им дозволено и на службе сохранять партийность. Они все стукачи, очень фанатично настроены и всегда могут подать на тебя рапорт по команде.

Ну идиоты! Или это немецкое мышление такое? У нас прежде всего промывали бы мозги, ну как я Григорьичу велел, когда мы в это время провалились. «Бойся не той собаки, которая лает, а той, которая молча кусает». Ну не будет по-настоящему правильный человек на каждом углу лозунги орать – у нас такая образцово-показательная правильность однозначно воспринималась бы или как отмазка ради массовки, или как сокрытие своего истинного лица. Лично я на таких эталонных сразу стойку делаю, как собака на дичь – какой подлости от них ждать можно? А немцы, выходит, за чистую монету принимают?

А вот вопрос немецкого «политрука».

На собраниях, где были исключительно немцы, нам разъясняли, что истинность учения о превосходстве арийской расы остается незыблемой. И обещание фюрера про Всеевропейский рейх следует понимать, что возможно в нашей державе какие-то гражданские права получают и отдельные представители неарийских народностей, в весьма малом числе. Что прямо следует из слов «полноправное гражданство будет лишь ветеранам войны за рейх», не предусматривая ничего для всех прочих подданных. Однако же этих выживших будет совсем немного, поскольку они не больше, чем наш расходный материал. Это всего лишь тактика, позволившая нам тратить жизни недочеловеков вместо собственных.

Однако неарийцы об этом знать не должны. Публично мы должны относиться к ним, как к боевым товарищам, и называть нашими верными помощниками. В то же время избегать чрезмерного сближения арийцев с неарийцами: ровное, доброжелательное отношение, и не больше! Всегда помнить, что жизнь арийца в бою имеет несравненно большую ценность, но не говорить и не показывать это явно. При нахождении на территории рейха категорически пресекать кровосмешение, то есть контакты неарийцев с женищинами арийской расы, но

делать это мягко, не оскорбляя достоинства своих товарищей. Разъяснять эту политику арийским военнослужащим других, чисто немецких частей, но делать это в отсутствие неарийцев.

Именно так кригс-комиссар должен вести себя по отношению к солдатам, в соответствии с линией НСДАП. И требовать такого же от подчиненных.

На практике же подобная двусмысленность была крайне сложной в применении. Оттого преобладало упрощенное понимание, что в интересах рейха загнать этих баранов на фронт, где они сдохнут за его интерес. Жестко пресекать любое неповиновение, при этом абсолютно не имеет значения, что они будут думать. Мне известно, что ради соблюдения пункта «избегать контактов с женойцами арийской расы» солдат-неарийцев по территории рейха часто везли как арестантов, вообще не выпуская из вагонов. В случае же, когда неарийцы вливались в немецкое подразделение, они становились там объектами издевательств и избиений. Преобладала точка зрения: «Вы нужны нам лишь затем, чтобы сейчас вы сдохли вместо нас – и попробуйте не исполнить!»

Высшее командование вермахта, и руководство НСДАП знало об этих искажениях. Однако мне неизвестен ни один случай, когда виновные подвергались бы наказанию, большему чем символическое – а часто оказывались и вовсе безнаказанными.

Ну вообще! Наша «дедовщина» рядом с этим и близко не стояла. И как же они с таким личным составом воевать будут?

– Так ведь не на фронте, – развел руками Кириллов. – В основном тыловые-гарнизонные, против партизан. А на передовую если только в расход, ну как перед Днепром, чтобы замедлить наше продвижение, и хоть какие-то нам потери, тех-то им и вовсе не жалко. Ну а если припрет и их в оборону ставить, так сзади чисто немецкие части, «заградотряд» – в общем, манера Фридриха Второго во всей красе. Или Наполеона – сколько в его «великой армии» было французов, а сколько всех прочих наций? Мясо, конечно, – но зато много и дешево. Геббельс по радио вопит о «десятимиллионной армии Европейского рейха». Ну, может, не десять пока, но восемь миллионов под ружьем у фюрера сейчас точно есть, считая весь этот контингент.

А так как германская промышленность сейчас срочно мобилизуется, «пушки вместо масла», и квалифицированные рабочие остаются дома, да и трофеев сорокового года сколько у них было на складах, полное вооружение девяноста двух французских дивизий, а еще английских, голландских, бельгийских, норвежских, польских, югославских (кто там еще?), то Германия найдет, чем вооружить эту ораву. И получается, победу трубить нам еще рано. Мы на Днепр выходим, почти на всем его протяжении, ну а дальше передышка будет до лета. И тылы подтянем, и дороги просохнут, а главное, вооружение и боеприпасы пополнить надо. И вот тут, Михаил Петрович, многое зависит и от вас. Поскольку конвои от союзников для фронта сейчас жизненно важны. А немцы явно что-то затевают. В конце февраля – марте на север придет «Цеппелин». Знать бы, что замыслили, но вот нет у нас «Штирлица» в немецком штабе.

– Придут – утопим, – отвечаю я, – хотя жаль. Вот привести бы «Цеппелин» в наш порт, чтобы был в нашем флоте хоть один авианосец до «Киева». Знаю, что не «Мидуэй», и даже не «Эссекс», но хоть наши летуны опыт бы получили. Как и наши кораблестроители – научились бы после настоящие авианосцы делать.

– Ох, осторожнее! – качает головой комиссар. – Немцы ведь не идиоты, чтобы лезть вот так туда, где они по полной огребли. Значит, придумали что-то, как им подводного то ли монстра, то ли змея поймать. А вот что, хотелось бы знать!

Берлин, этот же день

«Привет от старого, очень старого друга Франца. Ты еще меня не забыл?»

И дальше еще три страницы текста. На беглый взгляд, такое письмо действительно мог отправить бывший друг-сослуживец, оставшийся с адресатом в приятельских отношениях. Вот только человек, читавший сейчас это письмо, точно знал, что это не так.

Смешно, но у него теперь не было друзей. Были люди, по-собачьи преданные, всем обязанные лично ему и точно знающие, что с его падением они точно так же лишатся всего, а может и жизни. Но вот не было друзей, на которых можно было опереться по-настоящему, да и просто встретившись, вот так поболтать ни о чем. Должность и чин уже не позволяли. Это осталось в далеком прошлом, в тех временах, где был «друг Франц». Да, его все звали так – а как было его настоящее имя? Франц, из Второй Железной пролетарской дивизии имени товарища Августа Бебеля, девятнадцатый год! Ему самому было тогда меньше лет – чем с тех пор прошло.

Как сюда пришло это письмо? Не через почту – от одного из тех, «особо доверенных», решавшего в одной нейтральной сопредельной стране вопросы деликатного свойства, никак не связанные с темой письма (так что про них промолчим). Некто невзрачный передал посланцу конверт, сказав: «Для самого партайгеноссе. Здесь сведения, жизненно важные для Германии. От кого? Передайте партайгеноссе – король трэф, – он поймет».

Он вскрывал письмо, предусмотрительно надев толстые кожаные перчатки, поскольку знал, что существуют яды, действующие на кожу, хотя не слышал пока ни об одном случае их применения. Да и отпечатков пальцев не следовало бы оставлять. Что случилось такого, что враждебная сторона решила вдруг выйти на связь по прямому каналу, который не использовался уже несколько лет и был законсервирован в расчете на какой-то чрезвычайный случай, когда и сам он был совсем незначительной фигурой...

Впрочем, подумал он, насколько бы облегчило жизнь, если бы между вождями воюющих стран существовал бы экстренный канал прямой связи! Ведь война вовсе не исключает совпадение интересов или случаи, когда вот здесь и сейчас проще договориться, чем выяснять силой.

Никто из живущих – почти никто! – не знал, что он когда-то увлекался марксизмом-коммунизмом. Просто потому, что тогда не было альтернативы. Не было другого столь же радикального, а главное, столь же успешного учения, отрицающего власть богатых. Когда никто еще не слышал про партию фюрера, коммунистам удалось захватить власть в своей, не самой последней стране мира. И не только захватить, но и удержать ее, победив в своей гражданской войне. Хотя против них были не только «белые», но и вся Европа, все цивилизованные страны.

А фюрер тогда был еще никто, и его партия была не больше чем кучка болтунов из мюнхенской пивной, во главе которой был тогда вовсе не фюрер, а Антон Дрекслер. Никто еще не знал, что эти неудачники всего через пятнадцать лет станут могучим движением, поднявшим Германию к вершине могущества и славы. Позиции коммунистов казались в те дни не в пример сильней. Что ж, любое политическое движение, достигшее успеха, привлекает к себе многочисленных сторонников, а не кучку идеалистов, впечатленных пока лишь словами.

Хотя – тут человек усмехнулся – тогда и я считал себя идеалистом. Иначе, вернувшись с войны, остался бы дома, работал на ферме, став добропорядочным обывателем. А я искренне был готов, как в песне, еще не написанной русским поэтом, дом свой покинув, идти воевать, чтобы... Но не смейтесь над идеализмом молодых – кто с самого начала был циником, тот с возрастом превращался в завершенную мразь.

Смешно, но тогда он был бы рад, если бы русское «даешь Варшаву, даешь Берлин» сбылось. Тем более что сами большевики говорили, что их собственная революция лишь разгон, начало, чтобы вспыхнуло в Германии и запылало во всем мире. Вот почему он согласился помочь тогда, в двадцать первом – именно русским большевикам.

«Лампочка Ильича», план ГОЭЛРО – все могло провалиться из-за такой мелочи, как вольфрамовая нить. В царской России их не делали, так как не добывали вольфрам, вообще не умели с ним работать, а ведь вольфрам – это не только лампочки, но и сверхпрочная сталь,

идущая на броню, стволы орудий, детали моторов, сверхпрочный инструмент. И всего лишь три фирмы имели полный цикл вольфрамового производства: голландская «Филипс», американская «Дженерал Электрик» и немецкая «Осрам». И никто не соглашался продать технологию и оборудование Советской России. Тогда русские обратились к немецким коммунистам. И так случилось, что он, человек, который сейчас читал письмо, тоже приложил к этому руку, не получив за это никакой материальной выгоды, исключительно за идею. Ведь все мы делаем одно большое, общее дело. Когда мировая революция совершится, тогда и поделим, и славу, и почет.

Что было дальше? Интернациональный марксизм, «пролетарии всех стран», стал казаться ему верой слабых. Для побежденной, униженной, расчлененной Германии «мир без контрибуций» был издевательством – месть должна была совершиться, а победители должны были вернуть долг, тогда лишь можно было подумать и о дружбе с ними. Еще был двадцать третий год, когда восстал Гамбург, вся Германия готова была вспыхнуть, казалось, вот он, давно ожидаемый мировой пожар! Если только Советская Россия поддержит. И пройдет красная Конармия по берлинским мостовым... Но в Москве решили иначе. По большому счету он сам на месте русских поступил бы так же, предпочтя цели далекой и недостижимой близкую и реальную: укрепление осажденного лагеря Советской страны вместо помощи погибавшим на гамбургских баррикадах, невмешательство в германские дела в обмен на новейшие технологии и оборудование военных заводов, которое все равно должно было быть уничтожено по решению контрольной комиссии Антанты.

Но это было ему уроком. Он узнал, что своя шкура, свой интерес, своя страна – всегда дороже, даже для того, кто кричит о противоположном. Вот отчего он пришел в итоге именно к национал-социализму. Хотя различия между ним и большевизмом казались минимальны. Та же самая справедливость для своих, вот только у большевиков она оплачивалась сверхнапряжением собственных сил, а у нацистов – экспансией вовне. Все чужие считались врагами, но разве не сказано было и у коммунистов: «Кто не с нами, тот против нас»?

Вел ли он дела с коммунистами, своими и русскими, после? Да, было и такое – по взаимному интересу. Это не было ни шпионством, ни вербовкой. В то же время он добросовестно и с рвением исполнял свои обязанности перед своей партией. И с интересом следил за успехами русских. Ему было даже любопытно смотреть, как за спортивным состязанием, чей путь построения нового мирового порядка окажется успешнее? И перенять какие-то детали, показавшиеся интересными.

Считал ли он русских врагами, особенно когда стало ясно, что война на пороге, и когда она уже началась? Скорее, относился философски, как древние германцы, по божьему праву сильного: «Пусть все решит меч». Мировой порядок, при котором все живущие будут счастливы, с одним лишь отличием: у фюрера новый порядок должен быть оплачен кровью и рабством тех, кто ему не подчинился, в него не вошел. Так разве так и не должно быть? Какое мне дело до чужих? И разве фюрер, сейчас считая японцев союзниками, не размышлял о будущей бескомпромиссной борьбе с «желтой расой»?

Если взглянуть поближе, так даже вожди у нас похожи. Фюрер похож на Ильича, каким бы странным и даже кощунственным не показалось бы кому-то такое сравнение – такой же оратор, умеет зажигать и держать толпу и даже не холодным рассудком, а каким-то своим звериным чутьем ощущать текущую обстановку, выбирать момент броска, когда нужно прекратить подкрадывание к цели и нападать открыто. Но фюрер не умеет планомерно тянуть воз рутины, вникать в детали, вдумчиво расставлять на посты людей – это черта присуща Сталину и мне. Потому, кстати, такие, как я, незаменимы. При том что я не рвусь на самый верх – владея аппаратом, я и так держу в руках все рычаги. Ведь любой приказ сверху можно где-то притормозить, где-то ускорить, где-то ослабить, а где-то затянуть гайки – так, что все реально пойдет в нужную сторону, причем конкретно виновных нельзя будет найти.

Он не испытывал к русским ненависти, но и снисхождения тоже. Таков закон жизни – слабый должен уступить. Хотя уже тогда, в сорок первом, он считал, что русских нельзя недооценивать. Россия могла проиграть ограниченную войну, вроде Крымской и японской, что вело к печальным последствиям для правящего режима, но она никогда не проигрывала тотальных войн, просто потому, что никогда не признавала таких поражений! Но у фюрера началось головокружение от успехов, вся Европа лежала у его ног, даже непобедимая Франция, двадцать лет изображавшая из себя первую державу континента. «Я знаю, что делаю», – сказал тогда бывший ефрейтор. Это и будет ограниченная война, мы дойдем до линии Архангельск – Астрахань и принудим русских к миру. Зачем нам такой союзник, если мы сами можем взять все? Россия – это колосс на глиняных ногах, а вермахт непобедим!

И никто не заметил главного. Да, рейх был сильнее, там и тогда. Но за счет разгона и большей кинетической энергии русские имели совершенно неоцененный потенциал. И очень быстро учились – не успев дойти до крайнего деления, стрелка весов качнулась в другую сторону. И русские, научившись воевать, уже не успокоятся, пока не отомстят сполна, за сорок первый. И что будет теперь – страшно и представить.

И вот это письмо. Очень старый метод связи, еще из тех, двадцатых. Не было сложных шифров, все делалось предельно просто. Хотя старались писать с осторожностью, чтобы не скомпрометировать адресата. Не то что русские, весной провалившие свою «Красную Капеллу» исключительно потому, что в радиодепешах из Москвы, расшифрованных в гестапо, оказались подлинные имена и адреса агентов!²

Король трепф. И это не забыли. Двадцатые, голод, нищета – чтобы выжить, приходилось поступать как придется, по-разному. Пальцы пробежали по изнанке листа, исписанного лишь с одной стороны – точно, булавоочный накол, еще один, и еще! Так, теперь выбрать все помеченные так слова, и прочесть, что получится.

Значит, группа военных задумала заговор, убийство фюрера? Генерал фон Тресков и его адъютант Шлабендорф во время посещения фюрером штаба группы армий «Центр» в Смоленске передадут на борт его самолета бомбу, замаскированную под бутылку с коньяком. Причем фельдмаршал Клюге, командующий группой «Центр», тоже в курсе, но пока не вмешивается, однако обещая самую активную поддержку после, когда покушение удастся. Срок – начало марта. Таков первоначальный план, есть вероятность, что он будет изменен – но фигуранты останутся теми же³.

Кто в Москве послал мне это – Берия, глава их гестапо и разведки? Или сам Сталин? Не задание – информация, на которую я не могу не отреагировать (что кому-то и нужно, но еще больше нужно мне, если хочу жить).

Может, не Москва, а англичане? Кто стоит за всем этим – кому это больше будет выгодно? Ну, если отбросить эмоции... Смерть фюрера имеет смысл только в контексте будущего сепаратного мира, который возможен лишь с устранением наиболее одиозных фигур. Фюрер в этом списке номер первый, но явно не он один. И если я про этот заговор не знаю, значит, очень вероятно, что я тоже там. Просто потому, что знаю слишком много.

И отправители это просчитали. Не могли иначе. Спасая себя, я сыграю на чей-то интерес. А есть ли у меня выбор?

Ведь те, кто посылал письмо, должны были предусмотреть, что оно по какой-то причине не дойдет. Или я не поверю, или не захочу действовать. Значит, эта же информация должна быть вброшена еще кому-то, по другим каналам. И если я никак не отреагирую, то могу оказаться перед фюрером в числе заговорщиков.

² История, к сожалению, реальная. – *Прим. авт.*

³ История подлинная, получившая известность уже после войны, так как бомба, удачно пронесенная в самолет, не взорвалась. – *Прим. авт.*

Имена и все прочее запомнил, на память пока не жалуюсь. Можно бумажку сжечь. Ну вот, догорела.

И Мартин Борман тщательно перемешал пепел в блюде, прежде чем выбросить в камин.

Берлин, рейхсканцелярия

– Ублюдки! Предатели! Кругом предательство и измена! Стоило кораблю чуть накрепиться, и крысы уже бегут. Проклятые мерзавцы, принимают награды из моих рук, а сами замышляют продать Германию американской плутократии и русским большевикам! Им наплевать на кровь наших солдат! Я ведь знал, я чувствовал, что эта череда поражений на фронте неспроста! Что ж, герой и храбрец часто уязвим для отравленного кинжала в спину, но у нас на каждого убийцу найдется палач. Эти генералы и раньше все успехи приписывали себе, а в поражениях винили меня – ну ничего, теперь все будет по-другому!

Вы только посмотрите на эту гнусную шайку! Они годами скрывались у нас за спиной! Ключе, который в январе получил дубовые листья к кресту, командовал группой армий «Центр», без всякого сомнения, замышляя открыть фронт перед большевистскими унтерменшами! А Фромм во главе резервной армии выжидал, когда меня убьют, чтобы захватить Берлин! И Штюльпнагель, начальник связи вермахта, тоже заодно с ними, готовился арестовать всех верных мне людей во Франции! И Гепнер, которого уже уволили за трусость и неподчинение приказам! Теперь я понимаю, что его «тактическое отступление» было отнюдь не трусостью, нет! Это было прямым предательством! А может быть, не только его «тактические отступления»?! А эти ничтожества Вицлебен, Бек и Герделер уже делили посты в новом правительстве Германии! Да и Бок, Браухич, Гальдер! Кто возглавлял армию, когда мы вторглись в Советскую Россию! Еще надо проверить, не их ли надо благодарить за то, что не удалось взять Москву!

Гиммлер, вы приставили кригскомиссаров к рядовым и офицерам вермахта, а настоящая измена таилась гораздо выше! Все эти генералы и фельдмаршалы в душе презирают нас, верных сынов Германии, считая выскочками! Даже те из них, кто не участвовал в заговоре, а только знал о нем и молчал – не меньшие предатели, чем Тресков, который хотел подсунуть мне бомбу в бутылке коньяка!

Думаю сейчас, что хоть Сталин и азиат, но он поступил абсолютно правильно в тридцать седьмом году, истребив всех ненадежных в руководстве своей армии! Мы должны поступить так же! Больше нельзя быть уверенными в верности кого-либо из военных! Необходимо проверить всех, невзирая на прошлые награды и заслуги! рейхсфюрер! Почему эти мерзавцы и предатели еще на свободе?

– Мы работаем, мой фюрер! Ведется следствие, чтобы выявить всех заговорщиков, вытянуть все нити...

– Вы идиот, Гиммлер? Ждете, пока они сбегут или ударят первыми? Сегодня они замыслили взорвать мой самолет, а завтра подложат бомбу под стол в моем кабинете? Немедленно арестовать Ключе, Трескова, всех в этом списке! Улики, доказательства – вам мало моего слова? Или признания этих негодяев, которое вы получите? Вытащите всю паутину, всех, кто был причастен или знал и молчал. Мне не нужны те, кто способен предать. Я хочу расправиться с ними так, чтобы в будущем сама мысль покушаться на основы рейха вызывала нервную дрожь!

Пока что дрожь в коленках испытывал Гиммлер. Хотя старался не показывать – чтобы не приняли за вину. Трудно было в это поверить, но второй человек в рейхе боялся своего вождя, особенно вот так, наедине, когда все внимание фюрера было обращено не на толпу, а на него персонально. И сейчас больше всего желал оказаться отсюда как можно дальше – и сразу приступить к делу.

«А ведь я мог тоже попасть в список, – подумал рейхсфюрер, – когда, получив информацию, какое-то время размышлял, придержать ли ее, взяв генералов на поводок, дать делу

законный ход, или позволить им осуществить свои планы? Но подумав, сделал правильный выбор, потому что неясно было, кто стоит за информацией. А значит – кому она была передана еще. И если фюрер узнает раньше – об этом не хотелось и думать. А если заговор увенчается успехом – то зачем он, рейхсфюрер Гиммлер, будет нужен генералам? Ответ очевиден... За место Вождя начнется борьба, в которой победит тот, кто успел подготовиться. А тот, кто замыслил заговор, явно имел больше времени и возможностей, чем он сам, узнавший об этом только что. И даже если он сумеет влезть наверх и удержаться, захотят ли англичане или русские иметь с ним дело, как с главой, война-то ведь идет, и совсем не благополучно для рейха? Так что будем верны фюреру! Решение оказалось правильным – потому что фюрер уже знал».

Выйдя наконец из кабинета, в приемной Гиммлер столкнулся с Борманом.

– Мои поздравления, партайгеноссе, – сухо сказал рейхсфюрер, – не так часто ваши люди оказываются оперативнее, чем СД.

– Благодарю, – ответил Борман, чуть помедлив. – Однако могу ли я просить вас об одной услуге? Когда вы будете проводить изъятия причастных, я хотел бы, чтобы вы предварительно согласовывали со мной, если они члены НСДАП. Прочие же люди не в моей компетенции.

«Чуть не сказал первым то, что сказал он, – подумал Борман. – Так от кого же, черт возьми, фюрер узнал? Неужели у русских есть прямой выход на него? Или это все же не русские?»

Берлин, Принц-Альбертштрассе.

Через четыре часа

– Заключение номер 2390856 прибыл!

– Ну здравствуй, Руди. Как самочувствие?

– А какое может быть самочувствие после того санатория, куда ты меня упрятал?

– Ох, Руди, не будь ты моим старым другом...

– Генрих, поверь, что у меня было куда больше причин обижаться. И чувствую, что дело вовсе не в дружбе, а в том, что я снова для чего-то тебе нужен. Причем для такого дела, что при успехе вся слава достанется тебе, а при неудаче крайним будет тот, кого не жалко – то есть я.

– Ты почти угадал, Руди. Платой за успех для тебя будет полное прощение и восстановление в чине. А также то, что среди фигурантов есть и те, кто писал на тебя доносы, когда пришлось... В общем, прочти эту папку – здесь краткий экстракт. Надеюсь, ты понимаешь степень секретности?

– Я и так уже почти покойник. И давно отвык бояться. Давай твой... отчет о преступлении, осмотр места, перечень улики – что там у тебя?

Молчание. Шелест страниц.

– И тебе, как я понимаю, нужен тот, кто вытянет всю цепь?

– Именно так. Причем сам фюрер следит за следствием. Потому, ты понимаешь, Руди, – при успехе без награды не останешься.

– Достоверность информации? Источники?

– Мои люди в Швейцарии. Заняты там абсолютно секретным делом. Тебе важно знать, каким?

– Если это имеет значение для расследования.

– Ну... Тебе что-то говорит слово «Бернгард»?

– Меняли нарисованное на настоящее?

– Да. На них вышли, неизвестно кто, и после бесследно исчезли. Причем привели очень убедительные доводы отнести ко всему предельно серьезно. Естественно, с предложением проверить.

– Ну и?

– А что мне было делать, Руди? Замолчать – а вдруг все окажется правдой? Дать законный ход – а если это провокация, чтобы дискредитировать верных людей? В общем, по моему приказу втихую изъяли и допросили некоторых фигурантов, не самых значительных, но тех, которые должны были знать достаточно. Изымали, маскируя под нападение партизан, на Остфронте этого хватает. Все полностью подтвердилось! Ну а остальное – здесь.

– Ну что ж, дело привычное. Будем работать.

– Ты не все понял, Руди. У тебя будет две задачи. Первое – это ликвидация сети заговора. А вот второе... Выходит, что кто-то еще в курсе особо секретных дел рейха. И хорошо, если это кто-то из заговорщиков, решивший таким образом сдать своих. А если вмешалась некая третья сила, сейчас подыгравшая нам в этом деле, но которая завтра выступит против нас, исходя из своих интересов?

– Ну, установить нетрудно. Если донес один из фигурантов, то он должен будет заявить об этом на допросе, чтобы не подвергнуться общему наказанию.

– Вот только что-то мне говорит, что такого не будет. И нам очень интересно, кто это у нас такой осведомленный. Хотя тут возможны варианты. Когда я пришел к фюреру с этой папкой, он явно что-то уже знал – его фраза о «бомбе в самолете» прозвучала еще до того, как он прочел документы. Так что не исключаю, что это люди Бормана, хотя тогда непонятно, зачем ему подключать меня, да еще таким образом. Или еще кто-то ведет свою игру – толстый Герман, например. Такое выходит деликатное дело. Справишься?

– Раньше получалось. Если в этот раз сверхъестественного не будет.

– Не будет, Руди. Это всего лишь заговор. Людей, а не проснувшихся богов.

– Можно вопрос? А как – с тем делом?

– Ну, в одном ты все же оказался тогда неправ. Нельзя сказать, что каждое наше следующее поражение больше предыдущего. Напротив, налицо тенденция к уменьшению – так к лету мы снова будем побеждать. Давай не будем об этом?

«Неужели колдовские обряды сыграли свою роль, – подумал Гиммлер, – хотя бы замедлив процесс? Но тебе лучше этого не касаться, старина. И что выйдет, если ритуал повторить, в большем масштабе?»

А. И. Солженицын. Багровые зеркала.

Альтернативно-историческое издание.

Нью-Йорк, 1970.

Тоталитаризм не имеет масти! Красный, коричневый – он совершенно одинаков, совпадая даже в деталях.

Но я хочу сейчас сказать лишь об одном эпизоде истории. Так называемый «заговор генералов» Третьего рейха 1943 года и «дело Тухачевского» похожи друг на друга, как отражение в зеркале. Причиной и того и другого стал маниакальный страх, казалось бы, всемогущего диктатора за свою власть, жертвами в обоих случаях стали военные верхушки соответственно Германии и СССР, последствиями же были поражения на фронтах одной и той же безумной войны. И тут лишь слепая случайность сыграла на руку Советам: пять лет разницы, микросекунда в масштабах истории, но то, что Гитлер сохранил здравый смысл дольше, чем Сталин, сыграло для Германии роковую роль. И мы можем лишь гадать, как выглядел бы мир, если бы было наоборот.

Кровавый тиран Сталин пустил под нож цвет своей армии, героев гражданской войны и войны в Испании. Гитлер в приступе шизофрении не придумал ничего лучше, чем в разгар войны расправиться с верхушкой генералитета. У нас незаменимых нет – вот принцип их обоих. Обвинения были одинаково абсурдны: если Тухачевскому и прочим приписывали шпионаж в пользу сразу нескольких враждующих держав, то для Гитлера признаком виновности фельдмаршала Клюге было то, что группа армий «Центр» не отступала перед советскими

войсками. Значит, Сталин, не желая тратить жизни своих солдат, просто ждал, когда перед ним откроют фронт! В обоих процессах, чтобы отправить человека на смерть, не требовалось доказательств, если не считать таковыми признания обвиняемых, но всем ясно, что палачи в застенке при желании могут выбить у кого угодно признание в чем угодно!

И главное, к чему я хотел бы привлечь внимание читателей. Если «запалом» для дела Тухачевского была так называемая «чешская папка», то имеются сведения, что и в Германии поводом послужила некая информация о мнимом заговоре, полученная от неизвестной стороны.

Кто же это был? Любая политическая сила внутри Германии? Абсолютно исключено, так как процесс набрал огромный размах, и этого нельзя было не предвидеть. Хватали по малейшему подозрению, и не только самих фигурантов, но и родственников, друзей, сослуживцев, никто не мог быть уверен, что останется живым. Кто же в здравом уме рискнет привести в действие топор, который, очень может быть, отрубит и твою голову?

Англия? Имеется официальное заявление британского правительства о его полной непричастности. Кроме того, ни Англия, ни США не выигрывали от этого абсолютно ничего.

Так кому выгодно? СССР! Тем более что Сталин знал, какую разрушительную силу имеет подобный процесс. Ответ ясен, и преступник схвачен за руку, хотя нет доказательств, но кому еще выгодно, кроме него?

И это урок, который следует извлечь всем демократическим странам. Для Советов не существует таких понятий, как честь и порядочность в политике, они способны на самые грязные приемы, особенно если чувствуют себя прижатыми к стенке. Какое счастье, что сейчас я живу в самой демократической стране мира, где мания и страхи одного человека на любом посту не могут сыграть такой же разрушительной роли, как в тоталитарном государстве!

Ну а если бы? Представим на минуту, что Гитлер не поверил клевете, сохранил бы доверие к своим генералам.

Итог Сталинградской битвы, безусловно, являлся историческим прогрессом, так как победа Гитлера была бы для мира не меньшей бедой, чем всемирный СССР. Теперь же положение выровнялось, и все шло к наилучшему исходу – позиционному сражению где-то на Днепре, в котором противники окончательно обескровят друг друга. И демократические страны придут миротворцами на нашу многострадальную землю, взяв события под свой контроль, что было бы для России наибольшим благом, ведь благо нации состоит в ее духовном здоровье. Так уж мы, русские, устроены, что лишь беда и страдание пробуждают в нас лучшие человеческие качества, победа же наполняет нас тупой спесью. Так не лучше ли, когда на меньшей территории находится меньшее население, живущее беднее, но во Христе? Зачем нам империя (как бы она ни называлась, под каким бы знаменем ни была) от океана до океана, если ради нее от нас требуют жертв и лишений? Жители маленькой Швейцарии или Дании, живущие в сытости и покое, не счастливее ли нас? Но отними у нас эту великую идею – и зачем тогда нужен тоталитаризм? Давно уже нет императоров, которым должно поклоняться как божеству. Любой вождь, даже столь всемогущий, как Гитлер или Сталин, правит лишь постольку, поскольку является первым выразителем и служителем идеи. Не будет идеи – не будет и вождя. Отказ от нее зависит от людей, которые должны понять, что не солдаты, не полиция и даже не страх держат их в подчинении, лишая свободы, а всего лишь их собственная вера. И все вместе они, таким образом, легко могут сбросить с пьедестала любого вождя.

Я не предатель своего народа, а его подлинный патриот. Я люблю свой народ – но не таким, какой он есть, а таким, каким он должен быть. И чтобы помочь ему стать таким, я кричал: «Не верьте!» Меня не слушали. Меня изгнали. Но я не теряю пока надежды, что когда-нибудь вернусь, не в эсэсэрию, а в новую, свободную Россию, сбросившую наконец оковы.

Капитан-лейтенант Мыльников, комдив-2 БЧ-5. Подводная лодка «Воронеж», 2 февраля 1943 года

Снова в море, отдохнем от вечного берегового бардака – посещение начальства, экскурсии научных, контрразведывательные мероприятия и т. д. и т. п., и туда тоже! Недаром говорят: «В море дома, на берегу в гостях».

Я понимаю, война, двигаем прогресс – вот только из попытки совместить эти два факта выходят одни проблемы. Так и смотри, чтоб из ЗИПа какой-нибудь блок «на исследования» не утащили. Или «тащ капитан (без лейтенант!), а зачем у вас в отсеке печи дожига водорода в количестве пять штук, отдайте одну». Ага, щас!!! Неглупые люди это количество рассчитывали, да и ответственность за драгметаллы никто не снимал.

Если посчитать, на мне висит полцентнера серебра, два кило золота, платины около килограмма, палладий и прочее – в общей сумме тоже около кило. А в печке – драгметаллы, на чем водород дожигается.

А сколько нервотрепки, для меня конкретно и всех прочих, когда документацию шерстили: что можно безболезненно отдать, а что только копировать.

Людей дали на обучение. Нормальных таких мужиков, лет под тридцать. По закону от 1939 года срок службы пять лет (да, вот столько при Сталине во флоте служили!), в сорок первом дембель накрылся, год повоевать успели. Нет, у нас и раньше «стажеры» бывали – когда на «Тирпиц» шли охотиться, так торпедисты с видяевской Щ-422 помогали нам с торпедами образца 1938 года разобраться, а сам Видяев, герой и легенда, у нашего командира мастер-класс проходил. Затем научники – вот сказал бы раньше кто, что САМ Курчатов будет в первом дивизионе БЧ-5 вахту нести (не самостоятельно, конечно, но на подхвате у него очень даже получалось). А теперь наверху решили всерьез на «Воронеж» сменный экипаж готовить, хотя бы частично.

Да, тридцатилетние мужики, да еще воевавшие – это не пацаны в восемнадцать, тут и ответственность другая совсем, и тараканы в голове уже не ползают. По борьбе за живучесть с водой натаскивать не пришлось – раздвижной упор поставили, глазом моргнуть не успел. У наших-то морды повытягивались...

Потом, правда, с «новичками» занятие по РБЖ провел, особенности корабля объяснил, да и сами увидели – на нашем корабле раздвижной упор почти не пригодится, упирать некуда, подпирать нечего. Основа борьбы с водой – ход и рули, да воздух в отсек. Про ЛОХ и ВПЛ рассказал и потренировал, ИДА, ПДУ и ИП изучили и потренировались. По устройству отсека их свои старшины отсеков гоняли.

А то смешно: сначала они нужное по «вводной» место даже найти не могли. На лодках этих времен, даже на самых крупных, все отсеки в один ряд, как комнаты анфиладой – вдоль корпуса, во всю его ширину и высоту, ну еще внизу аккумуляторные ямы, артпогреб, цистерна быстрого погружения: ориентироваться легко, в отсек войдешь, сразу все видно. А у нас несколько палуб, и еще переборки поперек, трапы и переходы, заблудиться в отсеке можно, если не привык. Ну освоили...

Бытовые условия их, конечно, потрясли. Своя койка в каюте, чистое белье, душ, баня. Прием пищи в столовой, а не на торпедо из бачка. А уж мини-бассейн (два на два метра всего, но все ж бассейн!) с сауной! Беговая дорожка в комнате отдыха! Кстати, это не роскошь, а необходимость – при нашей автономности, чтобы гиподинамией не было и связанных с ней проблем со здоровьем, как еще норму физнагрузки выбрать?

А по специальности оказалось даже легче, чем опасался.

Аккумуляторщику только систему и порядок вентиляции уяснить, применение систем СВО и МПЭ. Дал ему РЭАБ почитать, на следующее утро не то что вызубрил – с пониманием процесса отвечал. Ну, пульт управления вентиляцией вызвал полчасовой затык – рвался

вручную захлопки открывать и вентиляторы пускать. Зато с завязанными глазами через два дня – ни одной ошибки и всего две шишки на голове!

С дизелистом тоже все в порядке. Только он очень удивился порядку использования дизеля – в базе на перешвартовках и вводах-выводах. В остальном учил отсек, системы.

Ребята, которые в турбинный и электротехнический отсеки попали, учили дольше. У них из знакомого – только гребной. Но, оказалось, оба после техникума, о переменном токе понятие имеют и банку сгущенки в щит турбогенератора прятать не будут. Удивление вызвали только выпрямители, ПНП (преобразователь непрерывного питания) да мощные диоды в ЗУКе.

По внутреннему распорядку с ними вообще проблем нет – приборки, тревоги, занятия – люди воюют уже не первый год (один и финскую застал, тогда наши ПЛ в районы боевого патрулирования выходили). В подкорку вбито уже, что разгильдяйство – это песец и себе, и товарищам по экипажу.

В третьем дивизионе все прошло еще легче: насос – он и в Африке насос. ДУК – маленький торпедный аппарат, только дерьмом стреляет. Компрессоры электрические побольше (а дизель-компрессоры еще не выпускают, их у немцев после войны скопировали, ну а те еще только чертежи чертят).

Проблемы возникли только в первом дивизионе, но методика обучения плюс опыт комдива (не один десяток школьников в чувство и специальность привел – а тут взрослые, *понимающие* мужчины) свое дело сделали.

По железу, тьфу три раза, – все нормально. Смазку где надо заменили, щетки в запасе пока есть – работать будет. По лампочкам вопросы были, но успокоили, дескать, решим, не волнуйтесь. Обещали к возвращению с морей привезти.

А помните, трюмные загадочные ходили, когда мы катер купили?

Они все-таки самолет купили – бомбардировщик П-2. Две штуки.

А день-то сегодня какой? В том, прежнем мире – сегодня закончилась Сталинградская битва. Здесь же, и не без нашей помощи, наши уже на Днепре! Интересно, день Победы тут зимой сорок четвертого будет?

Хотелось бы войну в чине кап-два закончить, высший предел для моей должности. А что, сумел же наш Гаврилов, из приданных подводных диверсов, скакнуть от старлеев аж в подполковники, и Герои Советского Союза – ну за то, что они под Ленинградом сделали, честно заслужили! Впрочем, лично у меня перспективы хорошие, если флот советских атомарин появится гораздо раньше, чем в той, прежней истории. Хотя я и мех, а не штурман, ну так стать командиром БЧ-5 новой лодки, а затем флагмехом дивизии – это для меня вполне реально, лет через десять.

А вот кого топить сейчас идем, что нас так внезапно из Полярного сдернули?

Вице-адмирал Август Тиле.

«Адмирал Арктики» Нарвик, 11 февраля 1943 года

Сегодня важный день. Гавань Нарвика забита судами, груженными рудой. Тянуть больше нельзя, поэтому сегодня выпускаем первый конвой. Операция готовилась очень тщательно, поэтому, кажется, предусмотрено все. Сначала по маршруту конвоя пройдет поисково-ударная группа из четырех тральщиков и четырех противолодочных кораблей. Сам конвой проследует с задержкой в два часа, в его состав войдут четыре транспорта, в охранении четыре тральщика, восемь охотников, четыре десантные баржи с усиленным зенитным вооружением. Мористее пойдет дозор из четырех торпедных катеров, контактные мины им не страшны.

Штаб участка береговой обороны приведен в полную боевую готовность и связан проводной линией с моим штабом на «Шарнхорсте», который вместе с эсминцами готов выйти в море. Взаимодействие с люфтваффе налажено аналогично, и мы регулярно получаем свежие данные от дозорных самолетов-разведчиков. Чего еще ждать? Погоды у моря? Последние два

дня задул сильный северный ветер, и температура упала сразу на десять градусов, но небо чистое, пришел арктический антициклон. Это вам не солнечное Средиземноморье и даже не Бискайский залив, но маршрут конвоя проходит большей частью по шхерному фарватеру, так что страдать от шторма придется болтающимся в море русским подводникам. Так что – пора!

Прошедшие полгода многому нас научили, и в первую очередь тому, что радиосвязи доверять нельзя. Русские очень сильно продвинулись за последнее время в этой области, в том числе и расшифровке сообщений. Это стало понятно после двух характерных случаев, когда реакция противника на переданную информацию произошла раньше, чем кто-либо успел покинуть пункт связи и физически мог бы предупредить русских.

Поэтому теперь, поисковая группа осторожно выходила из Вест-фьорда, перемигиваясь ратьерами и соблюдая строгое радиомолчание, нарушить которое разрешалось только при обнаружении противника. На маршруте текущая связь, как поисковой группы, так и самого конвоя, была организована аналогично, только световыми сигналами, которые, через береговые репетичные посты и проводные линии передавались в штаб.

Как медленно тянется время! Экипаж флагманского корабля сейчас работает по расписанию, а офицеры штабов все уже извелись в напряженном ожидании вестей с моря. Конвой вышел уже пятнадцать часов назад и, двигаясь со скоростью десять узлов, подходит к траверзу Гломфьорда, пока все идет по плану.

Внезапно с моря пришел обрывок радиосообщения с позывными «шнелльбота», больше ничего разобрать не удалось, так как тут же весь эфир был забит помехами. И события понеслись вскачь.

Конвой доложил о стрельбе с моря, а спустя минуту о том, что сам находится под огнем линкора и отходит в Гломфьорд под прикрытием дымовой завесы. С этого момента я получал достоверную информацию о бое лишь с береговых постов и батарей, так как дым сильно мешал световой связи.

Береговые батареи вступили в бой и, в свою очередь, подвесив люстры, доложили об интенсивно маневрирующем линкоре в сопровождении эсминцев. Корабли противника ведут частую стрельбу из всех стволов, главным калибром линкора по береговым батареям, шести- и пятидюймовым по конвою. В линкоре опознан «Шеер». Это русские!

С постов радиопеленгации доложили о засечке источника радиопомех. Он медленно перемещается со скоростью семь узлов в зоне досягаемости береговой артиллерии! Ближайшая батарея получила задачу на уничтожение постановщика помех. Доклад с батареи обескуражил. После залпа осветительными снарядами противник не обнаружен!

Прикомандированный офицер люфтваффе предположил подводную лодку и направил в район новый самолет-искатель с магнитометром. Береговая батарея получила задачу обеспечить целеуказание.

Дежурная эскадрилья торпедоносцев с аэродрома Нарвика поднята в воздух, через полчаса они смогут нанести удар по русской корабельной группе. Летун дал было команду на вооружение остальных самолетов торпедами, но я настоял на глубинных бомбах. Источник помех – это, скорее всего, и есть та самая загадочная русская подлодка, обычные субмарины так нагло себя не ведут. Этот шанс надо использовать на все сто и расквитаться с ней за все наши неудачи, даже если за это придется расплатиться полностью уничтоженным конвоем! Впрочем, ему сейчас угрожают только случайные попадания, помогает дымзавеса, а на близкую дистанцию пусть попробуют подойти, не зря мы засевали море рогатой смертью.

Доклад с берегового поста – с конвоем происходит что-то непонятное. Все в дыму – опасаясь русского огня, все корабли охранения интенсивно ставили дымовые завесы, – но также с них ведется интенсивная стрельба из всего, включая зенитные автоматы, причем и в направлении берега. Виден взрыв торпеды – один из транспортов тонет. Что там происходит, черт побери?

Новый доклад – около конвоя взрывы торпед. Неужели русские обхитрили нас, но как? Расстояние слишком велико для их эсминцев! Причем русские тоже ведут себя странно – стреляют в основном по берегу, лишь иногда вдруг перенося огонь даже не на сам наш конвой, а на что-то невидимое по ту сторону дымовой завесы. И сами тоже ставят завесу в направлении от себя в сторону нашей двухсотдесятимиллиметровой батареи, самой опасной для них.

Неужели русские подлодки прорвались к конвою? Та же схема, что возле Порсангера – эсминцы мешают их преследовать, стреляя по кораблям охранения, а «Шеер» прикрывает эсминцы, связывает боем береговые батареи? Причем, судя по четкому взаимодействию русских сил, радиосвязь у них работает нормально. А у нас – как не хватает быстрой и оперативной связи в бою, наши полумеры никак не могли ее полноценно заменить!

Доклад из штаба береговой обороны. Эсминцы противника ставят дымзавесу и отходят. Что с конвоем – непонятно, там все в дыму. Посты-радиопеленгаторы информируют об удалении источника помех на запад, он вот-вот выйдет из-под накрытия артиллерии и самолету-магнитометру будет трудно обнаружить его без целеуказания.

Информация от люфтваффе. Их ближайшие аэродромы подверглись бомбовым ударам и выведены из строя, взлет группы с глубинными бомбами невозможен. Впрочем, я и сам уже понял, что у них не все ладно, зенитные орудия на берегу как с цепи сорвались. Отдал приказ спрятать «Шарнхорст» под дымзавесой и готовиться сниматься с якоря, без хода мы мишень.

Доклад связистов. Радио работает в полном объеме, помех нет. Тут же пришла радиogramма от самолета-охотника об обнаружении цели, после чего связь с ним оборвалась и больше не восстанавливалась.

Офицер люфтваффе сообщил, что торпедоносцы настигли корабельную группу русских уже за пределами дальности стрельбы береговых батарей. Но те по просьбе летчиков продолжали развешивать люстры и противник при атаке с моря был четко виден на их фоне. Сами же торпедоносцы оставались в темной части горизонта и, после атаки, доложили о трех попаданиях по кораблям противника. «Шеер», по их словам, сильно потерял в ходе. Надо его добить! Срочно с якоря сниматься!

Стоп. Морской змей по-прежнему в море и даже успел слопать самолет-разведчик. Выходить на «Шарнхорсте» очень рискованно. Решено, четыре подводные лодки пройдут шхерами на север и там развернутся в завесу, устроив засаду и затаившись на глубине. Под водой только одно действенное средство обнаружения – акустика, если лодки не будут двигаться, а лучше всего лягут на дно, ни один морской змей их не обнаружит.

Что там с конвоем, черт побери? Еще восемь транспортов с рудой ждут отправки – придется им задержаться в Гломфьорде, а поисковой противолодочной группе прочесать прибрежные воды еще раз.

Прошло еще семь часов. Наконец удалось составить полную картину происшедшего. Русские снова обхитрили нас и сорвали банк! Все четыре транспорта и пять кораблей охранения потоплены. Все было, как у Порсангера, с одним лишь ключевым моментом. Вместо подлодок, главной ударной силой русских, для которой «Шеер» и эсминцы служили всего лишь прикрытие, сегодня выступали их торпедные катера, для которых мины не были помехой...

Но как русские смогли все так рассчитать и разыграть как по нотам? Их катера подошли к берегу впереди по курсу конвоя, причем сделали это буквально за минуты до того, как русские эсминцы расстреляли дозор «шнелльботов». Что также непонятно – с дозора удалось подобрать одного из матросов, каким-то чудом оставшегося живым, проведя пару часов в ледяной воде. По его рассказу, русские обнаружили наши катера первыми, залп осветительными, и сразу огонь на поражение, против четырех эсминцев в лобовом столкновении четыре торпедных катера не имели никаких шансов. Обрывок радиogramмы и шум боя подняли тревогу, однако и это, оказывается, было учтено – конвой стал ставить дымзавесу, увеличив ход – и русские катера, больше десяти штук, ждали прямо по курсу! И огонь русских эсминцев по

нашему охранению не давал ему поступить с русскими так же, как они с нашими «шнелль-ботами», а дымовые завесы здесь играли за русских, им не надо было задумываться, любой крупный корабль, показавшийся рядом, это противник! Причем сразу после того, как русские катера сблизилась с конвоем, их эсминцы прекратили стрелять в этом направлении, чтобы не поразить своих – зато эффективно прикрывали отходящих после выпуска торпед, не давая нашим охотникам преследовать, сразу отсекая огнем. И как только последний их катер пустил торпеды, последовал сигнал к общему отступлению.

Итог – потеряны все четыре транспорта, четыре тральщика (восьмисоттонники, тоже показавшиеся достойной целью для торпед), один охотник (потоплен статридцатимиллиметровыми снарядами эсминцев), еще пять кораблей имеют повреждения, причем два из них достаточно серьезные (просто чудо, что охотник, получивший стапятидесятимиллиметровый снаряд с «Шеера», каким-то чудом остался на плаву, но вот восстанавливать его проблематично, как и десантную баржу, после нескольких попаданий среднего калибра). Еще все четыре «шнелль-бота», самолет и, очень вероятно – две субмарины из четырех, на связь не выходят, и, скорее всего, уже не выйдут никогда. У русских потоплены четыре или пять катеров (по докладам, сколько реально – неизвестно) и предположительно поврежден «Шеер». И нет никакой гарантии, что это не повторится со следующим конвоем. Как вывезти тридцать пять тысяч тонн руды?!

И ведь эти чертовы выкормыши Геринга, к гадалке не ходи, пошлют в Берлин победный доклад, где припишут себе десятикратное утопление русского отряда в полном составе! И помимо официального рапорта, будут на всех углах орать о *своей* победе, о том, что утерли нос никчемным ваффенмарине СС. Это еще хуже, чем потерянный конвой! Гиммлер никогда такого не простит.

Как обнаружить это проклятое русское не пойми что, создать для этого соответствующие условия? Как перехитрить противника и заманить его в ловушку, где его настигнет заслуженное возмездие за тысячи погибших немецких моряков?

– Я убью тебя, змей! – мысли вице-адмирала вырвались наружу. – Заманю и убью!

И никого из окружающих офицеров сказанное абсолютно не удивило, ибо у каждого в голове было то же самое.

Лазарев Михаил Петрович, подводная лодка «Воронеж». Полярный, 13 февраля 1943 года

Ну вот, сходили за хлебушком... Тьфу!

Стою на мостике «Воронежа», обзираю окрестности. Все думают, отец-командир занят мыслями о высокой стратегии, не зря же только что из штаба флота вернулся. А я просто воздухом свежим дышу.

У немцев, правда, вообще содом и гоморра. Информация о попытке покушения на фюрера своих же недовольных генералов, о которой он в нашей истории тогда, в феврале сорок третьего, даже не узнал – здесь выстрелила и взорвалась ну просто атомной бомбой. То ли Гитлер в плохом настроении как раз был, то ли предыдущие поражения Германии сказались, то ли из-за того, что Гиммлер с Борманом наперегонки старались заговор раскрыть – хотя кому понравится, когда тебя собираются прикончить, тут и фюрером быть не надо. В итоге же чистка в вермахте сильно напоминает наш тридцать седьмой год в изложении мадам Новодворской. Хватают не только замешанных в заговоре, но и тех, кто знал и молчал, кто хоть что-то мог слышать, и совсем каких-то посторонних личностей. Только фельдмаршалов трое – Клюге, Клейст, Лист. И наверное, десятка два генералов. И всех рангом пониже, кого эти чины тащили за собой, а также друзей, сослуживцев, знакомых. А мы гадаем, читая информацию, что нам «жандарм» принес: то ли они и в нашем прошлом участвовали в Сопротивлении, просто про них никто не знал, то ли в связи с изменением истории ряды недовольных фюрером настолько

разрослись, то ли гестапо хватает своих как партизан, по малейшему подозрению, «было бы кого, а за что найдется».

На фронте немцы массово избавляются от всех «ненадежных», оставляют только самых идеологически верных, то есть отпетых нацистов (многие из них – военные преступники по нашей истории). Модель, жаль, никуда не делся – перевели его командовать обороной Днепра. А группу армий «Центр», после ареста Ключе, возглавил наш старый знакомый с севера – Эрнст Буш. Еще в числе непричастных оказались Рунштердт и Лееб. И Гудериан, которого снова поставили командовать Второй танковой.

Но это дела сухопутные. А вот что творится у нас... «Шарнхорст», будь он неладен, я уже начинаю ненавидеть этот корабль самой лютой ненавистью! Однако расскажу все по порядку.

«Всем транспортам в море не выходить до особого распоряжения». Так приказал фрицевский адмирал, после нашей прошлой охоты за «Шарнхорстом», когда мы чуть его не поймали. И если раньше транспорты с рудой шли из Нарвика на юг поодиночке, сопровождаемые парой-тройкой охотников (с переменным успехом, кто-то попадался нашим лодкам, кто-то нет), то теперь в порту застряло сразу несколько штук, которые фрицы задумали выпихнуть конвоем.

Узнав об этом от разведки, Зозуля решил поймать сразу двух зайцев. Повторить то, что мы уже дважды устроили фрицам у Порсангер-фиорда, теперь казалось уже мало, после всех успехов у нас сильно вырос аппетит. А вот что фрицы будут делать, если их конвой внаглую перехватит у самого Нарвика «Диксон», бывший «Шеер»?

По жизни, это было бы делом безнадежным. «Шеер» против «Шарнхорста» откровенно не тянет, хотя главный калибр у него тот же самый, только меньше числом, шесть стволов против девяти. Но фриц все же полноценный линкор, не «карманный», гораздо лучше защищен, и скорость у него на три узла больше. Так что герр адмирал не упустит такую удачу, послать своему фюреру победную реляцию – вот только топить «Диксон» фрицам придется пройти мимо нас.

А Головкин расщедрился настолько, что упросил Москву вернуть нам наши «фирменные» торпеды. Специально на особо важную дичь, всего две штуки, но «шестьдесят пятые»! Это значит, что мы можем стрелять с артиллерийской дистанции, в полной мере используя БИУС и головки самонаведения двадцать первого века – в общем, если «Шарнхорст» попадет к нам на прицел, шансов у него не будет. Знаю, что в нашей истории, в декабре сорок третьего, чтобы его утопить, британцам потребовалось одиннадцать торпедных попаданий и огонь линкора «Герцог Йоркский», – но и наша «шестьдесят пятая» торпеда, рванувшая под днищем, а не на ПТЗ, тоже ведь ни в какое сравнение с британскими «рыбками» не идет! Может, и не утонет от одного попадания, – но будет в глубоком нокауте с полной потерей боеспособности – догоним и добьем.

С бывшим «Шеером» идут «Гремящий», «Сокрушительный», «Баку», «Разумный». Нас сопровождают все те же «новики». Причем что интересно, Зозуля поднял флаг не на «Диксоне», а у нас – здраво рассудив, что наши локаторы и средства связи обеспечат гораздо лучшее управление эскадрой. Подводные лодки К-2, К-21, К-22 развернулись завесой южнее, чтобы не дать фрицам уйти в фиорды, эти же лодки провели разведку (новые гидролокаторы «Алькор», конечно, не дотягивали до наших, но были примерно на уровне американских этих времен, вполне надежно обнаруживали мины). Еще в операции были задействованы две эскадрильи дальних истребителей Пе-3, и бомбардировочный полк на Ту-2, наносящий удар по аэродрому близ Нарвика, по нашему вызову, хотя световой день был сейчас чисто символический, но береженого бог бережет. Ну и наконец на «Воронеж» с «Куйбышевом» и «Урицким» возлагается задача противолодочной борьбы. Все, казалось, предусмотрели!

Поначалу все шло точно по плану. Сосредоточили выделенную эскадру на передовой базе в Порсангер-фиорд (а ведь полгода назад здесь фрицев долбали). Успели даже провести с «Диксоном» последние учения, совместно маневрируя, по командам звукоподводной связи.

Затем скрытно выдвинулись к Нарвику. «Воронеж» со свитой шел мористее, но немецких субмарин не встретили. «Кондоры» могли бы серьезно помешать, не атаковать, но обнаружить прежде времени. Но повезло – еще и потому, что выдвигались в последний момент. Тут хорошо сработала наша разведка – хотя фрицы и извлекли урок, сообразив, наверное, что осенью мы могли читать их зашифрованные радиোগраммы, но урок совершенно недостаточный, решив что менять код каждую неделю хватит для сохранения их секретов. Они не могли брать в расчет наши компьютеры следующего века – ломавшие их шифры максимум за пару часов.

Впрочем, существовал и запасной вариант. Если фрицы выйдут раньше, «Воронеж» должен рвануть вперед, на поддержку лодкам Котельникова. Ну а «Диксону» оставалось лишь пошуметь, обстреляв сам Нарвик (неважно, куда будут попадать, хоть просто по скалам на берегу).

Фрицы хорошо подготовились. Казалось бы, минные заграждения не давали нам разыграть схему, проверенную у Порсангера. И первоначально планировался лишь набег с обстрелом для выманивания «Шарнхорста», но если удастся еще и конвой пощипать, так это дополнительный бонус. И тут Зозуля удачно вспомнил про катера.

В нашей истории торпедные катера Северного флота получили пополнение весной сорок третьего. Американские «восперы» и «хиггинсы», большие, мореходные, вооружением не уступающие «шнелльботам», по два двадцатимиллиметровых автомата, шли через океан своим ходом. Здесь же этот переход (на яхте вокруг света, ха! А попробуйте на торпедном катере через Северную Атлантику в зимние шторма!) был совершен еще в декабре, и столь же успешно, ни один из маленьких корабликов не утонул по пути. Двадцати кораблей хватило, чтобы сформировать бригаду торпедных катеров СФ (в нашей истории – весна сорок четвертого). Также не было сомнений в кандидатуре ее командира. Александр Шабалин, в нашей истории единственный моряк-надводник среди дважды Героев (все прочие флотские дважды Герои – это морские летчики и разведчик Леонов) был у наших катерников такой же легендой, как Видяев и Котельников в подплаве. Притом что Головка с Зозулей о его подвигах в наше время были осведомлены – решение о назначении Шабалина было принято легко. Тем более что и в этом времени он успел заслуженно получить Золотую Звезду, причем за то же самое, что и у нас – за прорыв в Лиинахамари на катерах с первым штурмовым эшеленом десанта (октябрь сорок второго вместо октября сорок четвертого).

Сомнение вызвала лишь дальность и мореходность катеров. В отличие от перехода через океан, где они шли экономичным ходом, в один конец, без торпед, забив все отсеки емкостями с горючим, теперь надо было дойти в полной боевой загрузке и вернуться. При размышлении решили не брать старые катера Д-3, порядком уже изношенные и слабо вооруженные (лишь два пулемета ДШК); однако был сделан вывод, что «восперы» должны выдержать. Тем более что «американцы» поставлялись с достаточно хорошими рациями, чтобы обеспечить управление отрядом в море.

Зозуля прибыл, естественно, не один. И нам пришлось еще поломать голову, как разместить десяток «гостей», чтобы они не мешали нам и сами могли полноценно работать (и объяснить им внутренний распорядок, чтоб не трогали тут ничего лишнего, а как НКВД с секретносителями разбираться будет, это уже Кириллова проблемы). По плану мы должны были в полной мере разыграть козырь – лучшее управление, взаимодействие разнородных сил, со своей задачей у каждого. И конечно, лучшее видение поля боя. Мы знали, что немцы, догадываясь о наших возможностях радиоперехвата, сильно ограничили свой радиообмен, стараясь заменить его другими средствами. Но вышло, что они перехитрили сами себя. Потому что совсем исключить радио было все же невозможно (так что, читая их шифры, мы все равно были в курсе их намерений), зато управлять флотом в море без радио было очень затруднительно.

Ох и намучились же мы с катерами! Простое решение оказалось архисложным, учитывая северную погоду. Притом что на палубу брали бочки с горючим, его все равно не хватало.

Немцы в Северном море и Ла-Манше успешно экспериментировали с буксировкой «шнелль-ботов» эсминцами. Здесь же это оказалось невероятно трудным и опасным, на полярной волне катера грозило разбить друг о друга, повредить корпус эсминца-буксировщика или намотать трос на его винты. Едва свернув за мыс Порсангер, пришлось срочно отдавать буксиры. Хотя в состав нашей эскадры был включен «тыловой эшелон», три тральщика, сейчас играющие роль заправщиков и носителей запаса топлива, дозаправлять маленькие кораблики на волне было адовым делом. Решили все же рискнуть и идти с заправкой по сути «в полтора конца», в надежде на улучшение погоды. В крайнем случае мы были готовы после снимать людей – считая потерю катеров оправданной выполнением боевой задачи.

Мы заняли позиции вдали от берега, вне видимости. «Диксон» и эсминцы дальше, мы и катера ближе. И начали выдвигаться, как только наш ГАК услышал шум винтов. Конвой вытягивался из фиорда, мы не вмешивались, лишь фиксировали цели. Транспортов было четыре, под охраной мелочи, числом под два десятка. Ночь позволяла вести наблюдение, подняв антенну РЛС, мы передавали на «Диксон» место конвоя. Нам приходилось маневрировать, учитывая кроме глубин (не заходить, где меньше двухсот!), необходимость держать выход из Нарвика, если «Шарнхорст» бросится спасать своих, а также слушать море, не подбирается ли фрицевская подлодка. В ЦП все работают, нормальная спокойная атмосфера, уверенность в успехе. Конвой достиг расчетной точки, время! Зозуля дает приказ начинать.

Первыми под раздачу попали «шнелльботы» дальнего дозора. По обычным правилам, торпедные катера обнаружат крупные корабли прежде, чем сами будут замечены, – но мы видели фрицев на радаре и точно навели на них эсминцы, при внезапном ночном столкновении счет идет на секунды, которых у немцев не было.

Ну а дальше было «дирижирование оркестром боя», когда командир с приемлемой точностью и в реальном времени видит картину (с локатора на нашем планшете), а вот противник этого лишен. Вот отметки конвоя и нашей эскадры начинают быстро сближаться. «Диксон» главным калибром глушит береговые батареи, противоминным же вместе с эсминцами бьет по конвою. Будет попадать или нет, не столь важно, главное, чтобы немцы побежали, прибавив ход и ставя дымзавесы. Бежали прямо на наши катера.

Когда там началась свалка, управлять ею не было никакой возможности. Но там все преимущества были уже у катеров, успевших сблизиться. И мы могли прикрыть огнем выходящих из боя. Главную опасность для наших представляли береговые батареи. Но атака катеров заняла буквально минуты, риск получить от артиллерии серьезные повреждения был все же невелик. А нам еще приходилось держать глубины, не подкрадывается ли фрицевская подлодка, и контролировать по радару, чтобы наши не налезли на мины. И где «Шарнхорст»?!

Хорошо, что катеров было много – они взяли немцев числом. На дно пошли не только транспорта, но и все тральщики, катера потеряли троих. Мне рассказывали после, что они прорезали немецкий строй, поливая палубы фрицев из пулеметов и так же получая от них. Вот последний катер отошел, прикрыв их, отходит и «Диксон». А за ним мы.

Ну где ты, «Шарнхорст», выходи! Зозуля даже радио на фрицевской волне послал. Причем еще наше, переделанное согласно моменту «послание моряков немецкому султану, тьфу, фюреру» – которое висело у нас в кают-компании еще со времен охоты на «Шеер». То самое, где *«ты, пока еще живой, но для нас давно ходячий труп, припадочный неврастеник с соплей под носом и обрезком в штанах, бывший художник Шикльгрубер Адольфишка, отпрыск еврейского народа, который ты потому так и ненавидишь! Убери остатки своих консервных банок из нашего моря, а то нам уже надоело ими морское дно засорять»* – ну и дальше в том же духе, открытым текстом, переведенное на немецкий примерно так (специально у пленных немецкие ругательства выпрашивали, которых даже наш Сидорчук не знал).

Фрицы не преследовали. Если не считать таковой попытку их субмарин перехватить нас, изобразив что-то вроде завесы. Две из них, которые были мористее, мы утопили – в одну

пустили торпеды, по наводке РЛС, с перископной глубины. Вторую, успевшую погрузиться, по нашему наведению загнали и засыпали глубинками «Куйбышев» с «Урицким». И что дальше?

Когда отошли уже достаточно, слышали наверху шум. Эсминцы увеличили ход, стреляют зенитки. Люфты прилетели – как нашли нас, ночью? Разведчик – нет, явно не «кондор», с эсминцев автоматы бьют. Слышим в воде торпеды! Ждем на глубине, тут мы нашим ничем помочь не можем.

Наверху стихает. Сообщение по звукоподводной – сбили большой гидросамолет, и сразу после этого отразили атаку торпедоносцев, один предположительно подбили, ушел с дымом. Но вот «Диксон» получил торпеду в борт, до базы дотянет, что делать дальше? Зато катерам повезло, пользуясь кратковременным улучшением погоды, часть расстояния кораблики все же сумели пройти на буксире у эсминцев, затем подошла «группа дозаправки», успели часть топлива передать на катера, прежде чем погода снова испортилась, в общем, из двадцати катеров в базу после боя вернулись тринадцать.

Еще в горячке боя на «Диксоне» умудрились запороть один из дизелей на левом валу. В общем, бывший «карманный линкор» выбыл из строя надолго, но ценой своих повреждений нанес врагу превосходящий ущерб, а значит, это было оправдано.

Уже в базе обсуждали с командирами эсминцев последний эпизод... Самолет, ходивший зигзагами, совсем низко, выскочил прямо на «Урицкий», и зенитчики не зевали. Нет, точно, фриц – нет у нас таких. Летающая лодка, с тремя моторами. И кольцо странное внизу. Вот значит, чем фрицы занимались. Кольцо – это антенна магнитометра, для поиска подлодок. А значит, надо срочно прикинуть, насколько эта мера немцев может быть опасна. У нас-то размагничивающее устройство постоянно работает, электрические поля гасятся – в этом плане у нас заметность на порядок-два ниже, чем у местных кораблей. ПЭТСЗ, кстати, на берег отдали, изучают, как и наши схемы РУ (размагничивающего устройства) и его системы управления. Проблема в автоматической передаче данных (магнитного склонения места) от штурманов – ну так еще в 60-х эта проблема голосом решалась и данные вручную вводились. И ходим мы глубже, у этих приборов даже в наше время радиус обнаружения был порядка сотен метров, а если мы под водой на трехстах, и скорость двадцать, а самонаводящихся по глубине торпед у фрицев нет, а бомбой при этих вводных черта с два попадешь. Но вот «щукам» будет тяжелее, если вот это на них выскочит. Правда, тут выйти на лодку нужно очень точно – но сумел же фриц «найти» наши эсминцы?

А самое главное. «Шарнхорст» так и не вышел! А это было важно! Хотя виной тому, возможно, было наше начинающееся «головокружение от успехов». Когда без победы обойтись ну никак нельзя! Нельзя было все же гнаться за двумя зайцами сразу, и «Шарнхорст» выманивать, и конвой на ноль множить. Наверное, все же не надо было катера не брать, и хрен бы с конвоем, но оставили бы фюрера без последнего линкора, ну а на следующий конвой можно было бы уже и поохотиться всерьез. И это наверняка сработало бы... а может, и к лучшему, что наши уже вошли во вкус побед, как британцы в известном приказе: «Дивизиону эсминцев сделать то и это и попутно утопить японский тяжелый крейсер!» Вот так и Зозуля: выманить «Шарнхорст», а попутно уничтожить конвой. Ну хоть синицу не упустили. Но что же с журавлем делать? А ведь придется что-то делать, потому что, согласно приказу, который передал «жандарм» самому комфлота, в моем присутствии – за подписью «И. Ст.» – предстоит очень скоро «Воронежу» дорога дальняя. Ну не совсем, по меркам двадцать первого века – даже в Средиземку не войдем, но зато в Атлантику, примерно до тех широт. Вот только уйти мы можем лишь при гарантии, что здесь все будет спокойно. А какая к чертям гарантия, если «Шарнхорст» в строю и готов выйти на перехват следующего, «двадцать первого» конвоя?

«Fleet in being», было такое правило в Первую мировую. То есть флот одним лишь существованием связывает деятельность противника. И этот «Шарнхорст», выходит, стоя на якоре в

гавани, является сейчас самой активной единицей кriegсмарине, поскольку делает своим присутствием самое важное для фюрера дело – накрепко привязывает нас к этому театру!

Придется просить, чтобы нам вернули пару «Гранитов». Чтобы мы его и там достали, как я Головко обещал.

Берлин, штаб ваффенмарине

– Ну что ж, герр Дёниц, прошло даже больше трех дней, которые вы просили. К сожалению, меня отвлекли известные вам государственные дела. Но теперь я весь внимание.

– Герр рейхсфюрер! Наш вывод – существование технического объекта с подобными характеристиками невозможно.

– То есть как невозможно? Мне и вправду поверить, что там плавает Змей Ермунгард? Ваши обоснования?

– Герр рейхсфюрер, мы перебрали все мыслимые варианты. Все, которые технически реализуемы, при нынешнем состоянии науки. Ни один из них не обеспечивает длительного движения подводного объекта со скоростью свыше тридцати узлов. Даже при его умеренных размерах, как у лодки «тип IX». Большая величина, естественно, требует большей мощности. Но ни одного источника энергии, могущего работать без доступа воздуха, и в приемлемых массогабаритах не существует.

– Точно? Откуда вы знаете, что русские могли придумать?

– Герр рейхсфюрер, закон сохранения энергии обмануть нельзя! Чтобы нечто могло двигаться под водой с такой скоростью, потребная мощность составит порядка десятков тысяч лошадиных сил, если не целой сотни тысяч. И просто нет электродвигателей такой мощности, не говоря уже о том, что масса аккумуляторов превысила бы массу самой лодки в сто раз! Дизели тоже под сомнением, это уже диапазон паровых турбин. Но тогда, чтобы обеспечить замкнутый цикл, вес химикатов опять должен превысить массу лодки в разы. И дальность была бы весьма ограниченной. Этому же объекту, такое впечатление, совершенно не нужны ни свежий воздух, ни пополнение энергозапаса, что для подводной лодки нереально.

– А если что-нибудь вовсе нетрадиционное? Например, гипотетическая энергия Теслы? Или атом – если и в самом деле «бомба размером с апельсин может полностью разрушить миллионный город»⁴?

– Герр рейхсфюрер, простите, но вы не инженер. Скачкообразное развитие техники возможно лишь в романах Жюль Верна. В реальности же от открытия какого-то явления до использования его в надежно работающей машине проходит длительное время. Открытие, обоснование, исследование. Решение множества текущих вопросов, например, что за материалы требуются, как их получить и обрабатывать, какой должна быть конструкция машины, как ее обслуживать в реальных условиях. Нужно создать инфраструктуру для обеспечения всем необходимым, обучить персонал. К примеру, вы видите, во что обошлись флоту высоконапорные котлы, всего лишь – тут же задача сложнее на порядки. Должен быть накоплен предварительный опыт, на изделии меньших размеров, и чисто экспериментального назначения. А главное же – время! Цикл от открытия до внедрения обычно занимает десятилетия. Однако деление атомного ядра, что позволило говорить об атоме как источнике энергии, было открыто всего четыре года назад. Как русские могли найти колоссальные средства для его разработки, тем более в тяжелейшее для них время? И отчего тогда мы не видим, даже в зоне действия этого «морского змея», применения против нас этого сверхмощного оружия?

– То есть вы хотите сказать, что данный объект однозначно имеет сверхъестественную природу?

⁴ Подлинная фраза из доклада немецких ученых Гитлеру, 1943 год. – *Прим. авт.*

– Герр рейхсфюрер, я этого не говорил! Технически возможны еще решения. Например, большая лодка всего лишь носитель, база снабжения, «дойная корова» для нескольких боевых единиц меньшего размера. И если, допустим, две таких «морские осы» действуют на удалении от носителя, но в различных направлениях, почти одновременно, то создается иллюзия сверхбыстрого перемещения.

– И какие же это могут быть «осы»? Что у них за преимущества будут перед обычными лодками малого размера?

– Вариантов множество. Например, гибрид подводной лодки и торпедного катера. Или лодка на подводных крыльях – по типу разрабатываемых у нас катеров серии VS. Если сделать крылья прижимаемыми к корпусу при погружении, как убираемое самолетное шасси, то можно получить малую субмарину, которая на поверхности сможет развивать до сорока узлов. Или даже малая подлодка-гидросамолет. Вернее, не совсем самолет. Есть так называемый «экранный эффект», замеченный еще при полетах нашей летающей лодки Do-X, финн Карио в тридцать пятом построил экспериментальную модель. Суть в том, что на малой высоте крыло как бы поджимает воздух между собой и землей, и оттого его подъемная сила возрастает в разы. А значит, если масса самого большого самолета, даже американской «летающей крепости», лишь десятки тонн, то на экранном эффекте теоретически можно построить эсминец, несущийся над водой с самолетной скоростью. Возможно, что русские опередили всех.

– Дёниц, вы и ваши эксперты не слишком ли увлекались Жюль Верном?

– Герр рейхсфюрер, я подчеркиваю, что это гипотезы – но теоретически реализуемые при современном состоянии науки и техники. И по крайней мере, они не более невероятны, чем морской демон и Змей Ермунгард. Если вы желаете материализма, то есть еще гипотеза о пришельцах с Марса, отчего-то решивших помочь Сталину. Может быть, из классовой солидарности, если на их планете коммунистический строй?

– Дёниц, вы понимаете, что я могу дать законный ход вашему делу? По которому, кстати, так еще и не вынесен приговор?

– Герр рейхсфюрер, вы вправе пригласить любых других специалистов, чья верность арийской идее не вызовет сомнений. Если они смогут дать приемлемое материалистическое объяснение всем приведенным фактам, я смирюсь со своей судьбой. Только что-то мне говорит, что этого не будет.

– Ладно, пока будем считать, что ваши объяснения приняты. Хотя над вашим предложением привлечь еще и других специалистов я подумаю.

Бывший гросс-адмирал лишь пожал плечами – ваше право, герр рейхсфюрер.

– Теперь, Дёниц, мне интересно ваше мнение, как эксперта, по поводу событий у Нарвика. О виновности «адмирала Арктики» Тиле – стоит ли его расстрелять за трусость, или его действия были разумны?

– Герр рейхсфюрер, я, к сожалению, не располагаю информацией. Конечно, кроме той, что по ведомству доктора Геббельса. Считаю, что этого явно недостаточно, чтобы решить такой вопрос. Доблестный флот рейха героически сражался, русские понесли большие потери. Но из вашего вопроса следует, что итог был совсем не в нашу пользу?

– Не в нашу, Дёниц, совсем не в нашу. Вот подробный отчет о событиях, ознакомьтесь. Надеюсь, вы понимаете, что эта информация не должна покинуть этих стен?

Молчание. Шелест бумаги.

– Ну и что скажете, Дёниц?

– Честно признаться, герр рейхсфюрер, я восхищен. Гением русского адмирала, который так организовал сражение. Если нанесенный здесь курс русской эскадры точен. По докладам береговых постов и команд уцелевших кораблей эскорта – хотя да, тут другого быть и не могло. Итак, первое – русские абсолютно точно, до минут, знали время выхода, курс и скорость конвоя. Второе, они также знали расположение наших минных заграждений, обратите внимание,

как они заходили в атаку! Вот этот отворот влево и выход на конвой курсом ближе к норд-осту, чем к осту. Ответ один – они знали, что дальше к югу мины, хотя дистанция еще была, но ночью лучше подстраховаться. И третье – их флагман идеально управлял своими силами, на совершенно невероятном уровне для ночного боя.

– Отчего же русские долгое время не показывали ничего по части «непонятного и неодолимого»? Одиночные транспорта, иногда в сопровождении одного-двух охотников, иногда даже без них, ходили спокойно!

– Полярная ночь. Очень трудно обнаружить судно, в темноте идущее вдоль вражеского берега. А подводной лодке – особенно, они по сравнению с кораблями, «слепые».

– Однако русские это сумели сделать. Как?

– Тут я не могу ответить, герр рейхсфюрер. Если верить докладам, что «работа радаров противника не обнаружена». Однако русские выжидали, не у берега на пути конвоя, как было в октябре у Лаксэльва, а в море на удалении. И каким-то образом обнаружив, как, мне искренне непонятно, стремительно пошли на сближение, точно осуществив перехват. Не только корабли, но и катера, они, конечно, малозаметны, но долго оставаться у нашего берега не могли бы. Замечу, что это был не просто набег. Тогда русские не стали бы брать «Шеер», хватило бы одних катеров, чтобы куснуть и убежать. Они же словно никуда и не спешили, совершенно не опасаясь выхода нашего флота. Который, я замечу, их превосходил – да, в бою против «Шарнхорста» и эсминцев, «Шеер» со всем, что там у русских было, не имел никаких шансов. И то, что русские совершенно не опасались выхода нашей эскадры, это на мой взгляд, лучшее доказательство того, что «морской демон», или как его там, был с ними. И лишь ждал своей добычи. Если русские настолько были уверены в своих силах, что находясь на кратчайшем от Нарвика расстоянии, еще и послали издевательскую радиogramму. Они словно вызывали нас на бой!

– То есть вы считаете, что Тиле поступил разумно, не приняв вызов?

– Он послал вслед подводные лодки. И две из них, U-606 и U-629, пропали, не успев радировать, хотя имели категорический приказ. И не вышли на связь в указанное время, коротким кодовым сигналом, просто подтверждающим, что они еще живы. Мало того, пропал поисково-патрульный самолет, также не успев выйти на связь, что уж совсем странно. Поскольку для этих «гагар», искателей лодок, бывших тральщиков, штатный режим работы, когда мгновенный контакт, сигнал на магнитометре, сразу сбрасываются глубинные бомбы и маркер с дымом и огнем на это место, и радист мгновенно сообщает, сидя в полной готовности к передаче. Это русский демон что, и летать может? Или как-то обнаруживать и поражать воздушные цели из-под воды?

– То есть вы считаете, что Тиле не виноват?

– Герр рейхсфюрер, если вы считаете приемлемой альтернативой гибель последнего линкора рейха. Или очень возможного его захвата русскими. Мне пришлось однажды, в бытность мою на Севере, попасть в ледяную воду. Меня спасли, но ощущение я помню до сих пор. Боль, пронизывающая до костей, как от поджаривания на костре. Умирать так столь же страшно и мучительно, как гореть заживо. И если бы «Шарнхорст» вдруг получил бы повреждения, потерял ход вдали от берега, и невидимый «морской демон» так же радировал бы ему, как «Шееру» и «Тирпицу»: «Спустите флаг, или я утоплю всех, и не дам спастись в шлюпках и на плотках», – боюсь, герои среди экипажа были бы в меньшинстве. Вы считаете, это было бы лучшим вариантом для рейха и ваффенмарине?

– А вот об этом подробнее. Как известно, на каждом корабле рейха есть кригс-комиссар, обладающий достаточной властью, чтобы отменить подобный предательский приказ командира, даже если он и последует. Точно так же среди офицеров есть члены НСДАП, преданные арийской идее. Наконец, есть приказ фюрера касаясь семей изменников.

– Герр рейхсфюрер, чтоб вам было понятнее, что такое северные моря... Представьте, что вы плывете по кипящей огненной лаве. Сталь корабельного борта и материал шлюпок и плотов каким-то образом может противостоять огню, но если вы упадете за борт, ваши ощущения будут примерно такими же, как если бы вы шагнули в костер. Говорю абсолютно серьезно – для любого, оказавшегося там на обреченном корабле, без шлюпок и плотов, самым лучшим выходом будет успеть застрелиться, чтобы не мучиться. Перед такой страшной смертью, прямо здесь и сейчас, бледнеют любые отдаленные угрозы. И даже жизнь и благополучие семьи – своя голова все-таки дороже. В том числе, смею предположить, и члену НСДАП, и кригс-комиссару. Чтобы поступить иначе, нужно быть сумасшедшим берсерком или русским. У цивилизованного человека на первом месте все же инстинкт самосохранения, и ничего с этим не сделать.

– Как и у истинного арийца, для которого честь и верность идее прежде всего. Или вы не согласны?

– В таком случае, герр рейхсфюрер, русские еще большие арийцы, чем мы, уж простите за ересь! История – это не книжная пыль, интересная лишь профессорам. Часто это важная информация, позволяющая лучше понять что-то сейчас. Когда я был еще юнкером флота, нам рассказывали про пистолет Казарского – поинтересуйтесь, если найдете время. Нельзя недооценивать противника – это может очень дорого обойтись.

– Расскажите сейчас, герр Дёниц. Мне некогда ходить по библиотекам, в то же время пара минут у меня есть.

– Ну что ж... Казарский был капитаном русского флота сто лет назад. Тогда русские воевали с турками, и бриг «Меркурий», которым он командовал, настигли два турецких линейных корабля. По современным меркам это два линкора «Тирпиц» против эсминца. Турки кричали, чтобы русские сдались. Тогда Казарский положил напротив порохового погреба заряженный пистолет и сказал, что когда наступит конец, он прикажет сцепиться с врагом на abordаж и взорваться вместе с ним. И вся команда его поддержала.

– Откуда же это стало известно?

– Они не погибли. Русские умеют не только фанатично погибать, но и хорошо драться – «Меркурию» удалось сбить паруса обоим туркам и уйти. Пистолет Казарский разрядил в воздух – после чего он, по приказу русского императора, был включен в рыцарский герб этой семьи. Но никто не сомневался, что случись иначе, русские так бы и поступили. Потому что Казарский был не первый. До того у Измаила русский же капитан Сакен сделал именно так – взорвался вместе с четырьмя турецкими кораблями, взявшими его на abordаж. Но даже те, кто знает эту историю, как-то не замечают того, что подобных случаев было – пересчитать по пальцам одной руки за сотни лет, во всех флотах мира. Еще, кажется, были два шведа (достойные потомки викингов), голландский корсар (терять нечего, все равно на рею) и легендарный французский пират Жан Бар. На мой взгляд, на такое никто не способен, кроме русских, викингов и пиратов. Ну, может, еще японцы. Замечу еще, что во времена Казарского у русских не было никакой великой идеи, так что это национальный характер в чистом виде. Повторяю, герр рейхсфюрер, это никоим образом не восхваление противника, а лишь рассказ о том, чего от него можно ждать.

– Ну, положим, один-два фанатика могут найтись всегда. А такие случаи могут очень помочь пропаганде. Страховка на последний случай – когда особо преданный и надежный держит палец на кнопке, взрывающей корабль, даже при малодушии командира и всего экипажа. А уж Геббельс после...

«И арийский бог, если он есть, – подумал Гиммлер, – должен будет оценить вознесение на небо тысячи „берсерков“. И подумает, стоит ли делать ставку лишь на одну сторону».

– Это сумасшествие, герр рейхсфюрер! А если у этого надежного рука дрогнет? Или, что также вероятно, цепь замкнется сама, от сотрясения, или попадания снаряда?

– Ну тогда этот особо надежный будет числиться в расчете артпогреба. Имея в кармане гранату.

– Да в погреб даже спички проносить нельзя!

– Ну, что-нибудь придумаем. Чисто технически, чтобы было и надежно, и безопасно. Чтобы отныне ни один германский корабль не спустил флаг перед врагом!

– Для этого надо всего лишь иметь экипаж из истинных арийцев. Из викингов, которые вымерли века назад, или русских, к нашему сожалению.

– Не забывайте, Дёниц!

– Просто констатирую факт. Мне отчего-то кажется, что будь на «Шеере» русские, они бы флаг не спустили. Честно говоря, мне хотелось бы именно их иметь союзниками в будущей войне.

– Так и будет. Когда мы победим наконец Россию, сделав ее своим вассалом. И обратимся наконец на запад.

– После того, как истребим всех русских до последнего, как туземцев Мадагаскара? Боюсь, что у рейха солдаты закончатся много раньше. Я уже ничего не боюсь, так что слушайте еще одну ересь, личное мое мнение. Если Германии сейчас удастся заключить с русскими мир, при сохранении довоенных границ, нам дьявольски повезет выйти из всего с минимальными потерями! Иначе мы получим марш в Европу русских орд – очень злых и жаждущих мести, за то, что мы даже не считали их за людей. И это будет страшнее, чем вторжение гуннов – бедная Германия, останутся ли после в ней живые? Если в Столетнюю войну все же уцелела четверть прежнего населения, то сейчас, боюсь, разъяренные русские не оставят в живых никого. Конечно, кроме тех, кого они загонят в Сибирь, к каторжникам и медведям.

– Это воля фюрера. Вы ведь не хотите сказать...

– Я ничего такого не говорю, герр рейхсфюрер. Всего лишь рассуждаю, что лучше для Германии. Наших сил достаточно, чтобы держать фронт на западе, в море и на побережье. Но удержим ли мы его на востоке? Пока рубеж еще на их территории, нам есть что предложить им в обмен на мир – их же собственную землю. Когда же они выйдут на границу, боюсь, что на просьбу о мире они ответят нам так же, как Фош в восемнадцатом.

– Это политика, герр Дёниц. О ней думает фюрер. Мы же, как верные его солдаты, должны решать лишь, как уничтожить врага. И мы должны быть беспощадны к трусам, предателям, да и просто бездарностям, незаслуженно занимающим высокие посты. Так что адмирал Тиле будет объявлен виновным. Раз фюрер требует обязательно найти такового.

– Любой на его месте поступил бы...

– Вот и отлично, герр Дёниц. Значит, любой и может его заменить без ущерба для дела. У рейха пока достаточно храбрых и надежных адмиралов.

– Кого на его место?

– Еще не знаю, герр Дёниц, кадровые перемещения это ведь такой сложный и ответственный процесс. Рассмотрю несколько кандидатур, все взвешу, приму решение.

– Тогда мой вам совет: подбирайте того, кого не жалко. Чтобы так же пожертвовать им при следующей вылазке этого русского не пойми чего. Или придумайте наконец способ это что-то нейтрализовать. Хоть с колдунами из Аненербе договаривайтесь, или прикажите пасторам освятить «Шарнхорст», или рисуйте на торпедах руны, хоть самого дьявола просите, если это поможет! И ищите информацию, любую, которая может пролить свет на то, с чем мы имеем дело! А я и мои коллеги, наша экспертная группа, обработаем ее, чтобы сделать выводы.

Когда Дёниц вышел, рейхсфюрер задумчиво посмотрел на одну из панелей стены своего кабинета. За которой пряталось последнее техническое достижение инженеров рейха – магнитофон. Кнопка, включающая его незаметно для посетителей, была в тумбе письменного стола. А доступ к записи имел только сам Гиммлер.

Да, наговорил ты, бывший гросс-адмирал, на приговор точно. И это притом, что на тебе еще прежнее дело под вопросом – так что решение «комиссии 1 февраля», которая может отправить любого на виселицу, минуя даже проформу суда, будет однозначным. Так дать делу ход или подождать пока?

Подождать. И потому, что ты пока мне еще нужен, и оттого, что в твоих словах есть рациональное зерно, как это ни прискорбно. При заключении мира фюрер будет лишним, но и я тоже, пока живы активные фигуры среди генералов. А вот когда верхушка заговорщиков будет срезана и армия окажется в узде, тогда и посмотрим.

А пока – будем верными солдатами своего фюрера!

От Советского Информбюро, альтернативно-историческое сообщение от 16 февраля 1943 года

Юго-западнее города Днепропетровск наши войска продолжали успешное наступление. Противник оказывает упорное сопротивление, но под ударами советских частей оставляет один населенный пункт за другим, неся при этом тяжелые потери. Только на улицах одного населенного пункта подсчитано до двухсот трупов гитлеровцев. Захвачены два самоходных орудия, одиннадцать пулеметов, три миномета и склад боеприпасов. На другом участке наши танкисты подбили три немецких танка, рассеяли и в значительной части истребили большую колонну пехоты противника.

Отряд белорусских партизан вблизи Могилева за последние дни разгромил три немецких гарнизона и истребил сто восемьдесят гитлеровцев. Партизанами захвачены трофеи: восемьдесят шесть винтовок, шесть пулеметов, семьдесят один автомат и три мотоцикла. Другой отряд минских партизан пустил под откос железнодорожный эшелон противника. В результате крушения уничтожено четыре бронемашины, восемь автомашин и убито тридцать пять немецко-фашистских оккупантов.

На двух заводах близ Магдебурга (Германия) военно-приемочная комиссия забрала сорок пять средних танков из-за недопустимо низкого качества брони. Комиссия предложила использовать всю эту негодную технику в качестве лома. Гестапо произвело аресты среди работающих на этих предприятиях бельгийцев, французов и итальянцев. Через несколько дней, опасаясь за свою жизнь, с заводов бежали восемьдесят шесть иностранных рабочих. Накануне бегства они привели в негодность свои станки.

Москва, Кремль

– Ну что ж, товарищи, нам надо решить один очень важный вопрос. Нам, как владеющим информацией о ближайшем будущем, хотя по сравнению с миром «Рассвета»⁵ изменения очень велики. А этот вопрос будет поднят завтра на заседании ГКО. Что делать с перевооружением наших бронетанковых войск? Следует ли нам держаться за Т-34 до окончания войны или перейти на более совершенную модель, которую сейчас доводит товарищ Малышев? Три месяца уже прошло, как он предъявлял нам опытный образец этого, Т-44-76. Что сделано?

– Товарищ Сталин, первая серия Т-44-76 общим числом сто восемь машин сдана в войска в феврале и поступила в Первую и Третью гвардейские танковые армии. Можно сказать, что изготовление корпуса и ходовой части челябинцы освоили. С полусферической башней проблемы, но Малышев обещает к маю все решить. Пока же возник неожиданный поворот. Завод № 183 (Нижний Тагил), согласно решению ГКО от двадцатого декабря прошлого года, был назначен головным в разработке Т-34-85, товарищам было передано описание башни сорок

⁵ Так в альтернативном СССР называют историческую реальность 2012 года. – *Прим. авт.*

четвертого года из мира «Рассвета». Так как у нас не было волокиты с грабинским КБ и экспериментов с различным вооружением в штатной башне Т-34, уложились в три месяца, то есть с начала февраля первые Т-34-85 уже были готовы. И вот тут возникла кооперация с челябинцами, оформлено это было как работы по уширенному башенному погону на Т-44. В общем, теперь на ЧКЗ реально запустить вместо Т-44-76, танк с башней под восьмидесятипятимиллиметровую. Ценой снижения выпуска в марте всего на двадцать процентов, но в апреле-мае обещают наверстать.

– Хм, Лаврентий, так это же выходит полноценный Т-44 мира «Рассвета». Заманчиво, но... А что со Сталинградом и Харьковом? Оборудование получено?

– Так точно, товарищ Сталин. Хотя есть проблемы. Поскольку предполагалось, что СТЗ и ХТЗ сначала будут получать комплектующие из Челябинска, постепенно увеличивая свою долю. В общем, часть оборудования Малышев задержал и установил у себя. Причем в его позиции есть резон, так как харьковчане просто не готовы его принять, «а лежать в ящиках, это непорядок». Сталинградцам легче, они получили почти все. Хотя наш «князь Танкоградский» остался при своем мнении, что именно сегодня он мог бы использовать эти станки с большей пользой. Завтра на ГКО придется решать.

– Сегодня, сегодня. А в долгосрочном плане? Скажем, на первое июля... или пятое, когда в мире «Рассвета» началось? При каком варианте у нас будет больше танков на указанное число? Потребуйте у Малышева расчетов с обоснованием, ошибется – ответит. Что же касается даты, то тут вопрос, что на фронте нам ждать. Борис Михайлович?

– Иосиф Виссарионович, пока на фронте не замечено концентрации немецких ударных группировок. Как и прибытия свежих танковых и моторизованных дивизий. К тому же совсем скоро начнется весенняя распутица, когда маневренные действия будут затруднены с обеих сторон. Также, после прорыва Пселского рубежа, фронт в основном проходит по водным преградам – сначала по реке Сула, до Днепра, и дальше по нему до Никополя. Причем в районе Днепропетровск – Запорожье удалось захватить плацдарм на правом берегу, так что основные бои сейчас идут именно там, за его расширение. Южнее, в степях перед Каховкой, наша позиция опасно открыта, но у нас рокада Запорожье – Мелитополь и достаточно войск. Мое мнение – немцы наступать до лета не способны.

– А Орловский выступ? Что вы можете сказать об угрозе немецкого контрудара оттуда? Где Второй танковой у них снова командует Гудериан?

– Во-первых, коммуникации противника там находятся под сильным воздействием партизан. И наблюдением тоже, так что про прибытие туда свежих немецких войск мы бы узнали. Во-вторых, этих войск немцам потребуется много – так как навстречу им не будет такого же контрудара от Белгорода, как в мире «Рассвета». В-третьих, Курскую битву даже там они планировали лишь в мае, а сумели начать в июле. В-четвертых, наша оборона севернее Курска, конечно, слабее, чем была там, пока слабее, но достаточно сильна. Мое мнение – Гудериан, конечно, попытаться может. И даже, скорее всего, попробует, чтобы оправдать доверие. Будет этакий «полу-Курск». А вот добиться успеха – нет.

– Ну, Борис Михайлович, поверим вашему опыту. То есть ваш прогноз на ближайший месяц-два – это оперативная пауза, затишье на всех фронтах? Немцам нужно опомниться после Сталинграда, но и нам необходимо восполнить потери и подтянуть тылы. То есть мы можем позволить перевооружение? Учитывая, что у немцев с этим сейчас еще хуже.

– Конкретные цифры я приводил, Иосиф Виссарионович. Наша текущая потребность в бронетехнике, которая никак не может быть уменьшена. Все в докладной записке.

– Значит, решено. Это уже очевидно, что Т-34 далеко не лучший танк, как в сорок первом. Сорок пять миллиметров брони, по меркам этого года, мало! Ну а топливные баки в боевом отделении, вдоль бортов, просто опасны для экипажа. И являются несомненным источником наших лишних потерь.

– В мире «Рассвета» мы так и не решились заменить тридцатьчетверку. До конца войны.

– При совсем другом положении на фронте и других производственных мощностях. Ведь там СТЗ до конца войны так и не дал продукции, да и Харьков тоже, почти. А тут выходит, у нас на целых два завода больше, к лету Сталинград развернется, и Харьков начнет подъем. Зачем мы за золото оборудование закупали, что к нам на PQ-19 и PQ-20 пришло? К тому же есть мнение, что на Т-44 потери экипажей будут меньше, а значит, и накопление опыта пойдет быстрее, отсюда и большая эффективность в бою, опять же меньшие потери при достижении заданного результата. То есть новых танков потребуется на фронт меньше. Танк изготовить по-всякому быстрее, чем подготовить экипаж. Зато какая революция будет – как Т-34 в свое время, так и Т-44 сейчас: танк по массе и стоимости средний, а по вооружению и броне тяжелый, с «Тигром» на равных, что тогда немцам делать?

– Так ведь и тяжелые танки будут нам нужны? Или переходим к «основному»?

– Нужны, Борис Михайлович, очень нужны. Как только Челябинск освоит и эстафету передаст, так вернется к тяжелым. Есть мнение, что на этих машинах очень удобно будет новинки отлаживать, которые после внедрять на массовых средних. Такие, как баллистический вычислитель, двухплоскостной стабилизатор, автомат заряжания, противокумулятивная броня и многое другое. Ну и конечно, качественное усиление – калибр сто двадцать два или морские сто тридцать, это не восемьдесят пять и даже не сто. Но это хорошо, если до Победы успеем. А пока же надеюсь, в Берлин на Т-44 войдем. Хотя если уже есть Т-44, как он у потомков был? Ну пусть он же с башней-полусферой будет Т-45, а если успеем и пушку сто – Т-54.

– Т-54 в той истории осваивали очень долго. В мирное время.

– Именно что в мирное. Как и ИС-3, который проходил модернизацию. Вызванную прежде всего тем, что танк мирного времени должен служить долго, годы, если не десятилетия. Ну а на войне такая суровая реальность, что год-два, это очень много. Так что чем-то можно и пренебречь. И если внедрять новое, то именно сейчас, пока у немцев «стеклянная броня», так кажется они сами это называют?

– Если они не сумеют все же эту проблему решить. Поставками извне.

– А вот это опять же, зависит от нас. На их операцию «Бернгард» – наш «Кирпич». Капиталисты всего мира категорически не прощают посягательств на их финансы – даже больше, чем на их собственную жизнь. При нашем успехе, немцам впредь хоть кто-то поверит?

– Так, может, и Лазарева все же не посылать? Мало ли что...

– Надо, Лаврентий. Во-первых, очень неплохо подстраховать и с другой стороны, чтобы немцы имели к англичанам такое же «доверие». Во-вторых, и эта партия, восемь тысяч тонн концентрата, не должна попасть на немецкие заводы. В-третьих, это будет для Лазарева хорошей разминкой и тренировкой перед «Полынью». Ну и в-четвертых, он сам заверил, что для его корабля пройти до Гибралтара и назад, это не проблема. Не геройствовать, а лишь тихо и незаметно прийти, сделать дело, и вернуться.

– Немецкий флот в Нарвике. И конвой PQ-21, который войдет в зону нашей ответственности уже через два дня.

– А что флот? В прошлый раз не решились, судя по «героизму» их адмирала. Боятся «морского змея»? Так ведь даже если разглядят, что «большая подлодка» из Полярного ушла, никак не будут знать, что не к конвою. Считаю, что риск оправдан. Субмарины ловить – так тут я считаю, Головкин разбаловался, если К-25 утопила их уже за два десятка, то это не значит, что весь Северный флот должен сидеть в стороне. У него есть новая техника, вполне на мировом уровне – пусть использует! Не все же надеяться на потомков. Разведанными Лазарева обеспечили? Чтобы знал – кого?

– Так точно, товарищ Сталин. Все как положено.

– Значит, так тому и быть. Как решили. Поддержите меня завтра, на заседании ГКО. Лаврентий, это серьезно! Мне надо, чтобы товарищи не авторитету товарища Сталина слепо

подчинялись, а интересам дела. Товарищ Сталин тоже может быть неправ – ошибся же я там, в мире «Рассвета», чем все обернулось? Война нам шанс дает, Партию очистить от грязи, от всяких случайных людей. Как настоящее дело – и видно сразу, кто не на своем месте сидит, кого вычищать. И кого на смену. Я тут хорошую книгу прочел, от наших потомков. «Молодая гвардия», которую известный вам товарищ Фадеев написал в сорок шестом. Есть мнение, что не надо нам ждать, а нужно дать товарищу Фадееву партийное поручение написать ее сейчас. Чтобы молодежь наша имела пример для подражания.

– Так, товарищ Сталин, вы же...

– Знаю, Лаврентий. «Мало того, что вы написали беспомощную книгу, вы написали еще идеологически вредную книгу. Вы изобразили молодогвардейцев чуть ли не махновцами. Но разве могла существовать и эффективно бороться с врагом на оккупированной территории организация без партийного руководства? Судя по вашей книге, могла». Это я ему там сказал, согласно предисловию? Так ведь товарищ правильно учел замечания во втором издании, исправленном. Роль партии правильно показал. Поскольку без партии все же – никак. Как там у Маяковского? Нельзя такую силу, такой рычаг отбрасывать. Чем заменить? Новую партию создать? Так уже было, вернее. будет: в Китае сначала Сунь-Ят-Сен гоминьдан создал, как антиимпериалистическую партию, время прошло, разложились, обуржуазились, товарищ Мао КПК создал, через тридцать лет снова, и доколе так? Так что лучше этой, нашей партии устроить чистку, чем подрывать ее авторитет у масс. А комсомол – это те, кто придет в партию нам на смену. Так что пусть Фадеев напишет.

– Так ведь, товарищ Сталин... У нас молодогвардейцы – живые. Мы же Краснодон освободили тридцатого декабря, а не в феврале.

– Ай, маймуно-веришвило, неужели память теряю, должен был понять! Ну и где они все сейчас?

– Как положено. Кому срок подошел, в армию. Прочих же по домам.

– Ну, Лаврентий, полагаю, что все они у тебя на учете, кто, где? Даже те, кто в строю?

– Так полк запасной, в Ворошиловграде, там рядом. Держал на всякий случай, как свидетелей. На случай, если они Фадееву понадобятся.

– Не только Фадееву. Дай-ка еще память свою проверю – из тех же комментариев, *«роман не может считаться исторически достоверным, так как описанные события, действующие лица, их характеры, героические поступки – далеко не все соответствовало истинным фактам. Так, в октябре 1942 года Виктор Третьякевич объединил подпольные молодежные группы, которые, по воспоминаниям современников, назывались „Звезда“, „Серп“, „Молот“ и т. п., в „Молодую гвардию“. А значит, именно он, а не Олег Кошевой, был командиром подпольной организации»*. Не было в жизни предателя Стаховича, а был Третьякевич, которого гестаповский следователь, к нам в плен попавший, оговорил. Но если так, то кто же тогда там их предал?

– Следствие провести?

– Ну это будет слишком, Лаврентий. Герои в большинстве своем честно сражались за Родину, а их из-за одной паршивой овцы... Вот только награждать их всех тогда действительно не будем, сейчас. Даже если просто кто-то не засланный, а слабым оказался, пыток не выдержал – все равно. Подумай, ведь там после их именами улицы называли и корабли. И у нас, надеюсь, так же будет – вот только если кто-то недостойным окажется, что станет с авторитетом? Потому так решим: пусть пока роман им единственной наградой. Не после войны написанный, а сейчас. А их в армию, не усидят ведь такие ребята в тылу. И по заслугам и наградим, и за подвиги фронтовые, и за это. Честно погибших – посмертно, и чтобы никого не забыть! Но это после того, как с ними Фадеев побеседует. Вот только в «Рассвет» его не посвящать! Просто дать партийное поручение – и тот его текст предоставить, без последних глав, как будто

бы дневник одного из молодогвардейцев, кто у них погиб, были ведь потери? Или записи уже после, по памяти, одного из товарищей, придумайте кого.

– Так ведь он все равно свою руку узнает.

– И что с того? Ведь все равно не решит, что это он сам? Разве не бывает похожих писателей?

– Другой совсем роман выйдет.

– И пусть! Автор тот же, и значит, будет не хуже. Думаю, что легче писать по горячим следам и рассказам живых еще своих героев. Ну а мы оценим, что товарищ Фадеев напишет в этот раз. И художественность его, и линию партии.

Александр Фадеев.

Из альтернативно-исторического предисловия к первому изданию «Молодой гвардии», 1943

«Мы не рабы. Рабы не мы» – эти слова были на обложке рукописи, которую мне передали одним мартовским утром этого года. В воздухе ощущалась весна, таял снег. Немцев гнали на запад, освобождена Полтава, сообщили в сводке Совинформбюро. Но затемнены окна в Москве и в Ленинграде, с которого уже снята блокада, и где-то у Днепра встают в атаку наши бойцы. А мне вручили рукопись со словами:

– Прочтите. Так вышло, что у нее нет конца. Сумеете ли вы ее завершить? Через два дня вы дадите ответ.

Это была моя книга, я понял это с первых же страниц. Вопреки мнению, писатели не сочиняют – самые лучшие книги, как правило, приходят сами, вот рождается замысел и требует, чтобы его записали. Это была именно та книга, которую я хотел бы написать, и даже стиль показался мне моим, я бы принял ее за уже написанную мной, если бы не знал точно, что пока еще такое не писал.

Это была история о том, как наши советские юноши и девушки, оставшись на оккупированной территории, создали подпольную организацию и вступили в борьбу с врагом. Им было от четырнадцати до семнадцати лет, они не подлежали пока мобилизации в Красную Армию, никто не приказывал им. Но они не могли иначе, потому что были рождены и выросли уже при нашем, советском строе. «Мы не рабы. Рабы не мы». Эти слова из нашего учебника были первыми, которые выводили на бумаге наши люди, только научившись читать и писать. И эти слова говорит Олег Кошевой своим товарищам в самом начале, как ответ на вопрос, что делать – бороться или остаться в стороне.

Они не были солдатами, не получали приказов из штаба. Но делали все, чтобы хоть чем-то навредить врагу, помочь нашим на фронте. Распространяли сводки Совинформбюро, чтобы наши люди, оставшиеся на занятой врагом земле знали, это ложь, что Красная Армия разбита! Спасали наших людей от угона в фашистское рабство, сожгли биржу с заготовленными списками. Добывали оружие и убивали оккупантов и предателей. Никогда ни в одной стране не воевали пятнадцатилетние. Но молодогвардейцы, как они себя называли, не могли иначе, потому что жить рабами они не могли.

Это была не совсем рукопись, а перепечатанные на машинке листки из школьных тетрадок, как мне сказали, причем некоторые были вырваны, отчего в тексте возникали пропуски. И отсутствовал конец, события завершались где-то в конце декабря, перед самым освобождением Краснодона. Записи не были похожи ни на дневник, ни на позднейший официальный отчет о событиях, пишущийся, как правило, сухим канцелярским языком. Но я не мог представить, чтобы кто-то, находясь в тылу врага, мог писать такой по сути художественный роман. Кто же автор, и почему завершить его бесспорно талантливую повесть предложено мне, а не ему?

– События и люди реальны, все это было, – сказал мне тот, кто вручил текст, – вы можете встретиться с героями этого романа, опросить их. Что до автора, то на этот вопрос вам никто

не ответит. Считайте, что это был наш человек, на нелегальном положении, бывший свидетелем, и после освобождения Краснодона он сделал эти записи, но не смог закончить. А может получиться очень хорошая книга, нужная нашим советским людям, особенно молодежи.

И улыбнулся, поправляя пенсне.

Я ездил в Краснодон, беседовал с теми, о ком эта книга – с Олегом Кошевым, Сергеем Тюлениным, Иваном Земнуховым, Ульяной Громовой, Любовью Шевцовой, со всеми молодогвардейцами, чьи имена встретятся на страницах романа, а также с жителями Краснодона. Я даже читал протоколы допроса пойманных фашистских палачей и их холоуев. Могу засвидетельствовать, что это правдивая книга – все события, описанные в ней, имели место, незначительные изменения были внесены лишь для художественной наглядности, чтобы лучше раскрыть, показать основную линию. Насколько мне удалось это, хорошей ли вышла книга, судить читателям.

И хотя история краснодонского подполья завершена, не закончена история молодогвардейцев. Так, вчера, читая в «Правде» наградные списки отличившихся в битве за Днепр, я увидел фамилию – Сергей Тюленин, матрос Второй гвардейской бригады морской пехоты, награжден орденом Славы. Я поддерживаю сейчас переписку и с другими героями романа, воюющими на фронте или работающими в тылу. И уверен, что их жизненный путь будет достойным.

Особую благодарность я хочу выразить автору рукописи, так и оставшемуся неизвестным. Без его труда не было бы этого романа. Или он мог бы появиться годы спустя, после нашей Победы, если бы мне или другому писателю встретился этот материал.

Потому, читая про подвиг краснодонцев, вспомним также других, таких же, как они, но которым не досталось летописца. Тех, кто сражался, сохранив верность Советской власти и Коммунистической партии, несмотря ни на что.

*Лазарев Михаил Петрович, подводная лодка «Воронеж».
Северная Атлантика, февраль-март 1943 года*

Идем на глубине двести, курсом на юг. Наверху шторм и полярная ночь. И война – пока самая страшная за всю историю. Надеюсь, здесь и там, в реальности, покинутой нами, не будет Третьей мировой... Где-то здесь немцы растерзали «семнадцатый» конвой, ну что стоило силе, которая нас бросила сюда, сделать это на несколько дней раньше? Мы не спасли бы конвой от авиации – но уж субмаринам устроили бы бойню. Как в битве с «Шеером», где мы потопили их одиннадцать штук. Притом, что во всей Арктической флотилии у фюрера их числилось двадцать четыре.

Пожалуй, я уже не хотел бы вернуться в 2012 год, потому что здесь чувствую себя на своем месте. В том мире единственной атомариной с боевым счетом была британская «Конкерор», утопившая у Фолклендов старый аргентинский крейсер. Здесь же счет «Воронежа» перевалил за полсотни. Мы делаем то, чему нас учили, – и у нас это получается хорошо.

Мы принесли присягу СССР. То есть обещание защищать Родину от любого врага, потому что кто тогда, если не мы? Нас приняли в свои ряды, оказали доверие. А Иосиф Виссарионович Сталин, с которым я говорил, оказался совсем не таким, как его рисуют всякие там дети с Арбата. Так же как я – командир этого корабля, Сталин – вождь, то есть командир всей страны. И смею утверждать, далеко не самый худший командир.

Впрочем, даже если бы сталинский СССР был таким, как его рисуют господа демократы, мы поступили бы так же. Потому что нанести фашистам максимальный вред было бы добрым делом при любом раскладе. Оттого, что это была война *наших* дедов и прадедов. Борьба за жизнь и смерть нашего народа, а не игра белых и черных за некий приз.

А интересно, если социализм был отсталым и неэффективным, тогда отчего же после того, как не стало СССР, во всем мире затормозился научно-технический прогресс? Сравните например Ту-154, полетевший в 1968-м, с «Лайнером мечты» Боинга, год 2010-й – а после

отсчитайте те же сорок лет назад, и поставьте рядом с Ту-154-м какой-нибудь «фоккер» или «Фарман-голиаф», на чем летали в двадцатые? А ведь в семидесятые верили, что к 2000 году к ногам человечества упадет вся Солнечная система. Чего нам не хватило там, чтобы вырваться к звездам, в мир ефремовской «Андромеды»? Наверное, все же прав был наш Серега Сирый, вспоминая пассионарную теорию Гумилева. Когда в каком-то этносе оказывается критическая масса людей, «с шилом в заднице», для кого идея важнее сытого спокойствия. И если дать им эту идею, позволившую сконцентрировать усилия в одном направлении, а не разбрасывать по сторонам, гася порыв в мелких стычках и междоусобице. Такой народ становится подобным богам – и это нельзя уложить в рамки «исторических законов», считающих как выгоднее, экономичнее, дешевле.

Мы сделали свой выбор. И останемся на этой стороне до конца. А уж светлая она или темная, «исторически прогрессивная» или наоборот, в этом боги, если они есть, или история, спустя время, разберутся сами.

Вахта четыре часа через восемь часов отдыха, искусственный воздух и свет и подволок отсека вместо неба над головой – словно в 2012-м идем в автономку, ничего не случилось, с Севера через Атлантику, и назад, отработав учебно-боевую задачу. Вот только в этот раз задача – не учебная. Хотя у нас категорический приказ, в бой по пути не вступать.

В нашей истории в эту войну советский флот был, по сути, каботажным. Балтика, Черное море, Север – огненный, героический, но все-таки каботаж у своих берегов. Это знали все, и никто не допускал мысли, что у СССР появилась очень длинная рука. Мы – мираж, призрак. Нас тут нет. Мы должны пройти незаметно, сделать дело и так же исчезнуть, оставив все прочие стороны гадать, а что это было. Даже если навстречу выйдет сам «Шарнхорст» (если только он не попадется нам по пути домой, в зоне действия Северного флота). Когда-то в море было правило: «Нет мира за этой чертой», то есть державы могли и не воевать в Европе, но когда далеко в океане встречались корабли, горе было слабейшему! Нам же сейчас категорически приказано поступать с точностью до наоборот. С одним лишь исключением, помимо главной цели.

Что же было в приказе, за подписью «И. Ст.», который вручил мне сам комфлота, адмирал Головкин? Какая боевая задача нам ставилась, о которой на борту кроме меня знают лишь Петрович, Григорьевич, Саньч и Серега Сирый?

Пройти до широты Гибралтара. Встретить пароход под испанским флагом, идущий через Атлантику (порт назначения – Виго) и гарантированно потопить его. Фотографии цели в разных ракурсах прилагаются (чтоб ни с кем не спутать). Никакого «топи их всех» – только это конкретное судно.

Хорошо, если где-нибудь рядом мы встретим немецкую субмарину. Утопить ее тоже – и пусть после разбираются, предъявляя счет покойникам. И возвращаться так же скрытно, как пришли.

Что за груз на этом испанском корыте с гордым именем «Галисия»? А я не знаю. Есть четкий приказ – в интересах СССР судно не должно дойти до порта назначения. Вам этого недостаточно? В этом времени, в отличие от РФ-2012, не может быть такого приказа ради корысти какого-нибудь олигарха или компании таковых. И если сам товарищ Сталин решил, что это судно должно утонуть – мы это обеспечим.

Угрызения совести касаясь экипажа жертвы меня не мучают совершенно. Дело ясное, что дело темное, если касается торговли через нейтральную страну – все причастные уже получили комиссионные за молчание, ну так не обижайтесь, если вам ОЧЕНЬ не повезет.

Пришли в район. Ищем жертву. Дело не такое простое, как кажется, у нас ведь нет ее акустического «портрета» – сигнатуры. И потому, услышав в западном секторе шумы винтов транспорта, мы должны сблизиться с возможной целью и всплывать под перископ для опознавания. Таковых было мало, в сорок третьем в Атлантике всю свирепствовали «волчьи стаи»

Дёница (или не знаю, кто там сейчас у фрицев на его месте), и подавляющее большинство транспортов шло в конвоях. За пять дней мы встретили лишь троих, судя по флагам, португальца, бразильца, и англичанина (последний шел в одиночку, надо полагать, в надежде что встретившийся У-бот побрезгует его жалким видом). А вот на шестой день – случилось.

Доклад с ГАКа – контакт, военный корабль, пеленг 135, приближается. Чтобы не ослабляться, сыграли боевую тревогу. Хотя хотели всего лишь посмотреть, кого там бог или черт несет – чью сигнатуру мы запишем? А вдруг завтра приказ будет именно эту цель искать?

Дистанция четыре мили. В перископ опознаем крейсер «Канариас». Испанец, нейтрал, для нас неинтересен. Хотя стоп, тот же флаг, что на цели, чего он в океан чешет, курсом почти точно на восток? А если у него randevu с нашей будущей жертвой там? А разбираться лучше без свидетелей!

Нырять на триста, благо океан, глубины под килем позволяют. И вперед большим ходом, у него визуально определили в четырнадцать узлов, мы разогнались до двадцати четырех. Периодически слушаем – а вдруг кто мимо проскочит?

– Контакт, множественный, пеленг двести пятьдесят. Предположительно конвой.

Странно – не ходят конвои этим маршрутом. А если испанец к этому отношению имеет, еще интереснее! Подходим ближе. «Канариас» слышен, но далеко позади. А вот перед нами...

Перископ вверх, вниз, режим «видеозапись». Еще раз, с чуть другого ракурса. Вот она, «Галисия»! Опознали точно – хорошо хоть это не стандартный «либертос», тех друг от друга хрен отличишь. Но вот за ней...

Эскортный авианосец типа *Vogue*. Три новых эсминца тип «Бенсон» или «Бристоль». Противолодочная поисково-ударная группа, какие у штатовцев или входили в состав конвоев, или патрулировали океан в свободном поиске немецких субмарин. Держатся позади и чуть левее «Галисии», идут почти на нас.

Это что же, американцы фрицам продали через нейтралов, что под такой охраной везут? Хорошо хоть волна наверху, небольшая, но на грани, чтобы самолеты поднять с палубы, особенно малого корабля, тут «Эсексы» и «Мидуэй» перед эскортниками явное преимущество имеют. Если прижмет, то взлетят, но вот держать в воздухе постоянный воздушный патруль все же рискованно, особенно если пилоты там не асы, а на эскортники все же второй сорт шел, в отличие от настоящих авианосцев. Не было доклада «сигнал самолетного радара», от которого надо немедленно на глубину уходить – впрочем, мы все равно нырнем, вдруг самолет все-таки крутится, может нас сквозь воду заметить. Глубина триста, курс ост (параллельный конвою). Думаю.

В принципе, стрелять можно хоть сейчас. Подвсплыть до шестидесяти (глубже наши аппараты пуск позволят, а вот за прочность здешних торпед не уверен). Данные с БИУС – и песок испанцам (или фрицы там под чужим флагом?) И амеры не сильно помешают, поскольку идут все же не совсем как в конвое, а будто мы рядом, случайно приболудились – эсминцы свою «палубу» стерегут, а не транспорт. Странно это вообще: если уж юсы не поскупились на такую силу, как авианосная группа (не все атлантические конвои такое иметь могли в начале сорок третьего), так могли бы кого-то в непосредственное охранение транспорта выделить. «Галисию» эту мы утопим, но вот после начнется такой базар-вокзал! Бомб американцы точно жалеть не будут. И если немецкие гидролокаторы вызывают у нас лишь усмешку, то вот штатовские сонары остаются пока величиной неизвестной. Потопить нас им точно будет слабо, но вот тряхнуть может, а ресурс «железа» не бесконечен, поневоле будешь дрожать: а как в следующем походе? И имитатор жалко, если придется все-таки запустить.

– Атакуем, командир? – прямо приплясывает рядом Петрович. – Слушай, а может, и «Бога» тоже грохнуть? Пусть после немцам счет предъявляют!

– У нас приказ на кого? – отвечаю. – Пункт первый, утопить «Галисию». Вторым – вернуться, и без повреждений. Потому слушай приказ. Вряд ли амеры настолько обнаглели, чтобы

к «другу Франко» в порт с визитом эскадры. Что тут по-твоему «Канарейка» делает? И что-то мне кажется, должны амеры ему посылку сдать и назад. А один крейсер нам не противник. Вот тогда мы и вступим.

– Так странно это, – недоумевает Петрович, – крейсер-то зачем? По уму, так надо было пару эсминцев гнать, чтобы от лодок. А крейсер, это скорее против такого же, как он. Это кто еще в игре, кроме нас, фрицев, и амеров?

– Методом исключения выходит, что англичане, – говорю я, – но это уже по барабану. Рядом никого нет? И заметь, что ни одной «немки» мы так и не встретили. Логично – если груз для фрицев, так они приказали своим в этот район не заходить. Вот только ни амеры, ни испанцы в этом уверены быть не могут.

Оттягиваемся на всякий случай к северу. И снова ложимся на курс ост, параллельно нашим целям. Время идет, ну вот, все как я и думал! Доклады с ГАКа, взгляд на планшет – американцы поворачивают, а «Канариас» (знаю, что «канарец, житель канар», а не фрицевский обер-шпион, но вот не могу им простить наш теплоход «Комсомол», утопленный в тридцать восьмом в нейтральных водах) вступает в сопровождение цели.

Проходит еще пара часов. Американцы уже далеко.

– Командир, надо решать, – говорит Саньч, – тут скоро глубины пойдут на убыль.

Смотрю на планшет. Да, пожалуй, можно. Даже если амеры сразу рванут к нам, мы уже и дело сделаем, и отойдем. РГАБов еще нет, так что авиация нам не опасна, если на глубину уйдем. А всего три эсминца большой район прочесать не смогут – да ведь и должен кто-то остаться возле авианосца, охранять?

– Боевая тревога!

Мы к норду. Занять позицию впереди слева! Цель, пеленг 220, дистанция сорок кабельтовых, скорость десять узлов. Крейсер, пеленг 210, дистанция сорок пять, скорость десять двенадцать. Наш курс сто сорок, ход двадцать два, глубина триста. Сближаемся, теперь нужно сбросить скорость и всплывать на пятьдесят для стрельбы. ГАК коротким импульсом в активном, уточнить дистанцию – не похоже на работу здешних сонаров, но цели не опознают, не встревожатся. А если и нет, то ничто их уже не спасет, из зоны поражения выйти уже не успеют. Цель, пеленг 260, дистанция двадцать три, курс девяносто, скорость десять. Крейсер, пеленг 230, дистанция двадцать семь, курс сто, скорость двенадцать. Данные в БИУС введены, обработаны, полным залпом четырем, пуск!

Остаемся на глубине полсотни. Отсчет времени, пеленг совпал, взрыв! Шум винтов транспорта прекратился, но это уже ему не помогает, вторая торпеда успела схватить направление на цель, пеленг совпал, взрыв! Третья, четвертая – куда?!

«Канариасу» надо было ворочать направо, подставляя торпедам корму, на большом ходу. Он свернул влево, на нас. Возможно, испанцы не поняли, откуда стреляли – торпеды с неконтактными взрывателями характерного столба у борта не дают, рвутся под днищем цели. И одна из наших торпед захватила шум его винтов!

– Пеленг совпал, взрыв.

Ну вот, песец канарейке. А ведь не старался, чтоб вышел дуплет! И что теперь делать?

Всплываем под перископ. Транспорта на поверхности нет – ну, две торпеды под киль и крейсеру бы хватило! А вот «Канариас» заметно сел на корму и горит.

Доклад от Бурого – аппараты перезаряжены. Петрович спрашивает: будем добивать? Зачем? А отчего нет? Мы ведь не советская лодка, а U-бот. Или «корабль неизвестной госпринадлежности». А вот если крейсер не утонет, и найдут какие-то детали торпед, с нашей маркировкой?

– Крейсер радирует, шифром.

Вот черт, он же наведет на нас амеров.

– ГАК, уточнить пеленг и дистанцию в активном. БИУС, принять данные.

По цели без хода стрелять – как по сидячей утке. Два попадания, наблюдаем в перископ. И столб огня – что-то рвануло уже на крейсере. Быстро кренится, тонет.

– Сигнал самолетной антенны, пеленг двести семьдесят, слышимость два балла.

Быстро амеры вмешались. Ну нас тут, считай, уже нет. Нырять на глубину триста и хорошим ходом на норд. Через какое-то время слышим взрывы глубиннок далеко за кормой. Бомбите, не жалко.

Путь до дома прошел без проблем. Так же шли через Атлантику на глубине, и Серега Сирий снова не спал, боясь не поломаются ли что в его заведовании. И гонял своих – и весь экипаж завидовал торпедистам, которые, сделав дело, теперь отдыхали.

На связь вышли через несколько часов после атаки – подвсплыли, подняли антенну, сбросили сжатое шифрсообщение. Следующий сеанс связи был лишь где-то севернее Британских островов, у самого дома. Поскольку наши, даже случись что, помочь нам ничем не могли, и не было нужды себя демаскировать.

Была в том походе еще одна миссия, так, между делом. Уже почти на полпути домой, выйти в заданный район в намеченное время и дожидаться интересующий нас объект. Топить никого не надо, хотя сигнатуру конечно же, записали. Охраны здесь не было, и мы не могли опасаться быть обнаруженными, это плюс. Объект шумел так, что мы засекли его уже издали, на тридцати узлах хода, это еще плюс. А вот занять позицию, чтобы рассмотреть внимательнее, едва успели, это мы-то – верно говорили, «от надводного рейдера удерет, субмарина же просто не успеет выйти в точку атаки». Оттого и ходили они через океан одни, без конвоя, всю войну, пять суток на переход, почти по довоенному расписанию. Возили личный состав доблестной и пока не победоносной американской армии, не только пехоту, но и танкистов, артиллеристов, пока их техника плыла в трюмах тихоходных транспортов. Вот сказали бы мне, что буду через перископ на кого-то из них смотреть, не поверил! «Черные королевы», легенды моря, суперлайнеры тридцатых, «Куин Мэри», и «Куин Элизабет».

А кто это из них нам попался, две трубы или три? Три, ну значит «Мэри», Голубая лента Атлантики. Даже жалко будет такую красоту топить, если будет приказ. Мама дорогая, сколько же там народа – читал, что в войну там в каютах четырехъярусные койки ставились, специально после сохраняли следы сапог на потолке, десять, двенадцать, пятнадцать тысяч человек на борту, набивали как сельдей в бочку. Северный маршрут, где-то в этих широтах «Титаник» утонул, это сколько же жертв будет, если торпедный залп в борт, а ведь от нас не увернешься, и тридцать один узел не поможет!

Но мы сейчас мирные, белые и пушистые. Приказ был всего лишь зафиксировать место, время, курс и скорость. Так-так, а ведь место и время примерно нам было сообщено – значит, что имеем? А например, проверку и уточнение информации о графике движения «королев», как-то добытых разведкой. И что из этого следует?

А очень плохое для пассажиров. Время отправки или прибытия можно уточнить и в порту, а вот маршрут это однозначно для перехвата. И очень может быть, в следующий раз будет такой приказ, подстеречь «королеву», утопить и исчезнуть, списав на тех же немцев. Но тогда уж точно придется сначала немецкую субмарину найти и топить, где-нибудь поблизости, чтобы было на чей счет списать. Если поступит приказ.

Хотя лично мне было бы жаль. Несправедливо как-то – из всех суперлайнеров войну пережили как раз они, две «королевы», которые все время, считай, честно служили «на передовой». А те, что прятались в портах, погибли все, как французская «Нормандия». Неправильно будет их топить, но... Цинично рассуждая, именно эти две «королевы» обеспечили значительную часть американских военных перевозок к пока еще будущему «Оверлорду». Считайте по максимуму: пять суток на рейс, три раза туда и обратно за месяц, пятнадцать тысяч на борту. Обе вместе – девять тысяч в месяц, в год больше миллиона американских солдат в Брита-

нию. Именно военнослужащих, комбатантов – так что лавры немца, утопившего «Лузитанию», мне не грозят.

Но пока плыви, «королева». Не было приказа тебя топить.

В назначенное время вышли на randevu с «Куйбышевым» и «Урицким», постоянными нашими спутниками. 20 марта вошли в Полярный.

Узнали новости. Во-первых, пока нас не было, Полярный бомбили. Причем трижды. И во время последнего налета одна из бомб легла на наш причал, среди охраны НКВД и тыловых были убитые и раненые. Наши истребители и зенитчики в долгу не остались – однако на неприятную мысль этот факт наводил, с чего бы это люфты проснулись? Во-вторых, конвой RQ-21 дошел благополучно. И что характерно, в британской зоне ответственности фрицевские лодки были замечены рядом, а в нашей их не было и следа. В-третьих, фрицы все же воспользовались моментом – считая, что мы сосредоточим силы на проводке конвоя, в Нарвик проскочил «Цеппелин», под охраной миноносцев, так что у кригсмарине под нашим боком очень неслабая эскадра, что-то они замышляют?

За «Канариас» с нас никто ничего не спросил. Но и не похвалили.

А вот узнать бы, что же такое мы сделали?

Генералиссимус Франко.

Мадрид

Проклятые британцы! Подлые продажные твари! Нигде не упускают своей выгоды! И для них не существует таких понятий, как честь, порядочность – лишь бы выглядело прилично. Ваши деньги перекачивали в наш карман, ай эм сори, такова жизнь!

Сначала они пытались поставить под свой полный контроль всю внешнюю торговлю Испании. Так же, как они делали это со скандинавскими странами в прошлую войну. Естественно, не забывая своей выгоды – мы должны были покупать лишь то, что нам дозволено, у них, по их цене, и доставлять под их контролем. Не останавливаясь перед угрозами и прямым террором – несколько наших судов были потоплены в море «неизвестными» субмаринами. А в ответ на наши вопросы их посол лишь кивал на немцев, топящих все что плавает – вообще-то это может быть и правдой, хотя в Берлине тоже категорически все отрицают. Но я уверен, что истина посередине, есть и немецкие ошибки, но также присутствует и злой умысел англичан!

Испания не слишком богатая страна, тем более после братоубийственной гражданской войны. И сам бог велел нам наживать прибыль, когда одной из воюющих сторон позарез нужно что-то у себя не производящееся. Например, самолеты, да, хорошая была комиссия! Теперь вот никелевый концентрат, при требуемой регулярности поставок, это просто золотое дно!

Причем платили – мы! Восемь тысяч тонн никеля, наши американские друзья предпочли не задавать вопросов о конечном покупателе, сколько еще ушло на взятки (по уговору, накладные расходы должны быть возмещены немцами после). А сколько потребовалось, чтобы некий американский Чин приказал одному из противолодочных патрулей сопроводить наше судно почти до наших берегов? Наконец, «Канариас» должен был встретить пароход на последнем этапе, во избежание досмотра британским флотом. А дальше – лишь разгрузить, отправить немцам, получить с них деньги и считать прибыль!

Проклятые англосаксы! Да, сделка с врагом во время войны – это занятие грязное. Эти господа, что из Сити, что с Уолл-Стрит ради наживы влезут в любую вонючую лужу, но при одном условии: чтобы все это выглядело пристойно. Иначе будет благородный гнев и кто-то запросто лишится кресла, а может быть, и головы. Но ведь хочется и деньги получить, наши деньги! И кто виноват, если груз не дойдет? «Неизвестная» сторона?

Эта субмарина ждала почти в точке встречи – всего через два часа после того как американцы сняли с себя ответственность, был потоплен не только транспорт, но и «Канариас», гордость нашего флота! И снова эти ублюдки с вежливой миной разводят руками и кивают на

немцев – но спасшиеся члены экипажа говорят, что слышали работу сонара, которого у немцев на лодках нет! И потопив транспорт, они добивали наш крейсер, лишенный хода – словно желая показать нам, что будет за несговорчивость! Ай эм сори, мы не знаем. Самые грязные ругательства будут излишней вежливостью, чтобы высказать, что я думаю о проклятых британцах! Они думают, что Испания все это проглотит безропотно?

У вас, господа британцы, тоже есть уязвимые места. Например, Гибралтар. Могу я поддаться на уговоры, или даже угрозы фюрера германской нации, пропустить по своей территории его войска? Бедная Испания вынуждена была подчиниться силе! Как Петен, который умудряется как-то иметь на русском фронте больше десятка дивизий, формально оставаясь вне войны!

Сразу действовать или сначала пригрозить британцам? Если они возместят нам потери и передадут по их ленд-лизу корабли вместо бедного «Канариаса»?

Москва, Кремль, 22 марта 1943 года

– ...ну что ж, Лаврентий, все прошло хорошо. Лазарев не только сорвал поставку руды, но и по-крупному поссорил Франко с англичанами. Конечно, восемь тысяч тонн концентрата, считая требуемый процент никеля, это очень много, хватило бы на две тысячи танков, или пару линкоров. Верно, что сейчас рейх, потеряв никель, а теперь еще и марганец, отчаянно нуждается в легирующих добавках: это и броня, и нержавеющая сталь на верфи, и многое другое, без чего очень плохо воюется. Но вот стоило ли так рисковать уникальным кораблем, и такими же людьми, ради столь малой цели?

– Товарищ Сталин, дело ведь не только в руде! Сорвать сговор между союзниками и Гитлером, кому не нравится наша слишком быстрая победа, этак и в Европу не успеем. Во-первых, это отнюдь не укрепит доверие сторон друг к другу. Как можно с немцами иметь дело, если они собственным флотом не могут управлять? А ведь подумают на немецкую лодку, у «мальчиков Дёница» была привычка топить все, что плавает, что следует из мемуаров их «бриллиантового» подводного мегааса Вольфганга Люта, у него треть потопленных – нейтралы, причем многих он сам *до атаки* признал таковыми! А во-вторых, эта акция удачно наложилась на другую операцию, «Кирпич». Если со Швецией немцы еще могут расплачиваться продовольствием и сельхозпродуктами из Румынии, Венгрии, Болгарии, Словакии, то чем рейху платить союзникам за по сути контрабанду (а значит, по двойной цене)? Только краденым еврейским золотом и фальшивками!

– Азартно играет фюрер. Весь их «Бернгард» – это, по сути, огромная авантюра. Масово, в промышленных масштабах, печатать фальшивые доллары и фунты! Да, можно привлечь химиков, чтобы определили состав бумаги, идентичный подлинному. Математиков-дешифровщиков, чтобы разгадать зависимость определенных серий купюр от номеров. Печатников, которые идеально сделают свою работу. И даже специально мять, пачкать, топтать банкноты, придавая им вид побывавших в карманах и кошельках. Но неужели немцы не понимают, что это вылезет непременно, просто по конечному результату, когда излишняя денежная масса станет заметной? А этого фюреру не простят категорически! Потрясение финансовых основ – это больше, чем бомбежки Лондона и попытки убийства королевской семьи. И на что фюрер рассчитывает тогда?

– Ну, товарищ Сталин, в той истории фальшивые деньги всплывали, и были подозрения, но никто не знал, НАСКОЛЬКО широко поставлено дело. Картина в полной мере стала ясна лишь после капитуляции, в сорок пятом. Все было очень глубоко засекречено, информация потомков с фактами, местами и именами не могла быть предусмотрена никем.

– Насколько успешно прошел вброс информации союзникам? Так, чтобы они поверили, и сумели проверить?

– Судя по тому, какой скандал в Швейцарии... Когда два очень уважаемых банка вдруг оказались на грани краха, из-за того, что значительная часть их активов оказалась в фальшивой валюте. И это лишь то, что выплеснулось наружу. Немцы ведь не расплачивались за сомнительные сделки пачками наличных в коробках. Фальшивки клали на счет швейцарского банка особо доверенные люди, а уже после деньги перемещались «условно», списываясь со счетов. В результате банки, которые слишком усердствовали, оказались с рисованной бумагой вместо денег. И как после такого должны отнестись к Германии англо-американцы? Да и «друг Франко» тоже, наверное, рассчитывающий на процент? Джентльмены могут, если им выгодно, торговать хоть с самым чертом. Но кто будет иметь дело с тем, кто вас внаглую обманул?

– Все равно ведь договорятся. Если им это выгодно. Как думаешь, Лаврентий?

– Договорятся, конечно. Но – время? Сколько займут, при резко возросшем недоверии друг к другу, дипломатические игры, торг по-новому, требование гарантий? Месяцы, за которые очень многое случится.

– Подготовка к «Полыни-3»?

– К-25 дойдет, и Лазарев справится. Группа захвата также практически есть. Но надо еще маршрут эвакуации подготовить, «легенда» еще не проработана. Считаю опасным форсировать мероприятия с той стороны, рискуем потерять все.

– Ну, работайте, ты же докладывал, что тех двухсот пятидесяти тонн товарищам ученым хватит. Пока хватит.

– «Виндзор»?

– Нет! Не сомневаюсь, что К-25 это по силам, но дело будет слишком грязное. Если это когда-нибудь выплывет, если будет установлено, что никаких немецких лодок в том месте и в то время не было и быть не могло... Этого нам категорически не простят.

– А при успехе не простят немцам.

– Вот немцы это и сделают, Лаврентий. «Использовать врага лучше, чем просто уничтожить», так, кажется, говорил Сунь-Цзы? Нашей будет лишь информация – причем передадут ее те, кто будут искренне уверены в своей заслуге перед рейхом. И даже если кто-то что-то заподозрит, следов будет не найти. Лишь версия, одна из многих, выдвинутая каким-нибудь историком лет через пятьдесят.

– Что делать с Лазаревым? У него талант «перевыполнять план», но так, что это оказывается к месту.

– А никак, Лаврентий. За успешно выполненное задание наградить, но только за него. А вот «Канариаса» там не было. Вообще не было, ты понял? А то Лазарев войдет во вкус, и кто знает, кого он «перевыполнит» в следующий раз. И мне очень не хотелось бы применять к нему меры.

Где-то во Флориде, 23 марта 1943 года

Сельский стиль жизни был популярен еще в старой доброй Англии в викторианскую эпоху, поскольку в те времена Лондон, первым вкусивший прелестей урбанизации и перенаселения, был вонючей клоакой (где даже принц Альберт, супруг самой Виктории, помер от тифа прямо в Букингемском дворце), то представители английской элиты предпочитали жить не в столице, а в загородных имениях. И устраивали приемы, приглашая друг друга в гости. Съезжались с утра всей компанией, играли в гольф, стреляли в цель, просто гуляли по парку или играли в преферанс; обязательной частью был обед и вечерний бал, где все могли оценить мастерство поваров хозяина и драгоценности и туалеты дам. А еще джентльмены обсуждали там свои важные дела, собравшись узким кругом.

После первой Великой войны жизнь изменилась, теперь очень немногие даже из аристократов могли позволить себе содержать имения со множеством слуг. Но традиция не умерла, переселившись в аристократические клубы.

Клуб назывался... а впрочем, какая разница? Значение имело лишь, какая публика сегодня здесь собралась. Посторонний, попади он сюда в этот день, мог бы удивиться количеству охраны по периметру – как полицейские в форме, так и крепкие люди в штатском. Но охрана находилась исключительно снаружи, не мозоля глаза законным гостям.

Кто были эти гости? Они не занимали никаких официальных постов, а некоторые даже не числились официальными владельцами, председателями советов директоров или держателями контрольных пакетов корпораций. Но именно они были Теми, Кто Решает – держит в руках реальные рычаги. Оставим авторам романов идеи «всемирного тайного правительства» ордена масонов или розенкрейцеров, семьи Ротшильдов, британского королевского дома или даже корпорации «ос»⁶, хотя большая часть собравшихся принадлежала именно к «осам» (так сложилось исторически). Были ли собравшиеся здесь тайным обществом? И да, и нет.

Ведь крупные игроки обязаны знать, «кто есть кто», с чьими интересами надо считаться. Договариваться друг с другом, хотя бы о разделе сфер влияния, решать какие-то вопросы, касающиеся их всех. У них не было общей для всех цели, как у тайного общества, у них была одинаковая для всех цель. Деньги и власть. Все и ничего. Ничего кроме денег и власти, и все, что деньги и власть могут дать.

Они были не семьей, а стаей, которая собирается вместе для охоты на общую добычу и разорвет любого из своих, кто покажется слабее. Потому среди них не было безусловного вожака – если бы такой появился, это значило бы конец для всех прочих. В то же время каждый мечтал когда-нибудь стать таким и зорко следил, нельзя ли при случае избавиться от кого-то из стаи, сегодня от одного, завтра от другого, и так остаться единственным, последним. Потому войти в это общество новому человеку было очень трудно, даже накопив достаточно богатства и влияния, так как «старые» члены клуба старались бы избавиться от новичка, в том числе и физически. И каждый из этих людей, кажущихся всесильными, вздрагивал, узнав, что акции какой-то из его компаний опустились на несколько пунктов. Потому что это значило не только потерю пусть пренебрежимо малой части состояния, но потерю власти, влияния, а значит, самой жизни.

При всем этом они были бы искренне оскорблены, если бы их сравнили с гангстерами. Хотя их методы были столь же жестоки, и никакой Аль Капоне не мог бы мечтать о таких масштабах. Но ведь все это делается лишь ради прибыли, ничего личного, джентльмены? Будем конкурентоспособны, ведь выживут лишь обладающие этим качеством в должной мере. А слова про нравственность и мораль оставим для успокоения толпы.

– Итак, джентльмены, мы собрались здесь, чтобы решить, – сказал первый из них, выглядевший лошеным английским аристократом, – с кем эта страна будет воевать через год, а может даже и раньше.

Толстяк с сигарой, похожий на британского премьера, лишь чуть ниже ростом, спросил:

– А в чем причина войны? Биржевые показатели великолепны. И динамика тоже.

– Европа. Что будет, если русские завершат войну раньше и в одиночку, пока мы будем где-то у Соломоновых островов?

Вмешался третий, в ковбойской шляпе. Руку он держал так, словно хотел коснуться несуществующего кольца у бедра.

– И что? Русским тоже понадобится свободный капитал, чтобы восстановить разрушенное. А вот тут мы будем диктовать правила.

– А если русские окажутся упрямы, – заметил «аристократ», – и несмотря ни на что, не откажутся от своей монополии? А значит, правила диктовать будут уже они. Нам не нужен только рынок сбыта, нам нужен рынок сбыта, контролируемый нами.

⁶ WASP – белые англосаксонские протестанты.

– Может быть, сначала закончить с Европой? – подал голос четвертый, с военной выправкой. – По авторитетному мнению комитета начальников штабов, рейху отпущен срок максимум до сорок шестого.

– Эта война совсем не похожа на ту, прошлую, – покачал головой «аристократ», – на Тихом океане, если не брать в расчет авианосцы вместо дредноутов, те же морские сражения, где успех медленно склоняется на нашу сторону, а через год станет подавляющим. А в Европе все с самого начала идет не так! И гораздо быстрее, чем в ту войну, и совершенно непредсказуемо.

– И что? – спросил «ковбой». – По большому счету сейчас русские для нас – это пушечное мясо против джерри. Такое же, как раньше турки, кавказские горцы или бухарский эмир против самих русских.

– А если они завтра начнут свою игру? И перейдут дозволенные нами границы?

– Даже если так, на мой взгляд, у нас есть время, – сказал человек с армейской выправкой. – Еврорейх кажется мне заметно более сильным игроком. Конечно, если мы позволим ему укрепиться.

– Я тоже кое-то смыслю в военных делах, – отрезал «аристократ». – Все в комитете сходится во мнении, что высаживаться во Франции можно лишь в летнее «окно». И поэтому нам сейчас надо решить, нацеливаться на это лето или на следующее, когда, возможно, русские уже будут брать Берлин.

– Верфи загружены заказами на корабли основных классов, необходимые для тихоокеанской войны, – проинформировал толстяк, – линкоры, авианосцы, крейсера, эсминцы – великий флот, с которым мы задавим Японию. Этим летом у нас просто не хватит десантного тоннажа.

– Хватило на Гуадалканал и Африку.

– На пределе, – сказал военный. – Теоретически высадиться можно. Но это сильно ослабит наше давление на Японию. И затянет войну на том театре еще минимум на год.

– Джентльмены, не вижу оснований спешить! – поддержал толстяк с сигарой. – Как было сказано, по основным экономическим показателям, таким как промышленная мощь, выплавка стали, выработка электроэнергии, у Германии над СССР превосходство вдвое большее. И заявленную фюрером величину его армии, четыреста дивизий в строю, наша разведка считает вполне правдоподобной, с учетом мобилизационного потенциала оккупированных стран. Можно ожидать, что боевые качества вновь сформированных частей будут сильно отличаться от качеств тех, кто брал Париж в сороковом, но из предосторожности считать следует по максимуму. В то же время нет никакой уверенности, что русским удастся хоть в малой мере повторить свой успех. Вспомните их Москву сорок первого, у них всегда получалось воевать зимой. Но после был Харьков и прорыв немцев к Волге. С чего вы взяли, что в летней кампании этого года будет иначе?

– Поддерживаю, – сказал «ковбой». – Прикиньте расстояние по карте. Они не вышли пока даже на свою же границу. И за год, считая от начала летней кампании, дойти хотя бы до Варшавы – это возможно лишь при очень большом везении.

– И вы забыли про поляков, имеющих от нас гарантии, – вставил военный. – Польша уже служила в свое время кордоном от русской угрозы. Учтите, что законное польское правительство, во главе с Сикорским, заявило, что объявит России войну, если хотя бы один русский солдат перейдет границу Польши без дозволения!

– Простите, какую границу? – усмехнулся «ковбой». – Тридцать девятого года?

– Однако же наши гарантии полякам, данные весной тридцать девятого, никто не отменял! И если тогда некоторые обстоятельства помешали, то не вижу причин, почему мы должны игнорировать эти гарантии сейчас!

– Объявим Сталину войну из-за поляков?!

– Нет, конечно! Но предупредим. Думаю, русским тоже неохота воевать с нами из-за польской границы.

– Джентльмены, мы, кажется, отвлеклись от текущего вопроса, – прервал спорящих «аристократ». – Что делать сейчас? Повторяю, если мы решим высаживаться в этом году, решать надо немедленно!

– Я за то, чтобы не идти на обострение из-за гипотетической угрозы, – заявил толстяк. А вот убытки будут реальны!

– Ваша прибыль – усиливать русских? – усмехнулся «ковбой». – Продавать им промышленное оборудование, да еще в таких количествах?

– И что? Их возможности с нашими все равно не сравнить! Что там они у меня купили – полные комплекты нефтехимического завода, завода автомобильных дизельных двигателей и собственно автомобильного. А сколько таких заводов у нас?

– И еще большое количество станков и машин самого разного назначения, по списку.

– Из запрещенного? – вмешался военный.

– Из того, чем они могут ослабить нашего пока еще главного конкурента, Еврорейх, – отрезал толстяк. – И я не понимаю, зачем нам из-за «завтра» мешать тому, что приносит очень неплохую прибыль сегодня. А вот когда они ослабят фюрера и понесут потери... Зачем нам влезать самим?

– Поддерживаю, – сказал военный. – После летней кампании, если она окажется с тем же итогом, будет повод к беспокойству. Сейчас – нет.

– Не говоря уже о том, что, получив от нас ультиматум, русские могут ответить совсем уж непредсказуемо, – поддержал «ковбой», – вплоть до перемирия и союза с гуннами и макаками против нас.

– После того, что гунны у них натворили?

– А вам знакомо такое понятие, как «реалполитик»? – усмехнулся «ковбой». – Повторяю, сейчас русские нам нужны. Глупо выбрасывать инструмент, не сработанный в полной мере. А русские сейчас выступают именно таким нашим орудием против рейха. Меня гораздо больше беспокоит этот проходимец Петен. По-вашему, это терпимо, что он умудряется фактически вести войну и против русских, своей армией, и против нас, своим флотом, формально оставаясь нейтралом? Также и голландцы, бельгийцы, датчане...

– Если Петен обосновывает свои действия «боязнью ужасов войны», то мы можем показать ему, как он ошибается, ожидая их исключительно с одной стороны, – ответил военный.

– Это оттолкнет от нас французов, – заметил толстяк.

– А что, кого-то интересует их мнение? Зато ПВО в Париже пока слабее, чем в городах самого рейха.

– Принято, – подвел итог «аристократ». – А что решим с Испанией? Каудильо бесится. Требует от нас всего лишь компенсации за утопленное корыто. Грозит, что в противном случае не станет противиться требованию фюрера пропустить немецкие войска к Гибралтару.

– «Кузены» точно ни при чем?

– Клянусь, что да.

– Тогда это однозначно гунны, – заявил военный. – Ради алиби утопили свой же груз, а заодно и корабль своего союзника, взамен надеясь получить Гибралтар, а значит, все Средиземное море. Что теперь будет с нашей тунисской армией, черт побери!

– Теоретически, это могла быть и ошибка, – сказал «аристократ», – неуместная инициатива какого-то немецкого или итальянского командира субмарины. Не только у ребят Локвуда есть привычка сначала стрелять, после смотреть.

– «Канариас», – усомнился военный, – это уже явный перебор.

– Могли принять за британца, тип «каунти».

– Это имеет значение? – спросил «ковбой». – Короче, каудильо нужен нам, или...

– Вообще-то может понадобиться, – заметил толстяк, – в ситуации как тогда, с транспортными самолетами. Может, уступить ему старых эсминцев по весу? Не жалко!

– Излишне. Каудильо не настолько глуп, чтобы не понимать, что продолжение его политики в данном направлении обязательно будет носить фатальный для него характер, – отрезал «аристократ». – Он просто пытается стребовать с нас хоть что-то. Зачем нам платить за его невмешательство даже металлоломом – если мы получим это и так?

– Вопрос последний: что происходит на севере? – сказал военный. – Насколько достоверна информация, что русским удалось создать оружие, сместившее в их сторону соотношение сил на море?

– Если не брать в расчет гипотезы и слухи, то русские всего лишь построили большую подводную лодку с турбинами Вальтера. Аналогичные корабли строятся и в Германии.

– А у нас?

– Кораблестроительное бюро ведет работу над проектом.

– Медленно и плохо! Если этот тип субмарин так хорош, то мы не можем упустить первенство.

– Заказ?

– Решим в рабочем порядке.

– Джентльмены, по этому вопросу нам очень желательно получить более полную информацию. Если русским удалось придумать что-то новое, мы, естественно, не можем остаться равнодушными. Потребовать, купить, получить в обмен, или же... Насколько мне известно, в России сейчас находится наша разведывательная миссия, под прикрытием писак?

– У этой миссии были и другие задачи, – заметил «аристократ». – Наблюдение за всем русским фронтом. Сейчас в главной базе русских на севере, в Молотовске, находится лишь один наш агент. Но донесений от него, кроме известных вам, пока не поступало.

Джеймс Эрл, капитан ВМС США, по документам – корреспондент «Чикаго трибюн».

Молотовск, военно-морской госпиталь, этот же день

Как голова болит, о-о-о! Точно, сотрясение...

Но это уже вопрос принципа! И неприятно, когда из тебя безнаказанно делают дурака и на репутации, а значит и карьере, ставится жирная клякса. А вот успех в конце спишет и грехи в процессе. Короче, выяснить подробно, что это за очень большая русская подлодка и куда она делась.

Может, все представленное было инсценировкой? Нет, сложно поверить, что русские при общей нехватке ресурсов в войну отважились построить столь масштабный макет, ведь что-то большое в доке стояло, я ясно видел! И хотя я слышал, в СССР жизнь ценится дешево, Сталин вполне мог списать сотню-другую своих нижних чинов ради сохранения секретности – но химия была настоящей, я чуть вдохнул, и валялся в этом же госпитале больше месяца! И до сих пор задыхаюсь, как астматик, стоит мне двигаться чуть активнее. А кстати, что это было? Не могу сказать, поскольку не химик. Черт, надо было как-то взять пробы для анализа! Хотя, если лодка базируется здесь, то как ее снабжают и заправляют? В отдаленной части военного порта или прямо на территории завода, если проект экспериментальный, в процессе доводки?

В любом случае следы надо искать на заводе. Куда я и отправился, лишь выйдя из госпиталя. Русские власти не препятствовали, потому что я опоздал. Док был пуст, лишь вчера из него вывели «Шеер» с уже установленным новым валом. Тут большая подводная лодка стояла, где она?

Русские в самом деле такие тупые или притворяются? Меня не пытались куда-то не пустить, активно препятствовать (попробовали бы!). Они всего лишь делали вид, что не знают или не понимают, о чем речь. Я убил на расспросы несколько дней! Наконец мне шепнули, с опаской оглядываясь по сторонам, что очень большую подлодку отбуксировали в дальний

затон, во избежание заражения. И теперь там спецтюрьма НКВД, где смертники-штрафники очищают лодку от химии. Всех с завода, кто плохо работает, посылают туда, и пока никто живым не вернулся! Эта безжалостность вызывает и ужас, и восхищение: начинаешь понимать, отчего русский политический строй показывает иногда просто чудеса эффективности. Он совершенно не требует обеспечивать интересы личности там, где существует общая цель. Издержкой является чрезмерный расход человеческого материала – но при русском многолюдстве и малой цене их необученного человеческого ресурса это терпимо.

Но где же все-таки подлюдка, спрашивал я. Ну это не к нам, мистер, ни флот, ни завод к этому отношения не имеют, это все НКВД, отвечали мне. А от них лучше держаться подальше и лишних вопросов не задавать! Вот только не мне, я же американский журналист – лицо неприкосновенное! В самом начале я действительно был репортером в родном Фриско. Затем на меня обратили внимание парни из военно-морской разведки, и я как-то незаметно оказался сначала на подхвате, а затем и в штате этой конторы. Однако профессиональные навыки остались и не раз оказывали мне услугу. Или совсем наоборот, как тогда в Китае в тридцать девятом... но не будем о плохом.

Считается, что разведчик должен быть незаметным. Таким серым мышом, обывателем, законопослушным до одури, кто на виду старается быть как все, а по ночам стучит на ключе шифровку в центр или пробирается с динамитом на вражескую базу. В цивилизованных странах так оно и есть, но вот в странах варварских и диких, как Китай или Россия, роль богатого путешественника-иностранца гораздо эффективнее. Хотя бы потому, что обладает большим социальным статусом, а значит, свободой действий. А также оттого, что там белый человек и так лицо очень приметное. Кстати, когда-то я был уверен, что русские – это не белая раса, а монголы, пока в Шанхае не увидел представителей их высшего класса, дворян-эмигрантов. Один из них учил меня русскому языку и аристократическим манерам заодно.

Можно, конечно, и в дикости быть незаметным. Классика – это история Вамбери, девятнадцатый век, то ли Хива, то ли Бухара, ну в общем, где там британцы воевали с русскими? Человек, посаженный дикарями в яму, так виртуозно ругался по-арабски и на память цитировал Коран, что глупые азиаты поверили, что он действительно их святой, «хаджи», и отпустили Арминия Вамбери, майора британской разведки. Но это работа штучная, скрупулезная, доступная лишь британцам. Мы же, американцы, предпочитаем не развязывать узел, а сразу его рубить. И потому лично мне больше нравится работать по второму варианту, который вполне возможен и в Европе: Франция, сорок первый, глава местного Сопротивления, граф и промышленник, устраивает прием на собственной вилле, где присутствуют и немцы, а в задней комнате «коммерсант из Аргентины» беседует с кем надо (это был не я, но я того парня знал)...

Вообще у нас на службе очень не поощряется рассказывать о конкретных делах. По понятной причине, ведь секретными являются не только имена, но и методы нашей работы. Потому, смею заверить, что вся так называемая «шпионская» литература не имеет с реальностью ничего общего, поскольку или написана теми, кто никогда не занимался подобными делами, или намеренно искажена (попробовал бы кто написать правду, завтра бы помер от «сердечного приступа» или стал бы жертвой автомобильной катастрофы). Когда я был в Британии в сорок первом, то сдружился там с неким Флемингом, он тоже раньше был писакой и всерьез намеревался после войны издать книгу о приключениях вымышленного им героя. И для этого выпрашивал меня о всякой экзотике – Китай, Индия, Малайя, Япония и прочий там Восток. Ну я и рассказал – вот только, во-первых, приукрасив, конечно (и чтобы непременно в конце красивая женщина и полный карман денег), а во-вторых, промолчав, что многое из этого случилось не со мной. Знал я там одного парня, археолога из Индианы, который имел просто талант влипать во всякие истории и, что невероятно, выходить из них живым и даже с прибылью (может, он был тоже человек от конторы, только чьей?). А в-третьих, пришлось и мне из Шанхая ноги уносить, едва успел – но про то никому знать не надо. Шеф мне сказал

как-то: «Вы дважды ноль, мистер Эрл», имея в виду, что я два раза по-крупному облажался (до Шанхая еще одно дело было) и что если еще раз такое случится, то меня вышибут как неудачника пинком, останется лишь книжки писать, чтоб заработать. А Флеминг это услышал и спросил. Ну я и ответил с серьезным видом: у нас два ноля перед личным номером означают право убить, если для дела нужно. Не знаю, поверил ли он, при его должности и осведомленности – но если да, вот будет смех, ведь по сути любой тайный агент это право имеет, если при исполнении и ради дела. Да и не только тайный. Вон, в тридцать первом во Фриско полисмен кого-то застрелил на улице – ну не повезло парню быть внешне похожим на какого-то гангстера, коп и испугался, когда тот в карман полез, – так думаете, когда разобрались, тому полицейскому за это что-то было, кроме порицания?

Так что третьего промаха мне не простят. Не выгонят, война ведь, сделают хуже – сбросят куда-нибудь в Голландию, расходным материалом. Это ведь чистая случайность, что я в Россию попал – исключительно из-за языка, вспомнил кто-то, ну не так много в нашей конторе специалистов по России, не считалась она для нас в двадцатых-тридцатых ни вероятным противником, ни объектом американских интересов. Говорить-то по-русски могу, а вот все остальное... Ну совершенно не похожи детали жизни в СССР на то, что мне рассказывали в Шанхае! Так что за своего мне тут никак не сойти – роль «белого человека среди туземцев» альтернативы не имеет!

Итак, что имеем: русский штрафной лагерь где-то в отдаленной бухте. И даже если «переменный» человеческий состав там дохнет поголовно, есть же еще и те, кто их охраняет, доставляет их туда, возит провизию. А где можно найти человека на военно-морской базе – правильно, в кабаке! О-ох, снова пить русскую водку! Не вынесу! Но придется...

Какой болван назвал это заведение «Белая ночь»? Тут вообще без фонаря на улицу не выйдешь, не видно ни черта, даже днем, солнце выглядит чуть, и все. Утешает лишь, что этот Молотовск не слишком большой, до так называемого «отеля» недалеко. Гостиница для офицеров – все лучше, чем сараи, в которых большинство населения здесь обитает. У нас в таких безработные жили, в Депрессию, которых наш президент организовал за кормежку и кров строить железные и шоссейные дороги, мосты, аэродромы: все лучше, чем с голоду помирать. После узнал, что и у русских такое было, после их Гражданской, и называлось трудармией.

Не флот, не завод, а к агентам НКВД обращаться – это слишком даже для меня. Значит, остается их конвойная служба, которая этих бедных арестантов возит. А нижние полицейские чины, особенно в бедных туземных странах, это всегда образец продажности. В то же время их обычно не замечают, обращая на них внимания не больше, чем на столбы забора. А сами они могут видеть многое!

Сначала были двое флотских сержантов, с которыми я свел знакомство в прошлый раз в этом же кабаке. Они указали на других двоих типов за соседним столиком, а сами куда-то пропали. Ну и рожи – за милю видно, что местный аналог гангстеров. Ничего, в Китае этой человеческой швали было побольше, я с ней обращаться умею! В подтверждение, тот факт, что я еще живой, – впрочем, китайцы для меня были просто мелковаты, а я, конечно, не Джек Демпси, но тоже боксом владею, и кольт сорок пятого калибра наготове, и денег с собой по минимуму, я не дурак здесь свой бумажник светить! Ну так что вы можете мне сказать, мор... простите, джентльмены?

Что за русская манера – сначала выпить, затем разговаривать? Морды настроены дружелюбно, но непреклонно: «Ты нас уважаешь? Тогда пей!»

Стакан, еще один. Перед глазами все плывет, звуки как в тумане. Эй, вас четверо или двое? И дальше не помню ничего. Очнулся в сугробе, с пустыми вывернутыми карманами, без обуви и верхней одежды. Страшно болела голова, в лицо светили фонариком, и кто-то грубо спрашивал, кто я такой. Судьба послала мне патруль русской военной полиции, не дав замерзнуть в снегу насмерть. Но обрадоваться этому я не успел, так как меня сначала потащили

не в госпиталь, а в участок, где сунули в холодную камеру с какими-то личностями уголовного вида. На мои протесты, что я американец и журналист, русские лишь отвечали, что утром начальство разберется, а мои документы пропали вместе с деньгами (хотя сколько их там было, мизер). Кажется, мне стало плохо и я отрубился, после чего русские все же вызвали санитаров и наконец оказали мне хоть какую-то медицинскую помощь...

А что вы хотите, мистер? Тут, считай, половина населения – это зэка (так у русских называются каторжники). И среди конвойных тоже: у них на шапках серые жетоны с надписью «охрана» вместо красных звездочек. Местных они не трогают, боятся, что их за это по законам военного времени, но человек со стороны, с деньгами... ну вы же им намекнули, что заплатите, вот они и решили... А не найдя денег, со злости врезали по голове, а может, уронили, когда тащили. Да им даже намек дать, что вы тут посторонний и с деньгами – да вы что, мистер, голову все же надо иметь! Вам приключений захотелось, а нам отвечать? Ну точно, сотрясение и черепно-мозговая, пожалуйста снова в госпиталь, и не волнуйтесь, все будет в порядке!

Лежу сейчас, в полной меланхолии. С мыслью, что это у меня третий ноль... Или пока еще нет?

Одесса, март 1943 года

Как все хорошо начиналось... Великая Румыния, Транснистрия, планы сделать из Одессы второй Бухарест, только веселее и беззаботнее... Еще полгода назад казалось, что Советской России конец и мы наконец отомстим за аннексию Бессарабии в сороковом, получим назад и ее, и другие наши исконные земли (из рук нашего немецкого союзника, но какая разница?). Где эти исконные земли кончаются? В июне сорок первого считали, что по границе Молдавии. Осенью – еще и Транснистрия. А всего полгода назад наш маршал заявил, что всю южную Украину населяют потомки древних даков, а значит, родственный нам народ!

И вдруг – катастрофа под Сталинградом! И если немцы потеряли четыре армии, то из наших, как и итальянцев, не вернулся никто! А ведь это были лучшие войска, что имела Румыния, и что с ними стало? Немцы хватали и загоняли в свои штрафные подразделения всех, «кто отступал неорганизованно, не в составе своей части, или без приказа» – всех наших, кто сумел избежать русского окружения, а также итальянцев и венгров. И бросали под русские танки, без снабжения, без боеприпасов, на верную смерть – лишь бы свои, немецкие дивизии сумели оторваться от преследования.

Сейчас русские уже на Днестре. За четыре месяца пришли сюда от Сталинграда. Что будет, когда они снова двинутся вперед? Немцы кричат, что «Восточный вал» неприступен, но в это трудно поверить, потому что русские уже прорвали его возле Запорожья, захватив плацдарм на правом берегу. И немцы ничего не смогли сделать. У них просто не хватает сил: как иначе объяснить, что они объявили равными себе французов – да, тех самых французов, которых они сами же еще недавно называли полуевреями! – а также бельгийцев, голландцев, датчан и, что совсем уже невероятно, поляков, славян! И требуют новых войск от Румынии, после того как, я повторяю, лучшие румынские дивизии уже погибли в этих ужасных русских степях!

Немцы кричат, что русские не умеют воевать и плохо вооружены? И это после того, как танковый корпус СС был почти полностью уничтожен под Харьковом? Требуют от нас умирать за рейх, после Сталинграда, где румынские солдаты не получали с немецких складов ни сухаря и должны были сами искать в степи сброшенные на парашютах контейнеры с продовольствием, чтобы не помереть с голода, а найдя, скорее набивать желудок, пока немцы не отобрали? А еще ходят слухи, что немцы намерены забрать у нас Транснистрию, если им каким-то чудом удастся удержаться на Днестре и заключить с русскими мир, – ведь фюрер обещал надел земли на Востоке каждому своему солдату, а где эта земля, если не отобрать ее у бедных румын? Тогда за что мы воюем, если Румынии в итоге достанутся лишь потери?

В Одессе царит растерянность, кажется, даже местные жители уже не воспринимают власть всерьез. Рассказывают, что партизаны, скрывающиеся под городом в катакомбах, обнаглели настолько, что открыто появляются на улицах днем, группами, не пряча оружие. Вопрос для всех только в том, кто раньше придет в город: русские или немцы? Одесситы, разумеется, надеются на русских, а вот что предпочтительнее для нас?

Как это ни странно, но и для нас Красная армия тоже будет лучше немецкой! Потому что немцы погонят нас затыкать прорыв, с нашим оружием еще прошлой войны, против русских броневых чудовищ, которые сильнее хваленых немецких «Тигров». И мы погибнем все лишь затем, чтобы задержать наступление русских на несколько часов. Чтобы немцы успели убежать, прикрывшись нами.

А если сдать город русским... За пару месяцев, что мы проведем в плену, Румыния вполне может выйти из войны. Отношение к нашим пленным все же лучше, чем к немцам. Откуда мы это знаем? И раньше по всей Одессе расклеивались партизанские листовки, а теперь появились еще и письма от наших солдат в русском плену, мешки с почтой оставляют на улице в видных местах, а однажды подкинули прямо к комендатуре. В письмах, с подлинными именами и адресами, сообщается, что «мы живы и здоровы, кормят хорошо, правда заставляют работать, восстанавливая разрушенное, но это справедливо». И еще в листовках от партизан написано, что немцы обманом и силой заставили Румынию воевать на своей стороне...

Что творится в городе? Наша же администрация, наша власть просто боится задевать русских. Давно уже не было облав, и комендантского часа тоже фактически нет, так как ночью местная полиция совсем не появляется на улицах, да и наши патрули теперь предупреждают о своем приближении строевым шагом и громкими командами, чтобы не столкнуться неожиданно с партизанами. С населением стараются не конфликтовать, и даже студентам университета разрешили учиться на своем родном языке.

И уже месяц ходят совершенно невероятные слухи, что наши же офицеры продают партизанам оружие и боеприпасы и берут за это расписки! Не иначе, рассчитывают стать для русских «членами румынского сопротивления, оказавшими неоценимые услуги партизанскому движению» или кем-то в этом роде...

И что будет с Румынией после, когда русские войдут в Бухарест?

В нашем полку нашелся унтер-офицер, который, назвавшись коммунистом, за деньги выписывал всем желающим партийные билеты и был жестоко избит солдатами, когда оказалось, что никакого отношения к Коммунистической партии Румынии он не имел, а деньги клал в собственный карман.

А все-таки интересно, есть ли среди нас настоящие коммунисты и как их найти, чтобы, если что, замолвили перед русскими слово за нас всех и за меня лично? Может, контрразведку подключить? Или спросить у денщика? Эта хитрая бестия лишь с виду деревенский дурачок, а голова как у старого еврея. И если не знает, то наверняка догадывается, кто у нас тайный коммунист... Михай, каналья, ты где?!

– Слушаю, господин полковник!

Норфолк, штаб Атлантического флота США.

30 марта 1943 года

Ну и какого черта? Понятно, что «что хорошо для бизнеса, то хорошо для Америки», но не в такой же момент!

Потери в конвоях все еще зашкаливают. Слава Всевышнему, удалось хоть от побережья этих пиратов фюрера отогнать, в прошлом году еще они там в открытую шлялись и даже на берег высаживались отдохнуть, прямо в мундирах кригсмарине! Теперь этого нет, но все равно, игра выглядит крайне напряженной и с сомнительным исходом.

На Тихом океане мясорубка. Все, что сходит с наших верфей, идет туда. Здесь или старье вроде антикварного «Арканзаса» или эсминцев-четырёхтрубников, или, напротив, новейшие корабли, не прошедшие еще курс боевой подготовки. Причем не хватает как раз сил ПЛО. Эсминцы, как это ни странно, не годятся: они скорее «спринтеры», бегуны – а нужны «мулы», пусть без тридцатиузловых ходов и торпед, зато с большой автономностью и дешевые, чтоб строить их в огромном количестве. Вот почему во флоте появились давно забытые названия, фрегат, корвет – пока, к сожалению, в английском флоте, не в нашем. У нас только начали вступать в строй эскортники (по сути, те же фрегаты) и настоящие фрегаты, копии британских «Риверов», но их еще мало, меньше десятка, а нужны сотни, если не тысячи!

Лучший враг субмарин – это, конечно, авианосец. Не «Энтерпрайз», он сам для них заманчивая цель, а творения верфи Кайзера: корпус и машины стандартного транспорта «Либерти», а поверх полетная палуба и ангар. Но таких во флоте тоже пока очень мало, хотя на верфях уже десятки, вот только пока они вступят в строй, джерри в Атлантике утопят кучу наших лоханок и убьют сотни наших парней!

Мало нам скандала с «Кардом»? Какого рожна этот недоумок сопровождал испанское корыто, когда у нас конвои нечем было прикрывать! Его объяснения просто смехотворны: «Ловил U-боты на живца». Так что мешало точно так же ловить их возле конвоя, в котором, между прочим, джерри утопили четверых? Нет, все мы не упустим случай погреть руки, если предлагают хороший куш, но вот какого дьявола при этом поливать грязью весь флот, сделав его мишенью для насмешек желтой прессы? «Заплати и плыви безопасно», «ВМС США работают по вольному найму», «почем билет до Испании, с военным эскортом»? Скандал едва утихомирили, он еще у всех на слуху, и вот опять!

С той лишь разницей, что просьба на сей раз не от каких-то испанцев, а от таких людей, что страшно и сказать! Выделить охрану для какого-то торгаша, следующего аж из Бельгийского Конго с ценным грузом! Судя по тому, что просьба неофициальная, здесь присутствуют не интересы США, а в чистом виде бизнес: кому-то очень не хочется, чтобы его собственность по пути была потоплена подлодкой. Если газетеры узнают, что тогда будет? И кого сделают крайним?

Но и отказаться никак нельзя. Такие люди никогда ничего не забывают. А власти и влияния у них хватит, чтобы стереть вас в порошок. А мне очень хочется после отставки не прозябать на одну пенсию, а сидеть в совете директоров какой-нибудь корпорации, черт побери, я вполне это заслужил! Однако я знаю точно, что если я скажу «нет», то теплого места мне не видать как своих ушей!

И кого же послать? В идеале нужна авианосная группа, тот же «Кард» или «Боуг», две эскадрильи на борту, истребители и противолодочники в сопровождении пары фрегатов или старых эсминцев, переделанных в корабли ПЛО. Но теперь об этом и думать нельзя, чтобы снять авианосец с охраны британских конвоев!

Идея! Легкий крейсер «Бирмингем», новый, типа «Кливленд», в январе только принят флотом. Экипаж там тоже новички, вот и оформим как повышение уровня боевой подготовки. Зато никто не упрекнет меня в недостаточном рвении, целый крейсер на одиночный транспорт – это звучит, особенно для непрофессионалов! Тем более что можно оправдаться угрозой немецких надводных рейдеров (хотя там их не видели уже больше года). Да и субмарины не посмеют напасть, все же на борту «Бирмингема» четыре гидросамолета, которые могут нести глубинные бомбы, патрулируя по курсу и вокруг.

Ну и намекнуть ненавязчиво «большим людям», чтобы за мои старания посодействовали кое в чем...

Москва, Кремль. 3 апреля 1943 года

– Лаврентий, твои люди уверены в успехе?

– Да, товарищ Сталин, уверены. Операция подготовлена максимально тщательно, информация от разведки подтверждена.

– Но риск провала все же есть.

– Иосиф Виссарионович, в таких операциях стопроцентную гарантию может дать только Бог.

Сталин достал трубку и начал набивать ее табаком.

– А ты понимаешь, Лаврентий, что провал – это война. Такого нам Америка не простит никогда, мы подвергнем угрозе их амбиции на мировое господство. За это они уничтожат любого. И что тогда делать, посылать Лазарева бомбить «Гранитами» Нью-Йорк? Можешь ты дать стопроцентную гарантию, что наше участие останется неизвестным? Хорошо подумай, Лаврентий!

– Нет, товарищ Сталин, не могу.

Иосиф Виссарионович глубоко затянулся и продолжил:

– Я не исключаю вариант, что союзники развяжут военное противостояние сразу после того, как мы добьем Гитлера и начнем перекраивать Европу под себя или даже раньше. Как там у потомков в книге написано, вариант бис? И если бы сейчас шел сорок четвертый год, я был бы за такой риск. Но сейчас сорок третий, и мы стоим у Днепра, а не у Одера или тем более у Рейна. Так стоит ли игра свеч?

– Стоит, товарищ Сталин. Именно в свете очень вероятного послевоенного противостояния. Всего сейчас в игре девятьсот пятьдесят тонн уранового концентрата, оставшегося в «Манхеттене», еще двести пятьдесят добыл для нас Быстролетов, и где-то около восьмисот тонн застряли в Конго. В той истории они там так и лежали до сорок четвертого. В этой американцы решили компенсировать быстролетовскую потерю, и бельгийцы, понятно, не могли отказать.

– У них еще есть канадский уран, Лаврентий.

– С мая прошлого года, по пятнадцать тонн окиси урана в месяц. То, что лежит в Конго, эквивалентно канадской продукции за пять лет.

– Этот уран настолько необходим нашим ученым? Мы уже настолько отработали технологию работы с ним?

– Товарищ Сталин, в той истории, по информации потомков, наш первый реактор и первая бомба были сделаны из урана, захваченного в Чехии. Причем захваченного уже летом сорок пятого. И меньше чем через год у нас уже было все готово для реактора! Сейчас мы ведем в основном лабораторные работы, но с таким расчетом, чтобы можно было в кратчайший срок перейти к промышленной фазе. Но даже для отработки технологии необходим материал. Мы ведем работы сразу по нескольким направлениям, основываясь на информации потомков. И для опытов и пробных пусков разработанного и разрабатываемого оборудования его нужно чем-то наполнять. Для создания устройства для получения высокочистого урана в промышленных масштабах нужны эксперименты, требующие тонны материалов.

– Ты сказал: лабораторные работы, Лаврентий?

– Лабораторные, товарищ Сталин. Для промышленного цикла потребуются уже сотни тонн. Но когда мы выйдем на него, у нас уже будут разработаны свои месторождения.

– А почему не разработать их сейчас? Потомки же дали нам карту, где уран залегают на нашей территории. Читинская область, Красноярский край, Туркмения, Таджикистан, Казахстан. И Монголия. Эти сведения подтвердились? Чем были заняты товарищи геологи? Сколько помню, экспедиции были отправлены еще осенью!

– Товарищ Сталин, данные, переданные нам потомками, надо было точно привязать к местности. Сейчас закончен первый, полевой этап. Были задействованы десятки групп, которые надо было еще сформировать, обеспечить оборудованием, транспортом, охраной и при-

ставить людей от моего ведомства, чай, не медь ищем. Информация в большинстве случаев подтвердилась.

– А не в большинстве? Потомки что, ошибались или вводили нас в заблуждение?

– Скорее, пока еще не нашли. Если нет выхода породы на поверхность, приходится бить шурфы, а это дело долгое. И сто метров в сторону, уже можно на руду не попасть. Однако, так как мы знаем точно, что залежи промышленного значения там есть, то искать будем, пока не найдем. Плохо лишь, что даже там, где залежи урана обнаружены, практически все они находятся в совершенно необжитых местах, дорог тоже нет. Приходится все строить, а людей не хватает. Хорошо хоть пленные есть, но их тоже надо где-то разместить и чем-то кормить, ну и, конечно, охранять, чтобы не разбежались. И еще надо тянуть туда железную дорогу, автотранспортом точно не обойдемся. В общем, урановую руду с наших месторождений мы получим не раньше чем через год. И эта руда беднее африканской, значит, придется больше тратиться на ее обогащение.

– А если мы получим этот конголезский уран?

– Тогда, товарищ Сталин, наш советский реактор, причем не лабораторный, а вполне промышленный, для наработки оружейного плутония, можно будет запустить не в сорок восьмом, как в мире «Рассвета», а в сорок четвертом. Сэкономить четыре года.

– Хорошо, Лаврентий, ты меня убедил. Но Лазарев все же получит категорический приказ – не увлекаться! При малейшем риске разоблачения топить судно и уходить. В конце концов, оставить нашего вероятного противника без ценного ресурса – это тоже победа.

Лазарев Михаил Петрович.

Подводная лодка «Воронеж», Северная Атлантика, 3 апреля 1943 года

И снова мы в море. Привычная уже теснота отсеков, искусственный воздух, холодный свет ламп. И табличка на переборке, на одной стороне написано «День», на другой «Ночь», переворачивает ее в зависимости от времени суток вахтенный штурман или Сан Саныч лично. Поскольку по-другому узнать, солнце наверху или темнота, для большинства команды невозможно.

Так было в том, нашем времени. Когда погрузившись вскоре после выхода из базы, мы могли снова увидеть свет дня лишь через два-три месяца, завершив поход. Но сейчас задание особое, на борту «гости» со снаряжением, причем не только наши, но и местный осназ. А значит, всплывать в процессе будем, кому-то удастся и на солнце погреться, тропическом.

Курс зюйд-зюйд-вест, скорость двадцать два, глубина триста. Техника работает нормально, боевой дух команды на высоте. Проблемы если и возникают, то по мелочи. Хотя и иногда неприятной: так, например, на камбузе сдохла электроплита, и судя по тому, что комдив-два Мыльников сам побежал туда устранять неисправность, вместе со своими орлами, случилось что-то серьезное. Ну Петрович доложит.

А я, как положено отцу-командиру, на взгляд команды, размышляю над важными делами. Хотя все вроде ясно и так. И ведь наверняка на месте планы придется менять, подстраиваясь под обстоятельства – но это уже когда придем. Вводные, которые нельзя изменить, содержатся в пакете, запертом в моем личном сейфе. Фотография, описание цели – судна, которое мы должны встретить. Аналогично для судна, с которым мы должны взаимодействовать самым тесным образом. Только главное не перепутать, поскольку и то и другое принадлежат к одному и тому же типу «либертосов», пароходов в десять тысяч тонн грузоподъемности – тех самых, которые американские верфи строили в огромных количествах, быстрее чем субмарины Дёница успевали их топить.

Плюс: пока всего лишь совершаем переход из пункта А в пункт Б, тихо и незаметно, никого не трогая. Минус: идти надо гораздо дольше, чем в прошлый раз. Кажется, Сталин всерьез решил использовать нас исключительно для особых задач, ну а фрицы, кто попадется,

это побочный результат. Когда в конце марта пришел «двадцать второй» уже конвой, мы всего лишь стояли в Полярном в готовности к выходу, а затем, ночью выскользнув в море, успели еще отстреляться новыми торпедами.

Эти торпеды отличались от прежних улучшенной головкой самонаведения. Всего лишь изменили диаграмму направленности датчиков, чтобы сектора пересекались впереди, запрограммировав идти по равновесию сигнала прямо по курсу. В итоге получили, что если прежняя торпеда шла непрерывной «змейкой», тратя запас хода, то это брала курс прямо на цель, а значит, эффективная дальность стрельбы резко выросла. А на подходе, как нам сообщили, торпеды с активным наведением. И (держись за кресло!) примите экспериментальную партию торпед с захватом кильватерного следа! Что позволяет, помимо лучшей помехозащищенности, ставить головки самонаведения не только на электрические, но и на паро-газовые торпеды, более быстрые и дальнобойные.

А если еще удастся сделать что-то подобное японским «длинным копьям» с дальностью хода десять миль? И с самонаведением. Вот это точно будет вундервафля!

Причем мы, то есть «Воронеж», получаем по сути опытные экземпляры. Насколько я помню, так делали в эту войну англичане, поставляя в войска поначалу очень несовершенные и незавершенные образцы, но уделяя огромное внимание их доводке в процессе, попутно решая проблему «ложки к обеду» и учета требований фронтовиков. В отличие от немцев и американцев, предпочитающих долго «вылизывать» все на полигоне, и запускать в массовую серию уже завершенную, отлаженную конструкцию.

А с наведением по кильватеру ведь в сущности нет ничего революционного. Лишь инерция мышления: никому в голову не приходило сделать мини-эхолот, направленный не вниз, а вверх. Зачем, ведь чтобы измерять глубину, гидроstat проще и надежнее! Но дело в том, что за кораблем остается длинный (в километры!) след «взболтанной» воды, в которой звук распространяется по-другому. И если датчик это засечет, отрабатывается сигнал «к повороту» (естественно, направление движения цели надо задать заранее, иначе торпеда будет с равной вероятностью как приближаться к цели, так и удаляться от нее). Но при правильном выборе путь торпеды будет «змейкой» под днище цели. В отличие от акустики, этот способ, как я сказал, не накладывает ограничений на собственный шум торпеды и может быть установлен не на тихоходной электрической, а более быстрой (в разы!) паро-газовой. И если мы получим такое до конца войны... и ведь за рубежом еще долго не догадаться! Притом что внешне (синусоида за корму цели) картина очень похожа на работу пассивного самонаведения, на шум винтов. Будут же все прочие голову ломать, как это русским удалось скрестить такое с совсем неподходящей торпедой!

Так что мы горим желанием испытать новые изделия не на полигоне, а по врагу. Если представится случай.

Перед нашим уходом из Полярного Кириллов принес и показал нам справочник «Джейн» 1942 года (вышел только что), примечательный тем, что в этом справочнике уже были мы!

Раздел «Россия» (да, в те годы в «Джейне» отчего-то писали именно так, а не СССР), подводные лодки. Тип MORGIKHA, количество 1 +? (то есть сколько в постройке, неизвестно). Год постройки сорок второй. Водоизмещение 6–8 тысяч тонн (занизили втрое). Как и размеры. Скорость нам приписывают двадцать узлов под водой, глубина погружения до ста метров, дальность плавания предположительно до 2 тысяч миль (измерили по Норвежскому морю и району наших замеченных действий), тип двигателя – вальтеровская турбина замкнутого цикла, с большим расходом топлива и окислителя. Вооружение нам приписали десять-двенадцать торпедных аппаратов и... Ну и фантазия же!

Рисунок впечатлял. Похоже, что кто-то что-то видел, но именно что-то. Отдаленное сходство имела лишь рубка, ну еще плавник вертикального руля. А корпус больше напоминал французский броненосец девятнадцатого века, с сильно заваленными вглубь бортами и четко

выраженным форштевнем, лишь наклоненным не вперед, а назад. На плоской, хотя и сильно ужатой с боков палубе, перед рубкой была трехорудийная башня, как на крейсере «Киров». А за рубкой хитроумная конструкция, увенчанная целой батареей зенитных автоматов «с возможностью уборки в корпус», как было написано в тексте. И еще художник каким-то образом умудрился приделать этому монстру ангар и катапульту, «для бортового разведчика или автоматического самолета-снаряда».

Я раньше был о составителях «Джейна» гораздо более высокого мнения. Они и в самом деле верят, что вот это может плавать и погружаться? Ну мы не гордые, развеивать их заблуждений не будем. Пусть думают так – и большего от нас не ждут.

Пока же наиболее интересным мероприятием на борту являются «проповеди» Григорича. Нет, про религию там ничего нет, но как назвать политинформацию, если народ у нас поголовно беспартийный? Впрочем, в давние времена попы в провинции в воскресной проповеди не только слово Божье несли, но и заменяли СМИ – сообщали и комментировали новости, объявляли распоряжения власти. Так что слово «проповедь» вполне подходит – а нам очень интересно, что сейчас творится в мире. Война ведь...

На нашем фронте как раз затишье. Бои идут лишь на плацдармах за Днестром, и на самом большом, у Запорожья и Днепропетровска, и на нескольких малых: оказывается, успели наши еще кое-где зацепиться за тот берег. Еще, как в той, прежней истории, всю кипит воздушная битва, только не на Кубани, а над Керченским проливом, и, судя по тону сообщений, наши берут верх.

А вот в Европе уже месяц делается черт-те что. Аналогов в той истории не было. Для начала немцы (бывшая армия Роммеля, кто там сейчас вместо него, не знаю) крепко держатся в Тунисе до сих пор. Им сумели, под защитой франко-немецкого флота, пропихнуть еще пару конвоев, англичане их пощипали, но основная масса грузов дошла. Наступать фрицы не пробуют, но все атаки союзников через горные проходы отбивают, и с большими для американцев потерями.

Затем союзники бомбили Брест (не тот, который крепость, а французский военный порт с верфью), где застрял на стапеле недостроенный суперлинкор «Клемансо», мощный корабль, равноценный американской «Норт Каролайн», вот только заложен был слишком поздно, в тридцать девятом. Саныч нашел в своих данных, что и в нашей истории немцы пытались что-то с ним сделать, и даже спустили на воду в сорок третьем. На мой взгляд, дело было безнадежным: чтобы достроить такой корабль, укомплектовать его экипажем и завершить его курс БП требовались минимум года два. Но англичане с некоторых пор стали недопустимо нервными и, узнав от разведки про немецкую суету на верфи, не замедлили поступить точно так же, как Нельсон с Копенгагеном. Они бомбили Брест и раньше, но вот так массированно никогда. Кроме корабля и верфи, сильно досталось и городу, погибло несколько тысяч гражданских.

Петен в ответ разразился гневной речью. Ну прямо как товарищ Сталин: «соотечественники, французы, дети мои» (вот только не «братья и сестры»). Заявил, что «проклятому Альбиону», независимо от войны с немецким фашизмом, совершенно не нужна сильная и независимая Франция (что, на мой взгляд, абсолютно верно), а потому англичане всегда вредили, вредят и будут вредить французскому народу (ага, и тут везде «англичанка гадит»!). И не успокоятся, пока не опустят бедную Францию на уровень какого-нибудь Сенегала. Припомнил в подтверждение все накопившиеся счета к Англии за последнюю тысячу лет: и Азенкур, и сожжение Жанны д'Арк, и Ла-Рошель, и Трафальгар, и Ватерлоо, и, конечно же, «Катапульту» в Оране. Я этой речи, конечно, не слышал, но когда прочел, уже по возвращении (Кириллов дал, в рамках наших «исторических консультаций») – да, впечатление сильное. Представляю, что чувствовали французы, слушая вживую!

После войны традицией нашей (и западной тоже) истории стала легенда, что Виши было абсолютно незаконным сборищем каких-то предателей, капитулировавших перед Гитлером

(ну а де Голль, конечно же, герой и патриот). Но если следовать исторической правде, в Виши переехало из Парижа Национальное собрание (французский парламент), самая что ни на есть законная власть! Ну а Петен был на тот момент не самочинно вылезшим диктатором, а премьер-министром (чрезвычайные полномочия, фактически как у фюрера или нашего вождя, он получил из рук того же парламента по его доброй воле). Еще добавлю, что в своем государстве (в нашей истории отнюдь не прекратившем существование после ноября сорок второго) он пользовался абсолютным авторитетом, его называли просто Маршал или Старик.

Я встречал в какой-то книжке сказанное про него «французский Жуков», что, на мой взгляд, перебор. Жуков все же был полководцем, выигравшим не одно сражение. Петен был, может, и неплохим генералом, но вот не было у французов в Первую мировую аналогов Сталинграда, Курска, Берлина.

Но все же, повторяю, именно он, с правовой точки зрения, был абсолютно законным правителем Франции. Капитуляция – так не в вожде дело. Французы сломались психологически, потеряв в той, прошлой войне треть мужчин «цветущего» возраста. Еще *до начала войны* в речах их политиков неоднократно звучало, что лучше уж поражение и рабство, чем такая победа (снова, ей-богу, гордишься за наш народ – у нас даже в известные времена заявить такое решались только совсем одиозные фигуры вроде Новодворской, но никак не политики с трибуны!). Так что, стань в сороковом президентом хоть де Голль, это не изменило бы абсолютно ничего.

Я говорю об этом так подробно, чтобы вы поняли, насколько серьезным было тогда отношение французов к тому, что скажет Старик. Что отлично понимали и англичане, установив на подконтрольных им территориях французской Африки (напомню, Алжир тогда считался не колонией, а департаментом Франции, таким же как Нормандия или Гасконь) оккупационный режим. Вряд ли стоило ожидать от алжирских французов героизма белорусских партизан, но вот смутные сообщения об «актах саботажа» уже были, что отвлекло у союзников часть их войск (самое важное последствие!) и серьезно ослабило их натиск на тунисскую группировку.

Еще Петен объявил «предателями нации» всех французов, кто не вместе с Францией в этот трудный час. Реакция де Голля пока неизвестна, а вот группа летчиков «Нормандии» опубликовала в «Правде» коллективный ответ. Мол, мы солдаты, а не политики, и знаем лишь одно – Гитлер есть абсолютное зло и главный враг Франции и французов. И свой долг перед Родиной понимаем как необходимость сражаться с немецким фашизмом до полной Победы. Тогда и будем думать о собственной судьбе – но если путь домой будет закрыт, то СССР заявил, что благосклонно отнесется к нашей просьбе о предоставлении советского гражданства. Это, надо полагать, сам товарищ Сталин заявил, кто же еще может такое решить и пообещать? А что, полсотни боевых пилотов, с опытом, ценное приобретение, особенно в свете возможных будущих разборок с теми же англо-американцами, и чем мы хуже Петра Первого в привлечении иностранных спецов?

Теперь не видать мне Парижа, вот мечтал я когда-нибудь попасть в этот город, чтобы просто посмотреть, какой он. Сам не знаю, отчего, вроде нет у меня французов в предках? Уже не получится даже теоретически, поскольку Парижа больше нет. 1 апреля (вот ведь насмешили!) сначала ночью, а затем днем, тремя волнами, англо-американские бомбардировщики сделали из Парижа не Хиросиму, но Дрезден сорок пятого (точная цифра самолетов неизвестна, называют и шестьсот, и целых полторы тысячи), высыпав несколько кило тонн фугасных бомб и напалма. Но если англосаксы надеялись взять кого-то на испуг, то получили как раз обратное.

Еще в 2012-м успел я посмотреть фильм про Тараса Бульбу. Снято хорошо, но я о другом сейчас. Вот казаки, порубежники, на службе у польской короны, за казенное жалование, веря в своего православного Бога (кстати, в те времена разница между поляками и казаками была лишь в вере, стал бы сын Тараса полноправным шляхтичем, в католичество перейдя, – не путайте с временами фрицевской «высшей расы»). Так это каким местом думали шляхтичи,

считая, что, если сожгут дома казаков и вырежут их семьи, запорожцы напугаются и будут лучше служить? Или поляки у себя лишь с потомственными рабами дело имели?

Так вот и англичане – хотели устроить, а вышло... Франция в итоге является официальным союзником рейха, как и Румыния, Финляндия, Венгрия, Италия. И что не смешно, внутри ее самой резко упал авторитет и де Голля, и Сопротивления – зато французы побежали записываться в добровольцы на Восточный фронт, чтобы отомстить. Петухи безмозглые, мы тут при чем? В общем, весело выходит...

А может быть, в этом и была подлинная цель? Не для устрашения лягушатников, а для осложнения жизни нам – чем больше разъяренных европейцев помчится мстить на восточный фронт, тем трудней придется СССР и тем тяжелей будет участвовать в послевоенной дележке мира? Политика, однако, вещь абсолютно иррациональная. Казалось бы, с чего это опущенный немцами уже ниже плинтуса Петен заявил, что будет воевать на стороне Германии? Ведь весь смысл существования Вишистской Франции был – как-то отсидеться втихую после разгрома, не попасть опять в мясорубку. И вдруг такая агрессивность? «Вперед, сыны отчизны милой, мгновенье славы настает!» А французский народ, конечно, такой тупой, что тут же взял под козырек и ответил: «Есть, наш Первый Маршал!»

А ответ простой: нельзя быть слабым. И если тебя сломали однажды – обязательно будут гнуть еще и еще. Когда Петен принял тот ультиматум фюрера – «вы с нами, или будет оккупация с самым жестоким зверством?», – он открыл путь тому, что случилось сейчас. Если его последний манифест был написан в Берлине. Режим Виши был нужен фюреру, чтобы не отпустить в руки англичан французские колонии и флот. Если флот и так уже у рейха, а колонии захватили британцы, явочным порядком, то зачем тогда нужна независимая Франция?

И что бесноватый потребует от французов завтра? Ведь те уже не смогут отказать – какие есть собственные интересы у оккупированной страны!

В общем, ну и пес с ними! Меня все это беспокоит лишь с одной стороны: что творится сейчас в Атлантике? Хотя нас это не должно никак коснуться, мы тихо и незаметно пройдем мимо, до африканских берегов. И, как с «Галисией», нужно будет найти и встретить объект, идущий из пункта А в пункт Б. Но вот дальше... На этот раз от меня ничего не скрывали, потому что окончательное решение будет за мной. Воевать нам с США или нет? А как должны реагировать американцы, когда и если поймут, что у них увели транспорт с урановой рудой?

– «Раумбот» сумели у немцев взять? Ну а теперь то же самое, только побольше и подальше. И не у фюрера, а у союзников.

Ну и шутник же Лаврентий Палыч!

– По приоритету. Первое – СССР должен быть как жена Цезаря, то есть вне всяких подозрений. Затем, второе – уран не должен доплыть до Америки. Третье – он должен попасть в СССР. В таком порядке и соблюдайте. Да и постарайтесь вернуться живыми, это вне шкалы.

Да уж, если сам грозный нарком прилетел в Полярный... Еще в курсе адмиралы Кузнецов, Головкин, Зозуля. Все остальные задействованы «втемную», включая структуры Наркомата ВМФ, штаб СФ, и я не могу даже предположить, что еще. Анализ информации, все необходимые расчеты, обеспечение связи. И на завершающем этапе подключение сил и средств Северного флота. Как только войдем в нашу зону ответственности (лишь бы без английской погони на хвосте), можем не беспокоиться уже ни о чем. Вот только до того надо пройти несколько тысяч миль по чужим водам. Это притом, что в Атлантике хватает сейчас и немецких субмарин. Но отчего-то мне кажется, они будут самой меньшей из проблем.

Может и впрямь, ограничиться минимумом? Это, кстати, большая редкость на войне, чтобы приказ ставился не категорически, сделать это и в такой срок, а задавался интервал, по минимуму? Зато никакого риска, пришли, утопили, исчезли в океане. Даже если этот транспорт, по имени Charles Cartoll, будет охранять целая авианосная группа, как «Галисию», разве помогло тогда это испанцам? Больше того, поскольку мы будем не советской, а «немецкой»

подлодкой, нам дозволено бить не один транспорт, но и его эскорт. Просто, надежно, с гарантией. И СССР ни при чем.

Вот только при успехе советская ядерная программа будет ускорена на несколько лет. А это, в сегодняшних конкретных условиях, очень много стоит. Ведь когда завершится эта война, наши бывшие союзники не уймутся. Это мы воевали – за то, чтобы нам жить. А в США непременно спросят: где прибыль? Кто вернет нам деньги, вложенные в войну? Где новые рынки сбыта? Где мир «пакс Америка», по угодным им правилам? Так ради чего воевали – чтобы отдать Восточную Европу СССР? И как только они все это осознают... нет, нам не будет немедленно предъявлен ультиматум, может быть. А просто те, кто действительно правит Соединенными Штатами (и всем капиталистическим миром, других ведущих фигур на том «полюсе» не будет), нет, не президент, его министры, генералы, сенаторы, а главы крупнейших банков и корпораций, собравшись, примут Решение. И после этого лишь вопрос времени, когда начнется новая война.

А нам нужен мир. Просто потому, что время работает на нас. Сейчас у них в разы больше ресурсов, их ВВП превосходит наш на порядок. Но я помню график из какой-то книги, прочитанной еще там, в ином времени (странно, я все чаще начинаю думать, что 2012-й – это мир «тот», а здесь «этот»). Так вот, там был изображен рост советского ВВП, измеренный не абсолютно, а в процентах от американского. С сорок пятого по шестидесятый он вырос с чуть больше десяти процентов до сорока, дальше пошло замедление, и площадка на уровне пятидесяти в годы застоя (а может, и глобализации). Но четвертая фаза капитализма еще не наступила, а значит, у нас пока преимущество. Но чтобы реализовать его, нужен мир. А чтоб обеспечить его, нужна сила, которую единственно лишь и понимают акулы мирового капитала.

В общем, мне решать... А я уже решил. Что надо хотя бы попытаться. А уж если не выйдет, топить. Начнем с немецких субмарин в Атлантике. А то нехорошо получится, если, к примеру, завтра линкор «Нью-Джерси» (или еще кто-то, ему равноценный), утонет, а среди «мальчиков Дёница», или кто там у них за него, не окажется героя на Рыцарский Крест. А у американцев и англичан разведка работает, и они тоже зададутся вопросом, кто отличился. Я войну с союзниками развязывать не собираюсь, боже упаси – но как в этом конкретном походе ситуация будет, сугубо в рамках поставленной задачи, знает лишь Господь, а потому подстраховка не помешает. И нашим спокойнее, когда пойдем назад с трофеем. Год сорок третий, «битва за Атлантику» еще к перелому не подошла, это осенью случится, сейчас же там с переменным успехом, потери тяжелые с обеих сторон, так что пропажа из эфира нескольких субмарин даже немецкое командование не удивит и не встревожит, обычное дело. Тут главное не перестараться и не устроить U-ботам бойню как на севере. Так что хватит трех-четырех, причем последние желательно ближе к основному месту действия. Ну а дальше все будет по плану. Вот только по которому?

– ...хорошо-то как, мужики, вот первый раз отдохнул! – говорит Большаков, потягивая пиво и заедая его крупными вареными раками.

Кок все же молодец, как сумел приготовить (а Сидорчук все достать)! Ведь на борту такие люди! И сам Андрей Витальевич, которого мы давно уже не видели, и все его ребята в полном составе, лучшая команда спецназа СФ из далекого 2012 года.

– Война войной, а отдых по расписанию, – отвечает Саныч, – а то вдруг завтра бой, а я уставший? – И выуживает из вазы очередного рака.

Мы сидим сейчас в сауне – я, Саныч, Григорыч, Большаков. Петрович сейчас замещает меня в ЦП, а Серега Сирый был, но быстро убежал, обеспокоенный своим хлопотным хозяйством. Пиво великолепное. Но мы и Сереге, и Петровичу немного оставим, чай, не звери же!

Наша сауна – это предмет жгучей зависти местных: видеть такое на борту подлодки? Но для нас это не роскошь: про необходимость восстановления сил – вдруг кто-то с усталости не тот клапан откроет – я уже говорил. Деревянная отделка, такие же скамейки, самый настоящий

бассейн в предбаннике, два на два метра всего, но бассейн! Когда лодка хорошо удифферентована и идет ровно, полная иллюзия загородной бани на даче, вот сейчас двери откроем, а там чистый воздух, солнышко, сосновый лес. Воздух у нас, конечно, чистый, и вроде не пахнет особо – но эту атмосферу подводник со стажем от натуральной отличит в первый момент. А наверху триста метров холодной атлантической воды. И год тысяча девятьсот сорок третий от Рождества Христова. Вот только не тот сорок третий из нашей истории, а другой, уже отличающийся.

– ...к нам в штурмовые группы уже поступают самые настоящие «калаши» местного изготовления, – рассказывал Большаков. – Не зря, выходит, тогда образцы передали, и ПК, и АКМ с АК-74, и СВД, и много чего еще. Правда, тяжелее тех, из будущего – ствольная коробка из толстого листа. Но бьет не хуже тех, привычных. Сам проверял!

Разговор наш – в основном монолог Андрея Витальевича, прерываемый изредка нашими вопросами. Жутко интересно, а как там, на суше? Поскольку, при всем уважении к флоту, главное дело вершится именно там.

– О боевых делах вам лучше при случае у Юрки Брюса спросить, – говорит Андрей Витальевич. – Вот он ни одного случая не упустит. До двух сотен лично убитых фрицев лишь трех не добрал, когда я его из-под Ленинграда высвистнул. И считал лишь тех, у кого после самолично с тела чего-то снял на память, как сам говорит, «с гарантией, что сдох». Или у моего зама, Васьки Гаврилова, который умудрился за полгода из старлеев в подполковники выбиться, ему погоны сам маршал Говоров повесил, командующий Ленфронтом, за взятие ГРЭС. Ну а я больше в тылу, по организации.

– Знаем мы вашу организацию, – усмехается Саныч. – «К нам не подходи, а то зарежем». Неужели сам в немецкие тылы не ходил, как на Хебуктен, а, Витальич?

– Было, пару раз еще, – соглашается Большаков. – Вот только я не Юрка Брюс, мне не счет набивать нужно, а методику отработать. Будет теперь в СССР настоящий подводный спецназ, с наработками из двадцать первого века. Про «сухопутное» мышление повторяться не буду, это у писателя Бушкова лучше описано. Когда для сухопутчика озеро или река, это всего лишь преграда, ходу нет – а что оттуда кто-то вылезти может, не сообразят.

– Так это еще до Бушкова, – решает вставить слово Григорьевич, – читал я, что был в Ленинграде подводный осназ, где командиром Прохвятилов. И тоже были у них такие дела...

– Ты читал, а я его вживую видел, – усмехается Большаков, – опытом обменивались. Дела они творили, но вот в каком оснащении, это просто жуть! Ты вот читал, что они не плыли, а шли по дну, в полной выкладке, как тридцать три богатыря? А в их аппарате, «Эпрон-М», даже я бы на глубину идти не рискнул, там без опыта задохнуться можно запросто! И на лицо не маска, как у нас, а шлем противогазный, хрен что там разглядишь. В общем, если мы были «амфибиями», полноценно решая все задачи обычного спецназа, в том числе и на удалении от воды, то прохвятиловцам было доступно лишь то, что у самого берега или прямо в воде, вроде причалов и мостов. Было. Теперь Кусто от зависти удавится, если узнает.

Вспоминаю историю. А ведь верно, Жак-Ив Кусто свой акваланг сделал как раз в сорок третьем, и вроде даже весной. То есть сейчас, в оккупированной Франции, он что-то изобретает и клепает в домашней мастерской. Только ведь акваланг боевыми пловцами у нас вроде не применялся?

– Зато надежен почти как грабли, – отвечает Большаков, – а что пузыри от него вверх, демаскируют, так ночью или при волне некритично. Делают уже в Ленинграде, серийно, самые настоящие акваланги, похожие на наши АВМ-5. Пока для флотской аварийно-спасательной службы, и подводному спецназу СФ (это мы) и БФ (а это прохвятиловцы), про черноморских не знаю. Но и аппараты замкнутого цикла, автоматы, не то что «Эпроны», а подобие наших ИДА-59, лишь большего размера, тоже уже на подходе. В общем, день и ночь – помните мему-

ары Кусто, как он свое первое погружение описывал, будто полет над землей, в сравнении с водолазом, ползущим по дну, как калека. Красота – а вот, фрицы, держитесь!

Да, представляю. Если Андрей Витальич, имея за плечами богатейший опыт, примерно как у бушковской «пираньи» (а ведь он, слышал, реально отметился, и в знойной Африке, и где-то на Карибах, английский и испанский знает свободно) – да, если он сумеет обучить по своему образу и подобию много сталинских «пираний», ой что будет с несознательным миром, не желающим вкушать преимуществ социализма?

– А в последнее время больше пришлось не спецназом, и даже не инженерно-саперными, а морской пехотой заниматься, – рассказывает Большаков, – не морских стрелковых бригад, бывших реально под этим названием, а именно морской пехоты, то есть имеющей особый штат, оснащение, вооружение, тактику и боевую подготовку. Все морские бригады с фронта вывели и спешно реорганизуют и обучают. Как эшелон первого броска на вражеский берег, при высадке с моря или форсировании больших рек, это задачи похожие.

– Днепр? – спрашивает Григорьич.

– Ага, – кивает Большаков, – а за ним Висла, а дальше Одер, а за ним, надеюсь, и Рейн. Водоплавающий транспорт, включая легкие самоходки-«барбосы», полученные по ленд-лизу американские амфибии, колесные и «аллигаторы» (десантные транспортеры LVT), наши и на большее замахнулись, понтон на гусеницах, по образу и подобию послевоенного К-61, неуклюж, конечно, но дорога ложка к обеду, и все лучше, чем через Днепр на бревне плыть под вражеским огнем. И чтобы все это четко взаимодействовало, как часы! Вооружение новое, пулеметы только ПК, «дегтяри» все на склад сдали. И «калаши» пока только нам поступают, ну еще «бронегрызам». Причем юмор, что названы АК-42, правда означает это «автоматический карабин образца сорок второго года», ведь Калашников тут пока еще ничего сам не изобрел, у Симонова работает, вроде как на подхвате, но, наверное, он же наши образцы к местной технологии приспособлял. Интересно, а что он еще придумает?

– АК зачем? – спрашивает Саньч. – У штурмовиков бой накоротке, траншеи чистить.

– Не скажи! – не соглашается Большаков. – Вот чему лично я морпехов наших обучал здесь, так это стрелять с воды: с качающегося плавсредства или стоя по пояс. А вот тут для ППШ или ППС дистанция может быть великовата, винтарь одиночными бьет, и с сильной отдачей – зато из АК цель типа «пулеметное гнездо» огнем отделения давится на счет раз.

– Осваивают быстро? – спрашивает Григорьич. – Все же уровень образованности не тот, что в наше время. Как с СВТ мучились, а ведь, в принципе, неплохая была винтовка. Или правда, что АК любой призывник из глухой деревни за час освоит?

– «Духи» в Афгане за пару часов осваивали, – отвечает Андрей Витальич. – А вот ты знаешь, что в штатовской армии на первичное обучение новобранцев с М-16 отводилась неделя? Разборка, сборка, чистка, смазка – вот столько было нужно, чтобы в головы вдолбить. Вот и оцени, что такое АК.

– Слышал, что те же душманы в «зоне племен» копии наших «калашей» прямо в сараях делают, – пытается блеснуть эрудицией Григорьич. – Странно даже, что здесь так долго в производство запустили.

– Товарищ замполит, вот не при подчиненных сказано: никогда не спорь о вкусе пирога с тем, кто его ел! – говорит Большаков. – Сам в Афгане не был, но с теми, кто прошел, общался плотно. И уж поверь, я с таким самопалом в бой не пойду. И тебе не советую.

– Почему?

– Потому, что премию Дарвина получать неохота. Поганое железо, да еще с нарушением технологии – это же гарантия, что очень быстро или ствол порвет, или коробку. Чтоб ты знал: сами «духи» эти самопалы брали исключительно как массогабаритные макеты, чтобы выглядеть как «человек с ружьем», наняться в охрану каравана или, напротив, чужой грабить. Напугать, может, даже стрелнуть пару раз – но если не убьют, иншалла, сразу после купить нор-

мального «китайца», ну а АКМ нашего производства – так это предел мечтаний. Наставник мой когда-то побывал в Ливии, инструктором в армии Каддафи, рассказывал, что в одной дивизии, где пятнадцать тысяч рыл, за полгода было больше десятка случаев, когда китайский АК разрывало так, что стрелок «трехсотый» или даже «двухсотый». А вот по всей миллионной Советской Армии за все года я о таких случаях и не слышал – вероятность оцени! И это то, что делали промышленно китайцы, а не «духи» в сарае. У «калаша» конструкция простая, вот только материал и технология это очень большая разница, если что не так. Отчего из всех «калашей» лучшими считались наши и гэдээровские, худшими Румыния и Китай, ну а все прочие кто его делал, Польша, Болгария, Венгрия, кто там еще, серединка на половинку, да еще у финнов был «Валмет» на его основе, кстати очень на АК-42 похож. Так-то мужики!

Григорыч сконфуженно умолк. И взял очередного рака, одного из последних оставшихся.

– Люди здесь нормальные, – говорил Большаков, – вот не считайте предков глупее нас. Взрослеют быстро: тут в деревне считается, что и шестнадцатилетний – это полноценный работник, со всей ответственностью. У меня в одном из батальонов служил матрос Сергей Тюленин, ну да, тот самый, из молодогвардейцев!

– Да ну, Андрей Витальевич? Они ж пацаны совсем, их главному, Олегу Кошевому, шестнадцать лишь было! Таких разве в строй ставят, хоть они и герои?

– Не знаю про Олега, но вот Тюленину семнадцать в августе прошлого года стукнуло, сейчас полгода до призыва, так что добровольцем в самый раз. Уже после вызвал я его и расспросил. Все же много писатель Фадеев домыслил, в жизни по-другому было, но не менее героически. И что любопытно, здесь этот роман не в сорок шестом будет написан, а раньше – Фадеев, оказывается, в освобожденный Краснодон уже приезжал, всех расспрашивал, записывал. Посмотрим, что у него получится, в этой истории...

– Раки что, уже все? Нет, те для Петровича и Сереги Сирого отложены. Ладно, еще на посошок, остатком пива. У тебя, Андрей Витальевич, с товарищами от Лаврентий Палыча взаимодействие налажено, как они тебе?

– Нормально, как еще может быть? Если мы с ними тренировки по полной откатали. Коробку однотипную, такой же «Либертос» брали штурмом целых шесть раз, это не считая «частичных» тренировок. А морская пехота СФ пыталась нам помешать, изображая юсовских маринеров.

– Так ты мне честно ответь, во сколько сам ты оцениваешь успех захвата, процент вероятности, что пройдет? Мне знать надо, чтобы окончательно решить, по какому варианту работать будем? Топить или захватывать?

– Сто процентов, – отвечает Большаков. – Вопрос лишь, сколько у нас будет «трехсотых» и «двухсотых». Конечно, будь моя воля, я бы тех взял, кто уже с нами в фрицевский тыл ходил, из «пираций» Гаврилова, кстати, они сами уже так себя называют, хотя Бушкова не читали. Но нельзя, и ясно почему. После этой операции, мы-то и так секретносители, а никому из здешних уже нельзя будет на фронт, не дай бог в плен, и там язык развяжут. Так что этим мужикам, кто живой останется, до конца войны в магаданском округе дослуживать, им и там работа найдется, а «пираций» куда? Ну и опять же – расходный материал на самый последний случай, и простите нас, мужики!

Да, вот отчего у взятых на борт бериевцев из осназа оружие исключительно немецкое, МГ-42 и МР-40, и внешне за немцев сойдут, и я не удивлюсь, если они все шпрехают зи дойч, как чистокровные арийцы. Это чтобы даже в самом худшем варианте, если англичане или американцы отобьют груз, и мы по какой-то причине не сумеем его утопить, играть «немецкую спецкоманду» до самого конца, не сдаваться живыми, или орать «хайль Гитлер», даже когда потащат на электрический стул. Но я очень надеюсь, что до этого не дойдет.

– И еще, Михаил Петрович. Ради будущего дела, тренажеры не уступите, преимущественно нам? Нельзя нам недели без движения, мышцы и рефлексy засыпают, реакция и координация не та. И чтобы с контролем состава атмосферы помогли.

Это он имеет в виду, что даже занятия на «бегущей дорожке» в атмосфере замкнутого цикла имеют свои особенности. Что актуально для нас, как для космонавтов. В привычном нам воздухе не только кислород и азот, но еще много чего (свыше сорока разных газов). А фильтры работают максимум на десяток. Постоянно контролируются кислород, углекислый газ, угарный газ, водород (ну еще пары топлива, периодически). При интенсивной физнагрузке в разы увеличивается как объем потребляемого человеком воздуха, так и нефильтрованной гадости – в результате абсолютно реально получить общую интоксикацию организма. Потому при регулярных и продолжительных занятиях физкультурой на подлодке необходимы контроль врача и настройка системы жизнеобеспечения. А то не боевой отряд получим, а команду инвалидов.

– Ладно, – говорю, – скажи Ивану Петровичу, я разрешил. За то, чтобы вы сработали на «ять». Ну что, мужики, пиво все?

Этот же день, США, Августа, гольф-клуб

– Ну что, господа, – задал риторический вопрос толстяк с сигарой, – ваша попытка устроить Петена привела к прямо противоположному результату. Франция открыто вступила в войну!

– А что в этом такого уж страшного? – пожал плечами «ковбой». – Если уж мы решили, что в этом году десанта в Европу не будет. Для нас французские войска не представляют опасности, поскольку отправляются на Восточный фронт. А через год французская армия наверняка станет гораздо меньше, впрочем, как и русская – на Восточном фронте это хорошо получается у всех...

– А если не Восток, а Средиземноморье? – возразил «военный». – Возникнет серьезная опасность для нашей группировки в Африке. Баланс сил может резко сместиться в сторону Еврореиха. В худшем случае вся Северная Африка будет потеряна!

– Северная Африка – это проблема Британии, – отрезал «аристократ». – Исход войны в любом случае решится в Европе. Пусть Британская империя ослабеет больше, нам это только выгодно. А наш африканский корпус отступит, героически сражаясь. Или же героически погибнет, в зависимости от обстоятельств.

– Да, пожалуй, ситуация выгодна нам со всех сторон, – согласился толстяк. – Хотя это не то, на что мы рассчитывали, в результате мы сможем убить сразу трех, нет, четырех зайцев! Ослабить и русских, и Германию, и Британскую империю, и Францию! Они все просто упадут нам в руки после окончания войны. Единственное, что меня беспокоит: не приведет ли такое усиление Еврореиха к преждевременному выходу Советского Союза из войны? Сталин рвет и мечет. Посол прибежал к президенту на следующий же день. В очень «недружественной» форме начал объяснять, насколько это было ошибочным решением. Воевать против Германии и воевать против всей Европы – это слишком разные вещи. Россия всегда слишком сильно равнялась на Францию – это для них образец цивилизованности. Да коммунизм вспомним, по Парижской коммуне. Сталин заявил, что, пока он у власти, мира с рейхом не будет, но он не вечен, а у его генералов амбиции Наполеонов. Прямым текстом озвучил условия, при которых он даже за власть бороться не станет. Возвращение Германией потерянной территории. Показательный суд над нацистскими вождями и генералами за «военные преступления». Кредит и помощь на восстановление экономики.

– Так и не будет бороться, – усмехнулся «аристократ». – Все эти азиатские «царьки» с трона слезят только мертвыми.

– Это он нам так сказал, чтоб лицо сохранить. Но очевидно, что перемирие более чем возможно – он слишком опасается за свою власть. Его опасения оправданны. Тому, кто оста-

новит эту мясорубку, простят многое. Вопрос только в том, насколько быстро сговорятся и договорятся. Учтите, этот вариант слишком выгоден Гитлеру: своих генералов ему не жалко, у него и так регулярные чистки, объявит английскими агентами, и готово. Тяжелые поражения от русских или легкие победы над кузенами? Эта парочка усатых может объявить, что война рейха и Союза всего лишь провокация подлых англичан. А если они помирятся, мы получим союз Германии, Италии, Франции, СССР и Японии. При таком раскладе и испанцы недолго ломаться будут. Сколько продержаться кузены? Год или месяц? Даже если мы их завалим военной техникой. А рядом с русскими Иран и Ирак. А там и Индия недалеко. СССР – это ключ. Ему просто достаточно войска пропустить по своей территории. Да и не останется Сталин в стороне при дележе такого пирога. Два континента подомнут под себя за пару лет. А потом придут и за нами. Как только флот построят. Промышленности и ресурсов им хватит.

– Это-то ясно, – вставил «ковбой». – И что же он потребовал за то, чтобы это так и осталось теоретическим сценарием?

– Базирование нашей авиации на своей территории, с целью поддержки своих войск. Увеличение помощи. Пересмотр условий возвращения поставок по ленд-лизу. Строительство нескольких заводов. Список длинный.

– А не лопнет?

– Он понимает, что все, что просит, не получит, но что-то дать ему нужно. Это вопрос ребром. Нам нужно решить, что именно и сколько. Или мы рискуем как минимум остаться с Еврорейхом один на один, уже без «русского парового катка»!

– Понимаю, к чему вы клоните, – усмехнулся «ковбой». – Хотите продать русским еще десяток заводов?

– Необходимо поддерживать в них уверенность в нашем союзе. Несколько тысяч станков ничего не решат, – отмахнулся толстяк. – Тем более что больше мы никак не можем эту уверенность поддержать. Наступление в Африке захлебнулось, и решающих побед в ближайшее время не предвидится.

– Пока что усиление русских нам выгодно, но смотрите, не перестарайтесь.

– Я тоже думаю, что поставки русским нужно увеличить, пусть и за счет англичан. Принято? – задал вопрос «аристократ» и, дождавшись неуверенного кивка военного, повторил уже утвердительно: – Принято. И наконец, что делать с этим проклятым каудильо?! Он открыто грозит пропустить немцев, теперь уже вместе с французами, к Гибралтару!

– Надеюсь, вы не хотите бомбить и Испанию? – ехидно поинтересовался толстяк. – Такими методами мы будем создавать себе врагов быстрее, чем уничтожать. Что тогда мешает каудильо сделать то же, что и Петен, когда Германия выдвинула ультиматум, и тот, не желая подвергать свой народ «ужасам войны», принял немецкие условия?

– Если каудильо вздумает прятаться за формальностями, мы можем поступить так же, – хмыкнул «ковбой», – войдем в Испанию и «спасем» ее от войск Еврорейха. И кстати, что мешает нам прямо сейчас, в случае непредвиденных осложнений, оккупировать Канарские острова, чем они хуже какой-то Гренландии или Исландии? А если каудильо продолжит свои фокусы, его вообще никто и ни о чем спрашивать не будет. И кем он будет убит, это лишь технические детали.

– Ну а пока у нас нет лишних войск, оставим его выходки без внимания, – поддержал толстяк. – Тем более каудильо и сейчас еще может чем-то быть полезен.

– Принято, – подвел итог «аристократ».

Лазарев Михаил Петрович.

Подводная лодка «Воронеж», Атлантика, вблизи экватора, 9 апреля 1943 года

Ну и где эти фрицы? Где «море, кишашее смертоносными немецкими субмаринами»? Не встретили ни одной! А это было необходимой частью нашего плана. Должен же кто-то быть в ответе за наши будущие дела?

Ходим зигзагами, юго-западнее Фритауна. Акустики уже уши протерли, наверное. Только шумы моря (вернее, морской живности). Это лишь у Жюль Верна под водой безмолвие. А рыбы, чтоб вы знали, петь могут, как птицы в лесу.

Утром устроили праздник пересечения экватора. По причине военного времени и подводного положения ритуал был сильно сокращен и упрощен, но тем не менее впечатлил. Наш замполит, играя роль Нептуна, в сопровождении трех «водяных» (Три-Эс, и двое «большаковцев») совершил «крестный ход» по отсекам, строго вопрошая и в конце благословляя личный состав. И еще обед был чуть более роскошный, чем обычно – кок расстарался и испек торты, по маленькому кусочку досталось всем.

– Ну, за Победу. За жизнь после. За тех, кто в море. За тех, кого нет с нами. За тех, кто нас дома ждет.

Красное грузинское вино в плетеных бутылках. Приехало с Кавказа с письмом «героическим советским воинам». В подплаве именно оно выдается в суточной норме вместо наркомовских ста грамм. А так как быть похмельным на вахте чревато, то тосты совмещаются или стопарь лишь чуть пригубливается и ставится на стол до следующего раза.

– И за Родину, за Сталина. До дна!

Говорю совершенно искренне. Хотя сказал бы кто еще год назад (или шестьдесят девять тому вперед), что буду «за Сталина» пить, не поверил бы. В этом времени вера в вождя есть, а это дорогого стоит. Ну нельзя на войне без веры в командира, когда крикнет кто-то: «Нас предали!», то, считай, все, привет девяносто первый. Если только не подавить сразу, железной рукой, не считаясь ни с чем, – тогда можно еще выправиться.

Идем, меняя вахты, нарезаем круги на трехсотметровой глубине. На шикарный круиз, не поход боевой, как у Розенбаума, не тянет (солнца все же нет) – но войны не заметно совсем. С тех пор как вышли из Полярного, никого не утопили, будто нет нас. Благодать, а не война. Вот только что делать, если так никого и не встретим? Придется тогда работать сокращенный вариант. Транспорт утопим – и пусть после войны разбираются, кто из фрицевских подводников теоретически мог быть в этом районе и отчего не доложил!

А ведь были фрицы в этом районе. Так, что там написано в широко разрекламированной биографии германского подводного мегааса Вольфганга Люта (которую многие ошибочно считают мемуарами, но написал ее американец, уже после войны)...

«Сегодня наша U-181 пересекла тропик Рака.

Некоторые из наших товарищей уже начали снимать всю одежду и ходят полуголыми. Но ведь тепло по-настоящему еще не стало. Наш капитан, например, все еще ходит в кальсонах! После тяжелой работы удалось отчистить всю грязь в кубриках, которую нам оставила верфь, и понемногу они принимают уютный вид. Настилаются покрытия в офицерском и унтер-офицерском отсеках. Все личные вещи засунуты за трубопроводы, кожаные куртки – под матрасы, книги – под подушки, и лодка приятно пахнет дешевым бриолином и прочей французской парфюмерией. Старший рулевой снова вытащил свой карточный стол.

Угрожала скука, и наш капитан приступил к поискам лекарства от этой болезни. Возобновились шахматные и карточные турниры. Стенгазета сообщала: „Сегодня в 16:30 начнется блицтурнир во всех отсеках. Заявки принимаются боцманом Хавраном до 16:00. Каждый найдет себе партнера. Десять секунд на ход! Возле каждой доски будет сидеть судья с секундомером. Тронута – схожено! Ходы назад не берутся. Если кто-то трижды просрочит время, он считается проигравшим. Это прекрасный шанс для слабых игроков, которые очень любят шахматы!“

Люди строили планы праздника во время пересечения экватора и придумывали разнообразные способы убивать время. В кормовом отсеке образовался тайный клуб, но Лют быстро разогнал его, сравнив не то с Ку-клукс-кланом, не то с масонами. В носовом торпедном отсеке начались тайные джазовые концерты. Лотар Энгель утверждал, что это дело рук Крючковски. Как только Лют выходил за пределы зоны слышимости, например, поднимался на мостик, радист доставал свои любимые пластинки: „Тайгер Рэг“, „Оркестр рэгтайма“, „Мы развесим выстиранное белье на линии Зигфрида“. Все они были куплены во Франции и Бельгии. Матросы полагали, что, поступая так, они ведут себя очень умно.

Но Лют не был глупцом. Он прекрасно знал об этих пластинках, но делал вид, что ничего не замечает. Его вкус не опускался до „низкого“ джаза. Лют предпочитал классическую музыку, популярные народные мелодии, марши – словом, то, что было дозволено. Он заявлял во всеуслышание: „Немец не должен любить джаз. И не имеет значения, нравится ему джаз или нет. Он просто не должен любить его, как не должен любить и евреев. Партия так постановила“.

Однако он был достаточно умен, чтобы понять: если слушание джаза улучшает настроение команды, то лучше этого не трогать, а чтобы не ронять свой авторитет, делать вид, что не замечает.

Кроме того, у него имелась и собственная слабость: как матросы любили американский джаз, он любил английские сигары. У него лежали несколько коробок „Уппмана“. Огромные запасы этих сигар бросила британская армия, поспешно удирая из Франции. Он выкуривал по одной каждую ночь, стоя на мостике, а в воскресенье утром даже угощал ими офицеров. И это было то еще зрелище! Германский офицер на мостике подводной лодки, покуривая британскую сигару где-то недалеко от Мадагаскара, проповедует вахтенному офицеру о прелестях супружеской жизни под доносящиеся снизу приглушенные ритмы „Тайгер Рэг“...

А потом появились летучие рыбы. Как рассказывал механик маат Франц Перри, „рыбы выскакивали из воды и пролетали на высоте полуметра до 200 метров. Когда мы всплывали в утреннем тумане, они врезались в рубку и падали на палубу. Вахта тут же подбирала их и бросала вниз в рубочный люк. Кто-то однажды промахнулся и швырнул рыбу в переговорную трубу, где она и застряла. Когда от жары рыба протухла, к трубе нельзя было подойти...“⁷

Сию в каюте, от нечего делать читаю книгу, каким-то чудом застрявшую у Сан Саныча и избежавшую сдачи на берег. Наверное, потому, что против нас Лют не воевал, а его «подвиги» в далеком Индийском океане были не особенно интересны всем заинтересованным лицам. А скорее всего, еще и потому, что этот текст был на компах, которые теперь изучают в ведомстве Лаврентий Палыча. И ведь сумели как-то наладить не только хранение, но и передачу информации разработчикам новой техники, что уже заметно по скакнувшему прогрессу.

Про АК и ПК в армии Большаков уже рассказал. А еще наш Князь, бортовое медицинское светило, был приятно удивлен, получив в аптечку антибиотики уже местного изготовления. И шприц-тюбики с противошоковым и обезболивающим тоже в нашей истории появились много после войны, а тут, как заметил мне Князь, уже поступают в войска. Радиолокаторы и гидролокаторы (тоже собственного производства) на наших кораблях уже как минимум не хуже чем у союзников. И наверное, есть еще много того, что я не вижу и не знаю. Вот будет юмор, если наши начнут патентами торговать – нет, лучше лицензиями: мы вам право производить и ноу-хау, а вы нам постройте завод «под ключ»!

Ладно, читаю дальше. Чисто из профессионального интереса, надо ведь знать, как они воевали. И тут глаз зацепляется... Епрст!! Ну точно, есть Бог на свете!!

⁷ Воуз Дж. «Подводный ас. История Вольфганга».

«Ночью 10 апреля, находясь в 400 милях юго-западнее Фритауна и довольно близко к экватору, U-181 в лунном свете заметила судно. Это был британский рефрижератор „Эмпайр Умбрел“. Лют решил, что он станет первой добычей в этом походе.

Мы находились перед ним, и он шел курсом 225. Когда он повернул на курс 0, мы атаковали. Однако он не повернул обратно через 12 минут, как делал раньше, а повернул на курс 90 уже через 3 минуты. В ходе первой атаки Лют в 3.30 выпустил 2 торпеды. Обе прошли мимо, так как „Эмпайр Умбрел“ внезапно повернул на курс 160. Еще 3 атаки оказались такими же бесплодными. Судя по всему, англичане так и не заметили торпед, и „Эмпайр Умбрел“ безмятежно шел дальше, оставляя за собой фосфоресцирующий след.

Выполняя столь хаотический зигзаг, „Эмпайр Умбрел“ продлил себе жизнь на несколько часов. Сокращение дистанции не помогло бы Люту, так как судно шло без огней. Поэтому он дождался рассвета и подошел на расстояние 450 метров».

Ночь на десятое апреля! Сегодня – девятое! И мы как раз где-то в том районе, четыреста миль к юго-западу от Фритауна! Это надо же было так случиться, что эта книжка попалась мне в руки именно сейчас. Хотя как сказать, по большому счету это втык штабным. Ясно, что офицеры операционного отдела СФ и Наркомата ВМФ не были допущены к тайне «мы из будущего», но мы-то куда смотрели? Обязаны были главного виновного назначить еще в Полярном, зная место и время. Ведь на этом театре, надо полагать, не изменилось пока ничего? И история катится по тем же рельсам?

Или все же изменилась? Что во Франции творится, и конкретно в кригсмарине? Мог этот «бриллиантовый» мегагерой, будущий кавалер всех мыслимых в рейхе наград, выйти позже или раньше, с другой совсем задачей?

С другой стороны, «история тоже имеет эластичность». Тут мы спорили с будущим академиком Александровым (посвященным в нашу тайну) о философских аспектах параллельных времен. По-простому, если наши времена действительно «вдоль» и ход истории разделится, оказывают ли они влияние друг на друга или все полностью автономно? Сан Саныч предположил, что оказывают. По одной причине: система должна быть устойчива. А значит, для каждого процесса обязательно должен существовать и обратный. Если предположить, что подобный нашему феномен все же не уникален, за всю многовековую историю, то должно возникнуть просто огромное количество «перпендикулярных» миров. А если предположить, что после «расщепления» воздействие постепенно сходит на нет, то будет дальнейшее слияние двух ветвей снова в одну. А отрезок (по месту и времени) раздельного существования так и останется загадкой истории, о которую будут ломать копыта профессора, отчего это разные свидетельства говорят о разном. Как, например, князь Олег, тот самый, укушенный змеей. Где и когда это с ним случилось: две авторитетнейшие летописи называют 912 год от Рождества Христова и 922-й, Ладогу и Киев! А как на самом деле было, бог весть.

Академик не согласился, сказав, что физика знает массу принципиально анизотропных и необратимых процессов. Например, вся термодинамика (точнее – статистическая механика), обратимость ее процессов – только в рамках наложенного условия «квазизамкнутости». А уж физика ядерная имеет дело с процессами необратимыми принципиально – ядерный распад необратим и непредсказуем (для конкретного атома, в массе применяется статистический анализ) принципиально. Так что здесь скорее впору апеллировать к Шредингеру с его волновыми функциями с «хвостами», уходящими в бесконечность, туннельными эффектами и прочим...

Тут активно включился Серега Сирый, и разговор зашел в такие квантово-эйнштейновские дебри, что я почти перестал его понимать. Уловил лишь то, что в метавселенной, включающей все параллельные реальности, доказано существование между ними энергетического взаимодействия, поскольку наш перенос есть с научной точки зрения как раз обмен энергиями и массой. А если так, то параллельные реальности действительно обязаны друг на друга вли-

ять. И обнаруживается связь разности в скорости течения времени и направления переноса – более скоростной поток времени в одной вселенной «тормозится» за счет переброски (утечки) массы/энергии в другие реальности. То есть перенос возможен преимущественно из будущего в прошлое, если не учитывать возможность локальных флуктуаций. Ну и картинка же выходит!

– Фантастика! – сказал Петрович, когда я, поспешив в ЦП, обрисовал ситуацию. – Ведь так все уже поменялось, не должно уже все настолько совпасть. Ясно, отчего при планировании на этот факт внимания не обратили. Книгу помню, даже Лаврентий Палыч на нее как-то сослался в разговоре с Зозулей, наверное, на компе прочел. Мы же всю историю перевернули, и на море тоже, и в Атлантике. И Лют, наверное, сейчас у Гибралтара, а не по пути в Индийский океан.

– А ведь может и так быть, – вдруг ответил Саныч. – U-181 – это ведь «тип IXD2»! Большая, автономность огромная, но «бегемот», неповоротлива в сравнении с «семеркой». Потому никогда такие лодки у немцев в Северной Атлантике не воевали – только и исключительно в удаленных местах вроде Индийского океана. И Лют ей командует – его же назначили, когда до Франции волна наших изменений дойти еще не могла. И фрицевская манера не лезть туда, где могут убить, а набивать себе счет в далеких «краях счастливой охоты». И если еще эта «эластичность» истории – вполне может быть так, что все совпадет.

– Значит, проверим, – подвожу я итог. – Что теряем?

Ну, ушастые, если вы мне какую-то «девятку» прохлопаете! А уж если еще и она нас как-то обнаружит... На средних «семерках» у фрицев точно гидролокаторов не было, а вот на океанских «девятках» иногда встречались. Имей мы «родной» боекомплект, и беспокоиться было бы не о чем – но вот «местные» торпеды имеют весьма ограниченную дальность. А значит, придется подходить к цели на две-три мили, рискуя быть ею засеченным. В отличие от авианосных групп двадцать первого века, где мы и стрелять могли с удаления в десятки миль.

– Командир, есть контакт!

Ну вот. Наш клиент или кто-то другой? Нет, шумы винтов гражданского судна. Стоп, а если это тот самый транспорт? История меняется, а груз по расписанию? Вот и проверим тезис об «эластичности». Вдруг и в самом деле утопим «бриллиантового», который в кригсмарине был тем же, что Рудель с Хартманном у люфтов? Кого тогда в Берлине легендой сделают взамен? А может, его и сделают. Мы ведь на себя его личину наденем. И радиоигру проведем, как на севере, когда на «Шеер» охотились. Будет в этой биографии рассказ о том, как Вольфганг Лют, истинный ариец, характер нордический, и прочая, и прочая, в последнем походе утопил пару американских линкоров и авианосец в придачу, о чем были посланы радиосообщения – после чего U-181 на базу не вернулась, пропав без вести где-то в Атлантике. Ну про линкоры шучу, конечно, – если назад мы транспорт поведем, нам будет не до того, – но вот если вдруг британский крейсер по пути нездоровый интерес проявит... А если все же урановоз топить придется, и по пути домой налегке нам навстречу выйдет гоп-компания – пара «Айов» или «Саут Дакот» и парочка же «Эссексов» и куча мелкой шоблы в охране? У нас, правда, приказ: корабли союзников атаковать исключительно в рамках поставленного задания или в целях самообороны. Ну а если по пути домой мы подвергнемся нападению американской эскадры – вернее, сочтем, что сейчас они на нас нападут? Будет это считаться «превышением» или останется в статье «необходимая оборона»?

Да, размечтался... А что хотите, если *там* практически всю службу меня готовили воевать именно против американцев (назовите в 2012-м другого вероятного противника России на море!) и, когда я вижу в море корабли под «матрацем», у меня скачет адреналин на чистом рефлексе?

Короче, пасем транспорт. Идем в трех милях к югу, глубина двести. Начальное удаление засекли, теперь можем вести его прокладку на планшете по угловому перемещению, ГАК в пассивном. Ждем.

- Контакт, пеленг двадцать пять, предположительно подводная лодка под дизелями!
- Сигнатура записана, с «семеркой» не совпадает.
- Пиши: предположительно немецкая «девятка». Вот и попалась нам наконец.

Ага, а то дважды уже англичан по ошибке утопили, за нее приняв. Плыви, бриллиантовый. Хотя пока еще нет, ему бриллианты к Рыцарскому кресту как раз за этот поход повесят, из которого он вернется с рекордным счетом. Ну какая в Индийском океане ПЛО?

Однако нам вступать рано. Во-первых, что со свидетелями делать, британца тоже топить, что ли? А во-вторых, и это главное, очень желательно перехватить и расшифровать его радиообмен. Как мы иначе будем от его имени рапортовать о победах?

А британец? За нашего я вступился бы, наплевав на все. Не демократ я, чтобы ради целесообразности быть в стороне, когда своих бьют. Ну а этот «Эмпайр», как его там, что ж, судьба ему такая. Остаемся на глубине. Слушаем, рисуем на планшете.

Точно, четыре атаки. От одной даже нам пришлось уклоняться. Стрелял-то он понятно, по транспорту – но вот не люблю, когда торпеды прямо на нас, пеленг не меняется, ясно, что дистанция почти пять миль и хрен попадешь под водой, ну а вдруг прилетит такое еврейское счастье? Боевые торпеды, как известно, по прохождении дистанции тонут. А какая у немецких торпед Второй мировой предельная дальность, я не помню, вдруг совпадет, и на нас достанет и на глубине? Пришлось рвануть в сторону, увеличив ход. Услышал ли нас фриц? Теоретически мог, на самом пределе, если у него очень хороший акустик.

Нет, не услышал. Продолжает охотиться на транспорт.

«В 5:50 U-181 выпустила еще 2 торпеды. Обе попали в „Эмпайр Умбрел“ – первая в корму, вторая в носовую часть. Экипаж сразу бросился к шлюпкам, а радист отправил сигнал бедствия. К утру „Эмпайр Умбрел“ все еще не затонул, хотя команда покинула его»⁸.

А вот хрен вам! Пятой торпедной атаки не было. Доклад с ГАКа – лодка всплывает! Затем слышна артиллерийская стрельба, правда, с непонятной задержкой.

Ну да, Лют же у нас артиллерист! В самом начале флотской карьеры командир зенитного дивизиона на крейсере «Кенигсберг». И это пристрастие у него так и осталось, даже в биографии указано – «Нотр дам», «Клеантис», португалец какой-то, и этот «Эмпайр». Правда, там было написано, что стрелял уже по подбитому и брошенному судну. Это чем же был гружен транспорт, что выдержал два попадания торпедами, пустыми бочками, что ли? А так как про другие случаи записано, что он расстреливал шлюпки, то не завидую я сейчас экипажу «Эмпайра». Интересно, а это тоже было:

«Орудия U-181 молчали с момента потопления „Клеантиса“, то есть почти шесть месяцев. Они были грязны, а стволы забиты смазкой. Последние артиллерийские учения проводились очень давно, и можно было смело сказать, что кое-кто на борту лодки вообще ни разу не стрелял из орудий. И все-таки Лют вызывал наверх артиллеристов.

Первый снаряд, который попытались выпустить из тридцатисемимиллиметрового орудия, заклинило в стволе, и он взорвался с ужасным треском. Стальные осколки полетели во все стороны. Ствол орудия буквально вывернуло наизнанку, как зонтик, с которого содрали материю. Оглушенные люди стояли, пошатываясь. Проклятья, крики, плач... И кровь.

Корабельный кок Вильгельм Виллингер корчился от боли, его колено было разможено осколком. У боцманмата Кюне оказался сломан локоть. Матросу Эриху Виллу осколок величиной с кулак попал в спину, хотя он стоял в нескольких метрах. Многие получили порезы и ушибы»⁹.

⁸ Воуз Дж. «Подводный ас. История Вольфганга».

⁹ Воуз Дж. «Подводный ас. История Вольфганга».

Что-то не понял. Артиллерист довел свою матчасть до такого безобразия? А куда командир БЧ-2 смотрел (как эта должность у немцев называлась)? Не похоже на мега-аса, который во всем должен быть совершенством. Может, и его счет – сорок четыре утопленных – это такой же блеф, как триста сбитых самолетов Хартманна?

А у нас, кстати, сколько уже числится, утопленных абсолютно реально? Ровно пятьдесят фрицев, два британца, один «Канариас» и «Галисия». А до конца войны еще далеко...

Всплываем под перископ, выставляем антенну. Пока ночь, не увидят. Успеваем рассмотреть последние минуты горящего британца. А фриц не уходит, будто ждет чего-то. Ну и мы подождем...

Под утро поймали его радиограмму. Наши компы фрицевский шифр ломают быстро, опыт есть. Да, как вернусь, надо будет рассказать академику Александрову про «эластичность» истории. Все как там – на U-181 разорвало пушку, один убитый, двое тяжелораненых, просят любую лодку, возвращающуюся домой, их забрать.

«Виллингер был похоронен в море на экваторе. Приказ, отданный в понедельник 12 апреля, детально расписывал порядок похорон.

9.00. Форма экипажа – короткие коричневые брюки, тропические рубашки.

10.00. Погружение для панихиды. Два человека стоят в почетном карауле у тела. После погружения караул увеличивается до четырех человек. Старший механик собирает экипаж. При входе капитана команда „Смирно!“ не подается, матросы встают или остаются сидеть молча.

Речь капитана. Затем все поют песню „Ich hatt’ einen Kameraden“. Лодка готовится к всплытию. Экипаж медленно расходится по боевым постам.

Капитан командует. Виллингера поднимают на мостик. Сопровождение – десять человек (кроме вахты). Боцман высвистывает «Отбой».

Эту церемонию похорон в море придумал сам Лют. Позже, уже командуя флотилией, он напишет в руководстве для командиров лодок, ссылаясь на этот случай: „Время от времени необходимо проводить церемониальные мероприятия для поднятия духа матросов. Парадное построение экипажа для похорон товарища было наглядным выражением уважения и скорби. Оно напомнило, что все они – солдаты, а не просто толпа. Также церемонии заставляют людей следить за собой и соблюдать минимальную опрятность. Например, если кто-то имел чистую рубашку, он был обязан надеть ее в воскресенье. Этот день был на U-181 чем-то вроде маленького праздника – поздний подъем, улучшенная еда, праздничный распорядок и так далее. Другие приятные церемонии, вроде шахматного турнира или состязания певцов, помогают бороться со скукой“.

Воскресенье, одиннадцатого. Они, значит, празднуют, а мы болтаемся поодаль и слушаем эфир. С другой стороны, нельзя сказать, что без пользы. Этим самым путем, если все удастся как задумано, мы поведем транспорт. Остров Вознесения не так уж далеко – и где британская патрульная авиация? За все время наш радар не засек ни одного самолета, даже пролетающего в отдалении. И немцы это знают, болтаются в этих водах, как на курорте – не удивлюсь, если они там купание организовали! Но ближе подходить нельзя, по крайней мере днем – увидят антенну, гораздо более заметную, чем перископ. И на глубину уходить нежелательно – тогда прощай, радиоразведка, которая многое может рассказать о силах и намерениях не только немцев, но и союзников, что для нас сейчас важнее. В общем, ловим из эфира все. И достаточно успели прояснить картину. Нет тут никаких «летающих крепостей», «галифаксов» и «ланкастеров», эти четырехмоторники уже стали проклятием для субмарин, но в северной Атлантике, на пути между Британией и США. А на периферию у англичан пока руки не доходят и матчасти не хватает. Все появится в конце этого года и в следующем, сорок четвертом, и

сплошные зоны патрулирования противолодочной авиации, и достаточные ее силы, сидящие на всех береговых авиабазах, и корабельные поисковые группы, в каждом квадрате, в тесном взаимодействии с берегом и самолетами, и даже такая экзотика, как дирижабли, оказавшиеся против подлодок еще более эффективными, чем «летающие крепости»: висит в небе сутками, видит лучше, может зависнуть, точно сбросить глубинки. Ничего этого пока нет – судя по беспечности фрицев, явно знающих обстановку лучше нас.

Следующий день. Сейчас фрицы будут своего хоронить. «Лют слыл очень удачливым, прежде не потерял ни одного человека, боевой дух команды заметно упал». И значит, если мы атакуем их именно тогда, то застанем в «пришибленном», нерабочем настрое. Противолодочных торпед у нас нет (на ЭТ-80СН я не полагаюсь), так что если субмарина успеет нырнуть... Никуда она от нас не денется, но придется караулить, под водой «девятка» выдержит двое суток, ну если совсем по максимуму, все отключено, экипаж в койках, то трое. И сделаем мы из мегабриллиантового, «командира счастливой девятки», кто фильм еще советский помнит, там «Щука» была? Но вроде «девятки» гораздо хуже «семерок» управлялись и не ныряли так быстро. Да и не ждут немцы атаки из-под воды. Единственная неопределенность – лодка U-516, пришедшая забрать эвакуируемых (кстати, в той истории «трехсотый» был лишь один, а не два). В книжке написано, что она подошла «вскоре», а вот насколько? Может, позволить ей забрать раненых и отпустить? С другой стороны, а разве сильно встревожит немецкий штаб, что подлодка по пути домой пропала без вести? С нами ее точно не свяжут. А фрицам лишний убыток. Значит, топим обе.

В 9:30 объявили боевую тревогу. И осторожно, на девяти узлах, начали выдвигаться в сторону цели. Сколько там мегаас будет трепаться, ну пять-десять минут, затем еще тело будут поднимать на палубу. С другой стороны, лучше бить их во время церемонии, чем когда они уже закончат и разойдутся по своим постам. С фашистами ведь по рыцарским правилам не воюют?

– Контакт, пеленг сто семьдесят три, предположительно подводная лодка под дизелями!

Ну вот и второй покойничек. Прикинем дистанцию. А, наплевать, успеем! Что он там увидит, и вряд ли поймет!

Время 10:10. Дистанция до цели – двенадцать кабельтовых (уточнили коротким импульсом ГАК). И сразу залп двумя 53-38СНК (наведение по кильватеру). Два попадания. Стреляли с глубины сорок, под перископ не всплывали – но по ГАКу картина классическая, шум винтов цели прекратился, слышны звуки разрушения корпуса. Песец мегаасу.

Мы же разворачиваемся навстречу второй лодке. Пожалуй, они могли и слышать взрыв. Погрузятся? Нет, чешут под дизелями. Впрочем, их можно понять – наверху день, видимость отличная, волны нет, перископ далеко виден, ну а что можно атаковать без перископа и акустикой не услышать, не предупредить заранее, это сейчас ни в какой канон не укладывается. Идут как шли, но в готовности немедленно погрузиться, лишь что-то услышав и увидев. Но не увидят и не услышат. Ну разве что шум торпед.

Мы занимаем позицию почти на курсе у фрица. И стреляем на этот раз двумя ЭТ-80СН (электрическими, с акустикой). Попали! И этот готов.

А вот теперь можно вернуться к месту утопления первой лодки. Чтобы проконтролировать, не осталось ли там живых. Иначе выйдет неудобно, доклад по радио об успехах U-181, и кто-то из экипажа в английском плену? В этих широтах выжить в воде можно и несколько суток. И по закону подлости, кто-то да пройдет мимо...

Огромное пятно соляра было видно издали. Надеюсь, рассеется за несколько дней и останется незамеченным, при такой «интенсивной» воздушной разведке. Плавали какие-то деревянные обломки и тела. Причем некоторые из них вроде даже шевелились. Позже мы узнали, что наши торпеды дошли до цели как раз в тот момент, когда десятеро из похоронной команды спускали тело в воду (то есть, считая вахту, наверху находилось семнадцать человек). Кого-то приложило взрывной волной, кто-то не выплыл. Но живые все равно остались.

И что нам было с этим делать? А как немцы поступали в подобных случаях?

У нас наверху боцманская команда и бериевский осназ. Старший энкавэдэшник орет по-немецки, ком хир, и машет рукой. Немцы не спешат исполнить, то есть налицо неподчинение. Очередь по воде, из немецкого автомата. Четверо фрицев с натугой плывут к медленно скользящему мимо «Воронежу». Причем двое тащат одного, и еще один рядом. Их вытягивают баграми, тут же вяжут руки и спускают вниз.

– Поджечь, командир?

Я оцениваю направление ветра и волны, куда все это понесет – и даю добро. Соляр, болтающийся на воде уже час, так просто не поджечь, но если использовать подручный материал (старый пробковый жилет, пропитанный бензином) и кое-какие спецсредства... Полыхнуло хорошо, поднимается черный дым. Каково фрицам, если там еще плавали живые, не хочется и думать.

«„Парусное судно, Herr Kapitan“. Вольфганг Лют поднял свой бинокль: Он не стоит торпеды. Швантке, вызывайте артиллеристов. Всех. Беккера тоже сюда. Пусть хоть во что-то постреляет».

Приказ был отдан, и тотчас внизу загрохотали сапоги. Вслед за этим на мостике появились артиллеристы. Они торопливо спускаются по трапу к орудиям, на ходу застегивая спасательные жилеты и пристегивая страховочные линии. Из погребов достают ящики с патронами и передают их в центральный пост. Моряки выстраивают живую цепочку из поста на мостик и вниз к орудиям, передавая ящики из рук в руки. Вахта на мостике удвоена. Появляются артиллерийский офицер Рихард Беккер и рулевой обер-маат Теодор Петерсен. Наше Беккера висит бинокль, чтобы лучше видеть всплески и корректировать огонь; Петерсен несет мегафон, чтобы передавать приказы Беккера артиллеристам.

Парусник и лодку разделяют не больше 500 метров. Стапятимиллиметровое орудие, установленное на носу лодки, с грохотом выплюнуло язык пламени, послав снаряд в парусник. Первый выстрел дал недолет, а потом случилась осечка. Двадцатимиллиметровый автомат на мостике вообще не стрелял. «Сырые боеприпасы», – коротко бросил кто-то.

В полной тишине U-43 медленно подходила все ближе к своей добыче. Новый ящик с двадцатимиллиметровыми патронами был передан по цепочке. Снова рявкнуло стапятимиллиметровое орудие, открыли огонь двадцатимиллиметровый автомат на мостике и тридцатисемимиллиметровая зенитка на палубе позади рубки. Первый же снаряд попал в итурманскую рубку ихуны. Теперь обреченный парусник ожил. Из заполненных дымом отсеков хлынули люди. Огонь быстро охватил мачты и снасти. Экипаж судна даже не попытался спасти его. Две спасательные шлюпки под градом головешек и пепла поспешно отвалили, взбивая веслами оранжевые волны. Столб дыма поднялся над горящей ихуной и уперся в низкие облака. Через несколько минут кто-то пробормотал: «Фок-мачта готова... Бизань тоже...»

«Словно Летучий Голландец», – нервно заметил стажер, но Лют не слышал его. Как раз в этот момент большая волна прокатилась по палубе лодки, чуть не захлестнув рубку. Когда она схлынула, смолк и грохот всех трех орудий U-43. Повернувшись к стапятимиллиметровому орудью, Лют увидел, что возле него никого нет. Волна смыла одного из артиллеристов за борт, и он висел на страховочном лине, в то время как остальные пытались втащить его обратно на палубу.

«Какого черта вы делаете?! – завопил Лют, брызгая слюной. Он указал пальцем на пылающий парусник. – Продолжайте огонь, а этот ублюдок пусть плавает!»¹⁰

¹⁰ Воуз Дж. «Подводный ас. История Вольфганга».

Он очень старался быть хорошим фашистом. Всегда громко заявлял о приверженности идеям фашизма, партии и рейху. В своем экипаже, как писал он сам, «читал политические лекции о рейхе и многовековой борьбе за него, о величайших людях в нашей истории, о великом фюрере, о расовых проблемах и вопросах народонаселения, о войне за реализацию идеи рейха». То есть добровольно взял на себя обязанности «политработника», комиссара.

Кстати, тот французский парусник он расстрелял исключительно затем, чтобы поднять боевой дух еще неопытной команды. И будет повторять этот прием еще не раз, дополнительно театрализовав – с приказом, все свободные от вахты наверх, смотреть! Или еще и поучаствовать, подняв на палубу ручные пулеметы.

А боевой корабль на его счету был лишь один – французская субмарина «Дорис», потопленная в мае сорокового. Остальные сорок три – это торгаши. И в подавляющем большинстве, идущие без конвоя, в отдаленных районах океана. Причем почти треть нейтралы. В биографии описана атака судна, которое он сам еще до того называл шведским. Подводный мегаас... Скорее ass (дрянь).

Я смотрел на существо валяющееся без чувств на полу медотсека. Как сказал Князь, проводивший первичный осмотр, его обо что-то капитально приложило головой. Но жив, сцуко, и, похоже, не помрет. Однако двое из его команды не бросили, тащили до последнего – фашисты, что сказать, вымуштровал. Те уже сидели в выгородках, у третьего оказалась сломана рука, ему сейчас оказывал помощь Князь, ну а несостоявшаяся легенда кригсмарине лежала на полу, под надзором энкаведэшников и большаковцев (все помнили драку, которую устроил здесь же плененный командир U-703).

И что мне с этим теперь? Может, проще пристрелить и за борт?

Сначала, конечно, допросить. Хотя образцы радиообмена у нас уже есть, но мало ли... Нам ведь надо срочно, от лица U-181, радио в Берлин: «Наблюдали на U-516 взрыв, детонация торпед, спасшихся нет».

Вот зачем мы потопили вторую лодку. Депешу «от Люта» перехватят и союзники, прочтут (немецкий шифр уже взломали). И совсем не удивятся обнаруженным в этом районе соляре и обломкам. И если найдут неучтенный труп в спасжилете (и даже если в его кармане окажутся документы, указывающие на принадлежность именно к экипажу U-181), это будет объяснимо. Кого еще геноссе Лют пересадил на лодку, идущую домой, и зачем, только он сам знает.

А отчего на U-516 вдруг рванули свои же торпеды? Так всякое бывало. Как, к сожалению, и у нас на СФ был случай в шестидесятые...

Вольфганг Лют, бывший командир U-181

Еще совсем недавно Вольфганг Лют считал себя очень удачливым командиром.

Ему всего тридцать лет, а он уже корветтен-капитан, кавалер Рыцарского Креста с Дубовыми Листьями, командир уже третьей по счету подводной лодки, имея на счету почти тридцать потопленных кораблей и транспортов врага. И неизменно с ним было какое-то военное счастье, не только мастерство и опыт, но и стечение обстоятельств, благодаря которому неприятности обходили его экипаж стороной. Команда считала своего командира живым талисманом, все знали, что пока еще ни один человек под его начальством не погиб. В кригсмарине не было принято вписывать в личное дело такую характеристику, как «удачливость», в отличие от британского Роял Нэви, – но моряки любого флота любой страны во все времена хорошо знали, что это такое, и весьма ценили.

И вот, все оборвалось. Сначала в совершенно полигонной ситуации при разрыве орудия погибает один человек и трое ранено, в том числе двое тяжело. А затем при похоронах погибшего товарища случилось это. Обиднее всего, что его застигли точно так же, как легендарный Веддингсен свои жертвы. Отчего после гибели «Абукира» другие два британских крейсера,

«Кресси» и «Хог» будто играли с лодкой в поддавки? Потому что в те времена подразумевалось, что корабль, занятый спасением людей, неприкосновенен, как бы находясь «вне игры». После было время «неограниченной подводной войны», когда подводные лодки топили без всяких предупреждений даже санитарные транспорты – но опять же неявно подразумевалось, что нарушать правила могли лишь охотники, то есть германские субмарины. Печально-торжественный момент, похороны в море погибшего товарища – и когда акустик внизу истошно заорал «торпеды!», в самый первый миг Лют почувствовал не страх, а возмущение столь вопиющей неуместностью подобного действия. Еще секунда ушла на осмысление, ситуация казалась невероятной, вражеская подлодка в этих водах – против кого и как она сумела так точно выйти на нас, может, акустику показалось? Но вот заметили и быстро приближающиеся следы на воде, и уже не было сомнения, но и времени не было тоже. Погрузиться? Но океанская лодка «тип IXD2» совсем не «семерка», она неповоротлива, неуклюжа. Дизеля на полный, лево руля, привести торпеды за корму, все лишние с палубы вниз, по своим боевым постам. Одна торпеда вроде бы должна пройти за кормой, но, проскочив уже мимо, она легла в циркуляцию, на лодку! Но прежде чем она попала, вторая торпеда взорвалась под дизельным отсеком. Что было дальше, Лют не помнит, так как сильно ударился головой.

Он очнулся запертым в железном ящике. Тускло горела лампочка, на полу валялось какое-то тряпье. Хотелось выть: у крिгсмарине были такие торпеды, по истечении заданной дистанции переходящие с прямого хода на спираль, но чтобы так повезло, чтобы торпеда свернула как раз в нужный момент и в нужную сторону?

Он был заперт в отсеке не надводного корабля, а субмарины, опытный подводник легко почувствует маневр погружения-всплытия. Но какого же размера должна быть лодка, если на ней предусмотрены специальные помещения для пленных? Такое лишь у французов было на «Сюркуфе». Наверное, американцы, они всегда страдали гигантизмом в строительстве субмарин. Если так, то это еще не самое худшее, вот англичане к пленным подводникам были безжалостны, обозленные потерями, а янки имели репутацию беззлобных простаков.

Его вытащили из его узилища через несколько часов. Двое, не матросов, а больше похожих на солдат морской пехоты (тут, на борту, особое конвойно-абордажное подразделение есть?), провели его через пару трапов, с одной палубы на другую (что тоже было для подлодки невероятным), но гораздо большим потрясением было увидеть русские надписи на переборках и шкалах приборов и услышать русскую речь. В глазах Люта русские, как и все славяне, были не больше чем объектом завоевания германской расы, неким ресурсом, должным дать рейху решающее преимущество в сражении с англосаксонской плутократией за мировое господство. И говорить с ними для истинного арийца было тем же, как для римского патриция общаться с взбунтовавшимися рабами. Нецивилизованное славянское быдло, в сравнении с культурными германцами, не могло быть ничем иным, кроме как безмолвной рабочей силой. И то, что эти азиаты убили его экипаж и взяли в плен его самого, было вопиющим нарушением мирового порядка. Потому что лишь высшая раса имеет право убивать представителей расы низшей, приводя к покорности и регулируя их численность, – но никак не наоборот!

Он пытался представить, как должен вести себя истинный ариец и германский рыцарь, волей судьбы попавший в руки дикарей. Но ему не дали собраться с мыслями, грубо втолкнули в помещение, непривычно большое по меркам подводной лодки, со всеми атрибутами, положенными кают-компаниями корабля первого ранга, включая портрет русского вождя над столом, за которым сидели несколько русских, безусловно, офицеры. Лют пытался придать своему лицу и взгляду самое презрительное выражение, какое подобает арийцу по отношению к низшим существам.

– Лют Вольфганг, родился в 1913 году в Риге, в семье подданного Российской империи. Так как это место в настоящее время входит в состав СССР, признавшего себя правопреемником Российской империи, то указанный Лют, пребывая на службе в вооруженных силах воюю-

щего с СССР государства, подпадает под указ об изменниках Родины, при взятии в плен подлежащих расстрелу.

Лют был поражен такой наглостью. Да, он родился и жил в Риге, в семье остзейских немцев, и перебрался в рейх после прихода фюрера к власти, чтобы поступить на службу в кригсмарине. И с еще большим удивлением он слушал, как русский зачитывает его биографию – до июня 1934 кадет на крейсере «Карлсруэ», затем военно-морское училище в Мюрвике, первая офицерская должность с декабря 1935, командир зенитной установки на крейсере «Кенигсберг», с февраля 1937 в подводном флоте, обучение, с июля 1938 второй вахтенный офицер на U-27. Участие в Испанской войне (два боевых похода). С октября 1938 – первый вахтенный офицер на U-38¹¹, под командой Генриха Либе. С декабря 1939 – командир лодки U-9. Норвежская кампания, без успехов. Французская кампания, потоплена французская субмарина «Дорис».

У русских шпионы повсюду? Ведь этот допрос ведется не в подвалах их гестапо, называемого НКВД, а здесь, на субмарине, потопившей его U-181. Неужели у каждого русского есть такие досье на всех офицеров кригсмарине? Или русские шли специально за ним? А как они могли найти его в море, если он сам не знал точно, куда пойдет?

– ...военный преступник, виновный в потоплении многочисленных нейтральных судов: шведских «Фландрия» и «Патрия», эстонского «Линда», латвийского «Сигурдс Фалбаумс» (в списке еще около десятка названий), равно как не только в злостном и преднамеренном неоказании помощи экипажам, но и в расстреле спасающихся на шлюпках и вплавь. Что является вопиющим нарушением международного права.

К чертям вас со всем вашим «правом», подумал Лют. О нем вопят слабые, сильный же сам диктует правила, удобные ему. Бедная Германия, которую все желают растоптать, унижить, отнять землю, расчленив на части! А когда Германия поднимается с колен, против нее объявляют крестовый поход, объявив империей зла. Вы ограбили нас, по Версальскому договору, который вы сами считали несправедливым. Даже в Риге, как во всех бывших русских землях, к немецкой общине относились как в рейхе к евреям – ненавидели, презирали, всячески угнетали в правах, вплоть до того, что запрещали говорить на своем языке. Немцев ограбили, отобрали всю собственность, недвижимость, землю, как у «некоренной» национальности, законодательно ограничили право чем-то владеть. Подменив закон силой, вы сами дали нам урок, что сила – это и есть закон! А значит, мечтой каждого немца (я не имею в виду отребье), стало «Дойче юбер аллес», вернуть своей стране и народу место в мире, принадлежащее по праву! По праву самой культурной и цивилизованной нации, единственно достойной править Европой, ну а после всем миром!

– ...вместе с тем имел весьма посредственную морскую квалификацию. Так, в январе 1941 лодка U-43, которой он командовал, затонула прямо у причала в Лорриане, по грубой халатности трюмных и недосмотру старшего механика, за что, однако, несет прямую ответственность и командир¹². Разрыв орудия вследствие ненадлежащего ухода за матчастью также не может характеризовать его как командира с лучшей стороны. Впрочем, не исключено, что подобные инциденты служили цели избежать боевых выходов в момент, когда немецкие подводные лодки несли особенно большие потери. Следует отметить, что подавляющая часть потопленных им судов – это безоружные транспорты, в том числе и нейтралы (почти третья часть от общего количества), идущие вне конвоев, в удаленных районах океана, при отсутствии всякой ПЛО. Что позволяет охарактеризовать обвиняемого не как воина, но как трусливого

¹¹ В немецком флоте, в отличие от нашего, нет командиров БЧ. На подлодке первый вахтенный офицер – это старший помощник, он же одновременно и главный штурман (аналог нашего командира БЧ-1), и главный торпедист (командир БЧ-3) – у нас бы это были три разных человека. Второй вахтенный офицер выполняет обязанности командира по БЧ-2 и БЧ-4. Еще механик, это как наш командир БЧ-5. Зато есть штурманы, унтер-офицеры. – *Прим. авт.*

¹² Реальный случай. – *Прим. авт.*

бандита, которому всего лишь повезло попасть в места, где в изобилии беззащитной и непуганой добычи.

Протестую! Не бандит, а диверсант! Так учил нас «папа» Дёниц – идти туда, где нас не ждут, не готовы к обороне! Сами же британцы говорят, что нехватка тоннажа едва не поставила их на колени. Тогда какая разница, где потоплено судно, потенциально могущее перевозить британские грузы, в Ла-Манше или у острова Мадагаскар? В то же время очевидно, что во втором случае поймать можно не одно судно, а три, пять, десять, при меньшем риске для охотника.

Ну а с U-43, да, было дело... Ребята крепко выпили после удачного похода, никому не хотелось оставаться на борту, когда ждут аппетитные французенки. Кто знал, что эти идиоты разобрали часть забортной арматуры и оставили «на завтра», а вода вливалась в трюм? Я что, должен механика подменять? Он сам обязан был все проконтролировать и обеспечить, я-то тут при чем?

– ...зато он не только во всеуслышание заявлял о своей фанатичной приверженности нацистской идее, но и по сути добровольно проводил в своем экипаже «партийно-политическую работу», задолго до введения в штат кригс-комиссаров.

Что вы хотите от меня? Зачем вы все это мне говорите? Вы, проклятые рабы, посмевшие поднять руку на своих господ! Безумием для цивилизованных стран было разыгрывать «русскую карту» в спорах между собой, отныне этого не будет никогда! Как у римлян было принято, что раб, взявший оружие, хоть для защиты своей никчемной жизни, подлежал казни со всем своим потомством. Когда фюрер загонит вас в Сибирь, вы навсегда станете лишь рабочим скотом. Как вы смеее судить того, кто выше вас? Хотите убить меня, убивайте, после вашей капитуляции с вас спросят и за это!

– Слушай, фашистский скот, если будешь упорствовать, мы тебя не расстреляем, а живьем засунем в торпедный аппарат на глубине в двести метров. И тебе очень повезет, если ты сразу захлебнешься, гораздо хуже для тебя будет каким-то чудом достичь поверхности и уже там сдохнуть от кессонки. Вот только умрешь не ты один. У нас записано, что ты очень любишь свою жену Ильзу из Засница, которая должна вот-вот родить тебе уже третьего сына. Ты ведь и не вступил в НСДАП – а значит, тебя, как и весь беспартийный экипаж твоей U-181, объявят изменниками, с заключением семей в концлагерь. О твоей верности фюреру не узнает никто, ты будешь считаться предателем, а твою беременную жену и двух детей ваше же гестапо бросит в Дахау или Освенцим. Как думаешь, останутся они там живыми?

Будьте вы прокляты, русские! Неужели вы посмеете?

– Прошлым летом ты устроил экскурсию всему своему экипажу в «восточные земли», к своему другу Грейзелю, кажется, он там вице-гауляйтер? Специально затем, чтобы показать команде, как живут славянские недочеловеки под арийским сапогом. Вы гордитесь своими зверствами на временно оккупированной территории над нашим мирным населением, включая детей. Так отчего мы должны жалеть ваших?

– Чего вы хотите?!

– Радиосообщений с борта U-181 в штаб, будто ничего не случилось. И помни, что пока на берегу уверены, что с вашей лодкой все в порядке, твоей жене и детям не грозит концлагерь. Ваш поход планировался на шесть месяцев, и шифр, называемый, если я не ошибаюсь, «Беллатрикс», действителен до первого октября? Ну а что будет дальше, пусть это тебя не беспокоит – думаю, осенью уже столько ваших солдат будет у нас в плену или пропадет без вести, что фюреру придется бросить в лагеря половину населения рейха. Короче, решай, или подписываешь вот это присоединение к «Свободной Германии» с обязательством выполнять все ее приказы, или вылетаешь за борт вместо торпеды.

Будьте вы прокляты, русские!

– Где подписать?

«Адмирал Арктики» Тиле, Нарвик, 13 апреля 1943 года

Господи, за что?!

Друзья из Берлина дали мне знать, что мой арест и обвинение во всех поражениях Арктического флота – дело уже решенное. На фоне того, что творится в армии, удивляться приходится даже не этому факту, а тому, что этого не случилось раньше. Может, кому-то в высоком штабе приходила в голову здравая мысль, что я невиновен, что с другим на моем месте было бы то же самое, а кто-то должен командовать флотом? Или они просто искали кого-то на мое место? Человека, которого не жалко? Ведь русский «змей» или не пойми что никуда не исчезнет из моря, ну если только в то самое пекло, из которого он вынырнул. А значит, наш флот будет и дальше терпеть поражения – и кого назначить ответственным за них?

Застрелиться? Или все же попытаться оправдаться? Бесполезно – эти черномундирные и слушать не станут, если все уже решено.

Мертвые позора не имеют? Пока за мной не пришли – выходить в море, ловить «змея». Такая победа спишет все, еще и на место покойного Редера встану. Вот только встретиться в море этот «змей» нашему флоту – результат заранее известен. Было уже, вместо «Шарнхорста» – «Тирпиц». Ах да, «Цеппелин». И чем помогут его палубники против того, что прячется в глубинах? Если это действительно демон из ада (не смейтесь, после случившегося можно поверить в любую чертовщину), то чем Сталин расплатится с ним после?

Конвой RQ-23, что как раз идет в Мурманск? Может быть, намек мне был дан свыше – одержи победу, и простится, служи дальше, ну а если нет... Даже если нам и удастся его «пощипать», а это весьма вероятно, поднять палубников в отдалении, «штуки» с пикирования отрабатывают очень хорошо. Вот только если русские не дураки (а в последние полгода на это надеяться может лишь идиот), этот «змей-демон» тоже будет там, возле конвоя. И погонится за нами, желая отомстить – а может, и уйдем! Если не думать о палубниках, а сразу, выпустив авиагруппу, самым полным на обратный курс. Хотя стоп... самолет ПЛО здесь, у Нарвика! И еще несколько самолетов в русской зоне пропало. Конечно, это могут и истребители быть, по радиусу могли достать Пе-3 из Банака, но как они ночью находили гидроплан над морем, у русских что, уже локаторы на истребителях появились? Наши подводники в русские воды уже идти боятся, в экипажах лодок стало обычным перед выходом туда писать завещание. И считать, что им дьявольски повезло отсидеться где-то в море, никого не встретив, но чтоб и их никто не заметил. Может, этот «демон», проголодавшись, стал уже и самолеты хватать, летящие низко, в противолодочном патруле?

И что с моральным духом экипажей делать? Притом, что все знают: если пропадут без вести, то семьи в концлагерь? Идиотский закон, но попробуй возрази. А русские время от времени сообщают о лодках «Свободной Германии», и фотография Петера Грау была в их газете – неужели не клевета, и впрямь, перешел? Умный, мерзавец, еще до Сталинграда почуял, куда ветер дует. И из-за кучки предателей подозрительность ко всем?

Есть еще один вариант. Лодки, которые ходят в английскую зону, возвращаются живыми и с победами. Не все, конечно – но там ничего подходящего под категорию «неодолимой чертовщины» нет. Британцы сильны, но это самая обычная, привычная нам война. Такая же, как, кстати, и на морском пути в рейх, к югу. Выходит, «змей» не может выйти из некоего ограниченного района?

Однако ведь и директиву о борьбе с британским судоходством никто не отменил. План «Ахерон» давно уже в сейфе (вот название придумали, а впрочем, вспомните, чем «Вундерланд» завершился, «страна чудес»), и новые наработки по нему, с учетом изменившейся ситуации и разведанных, ведутся исправно, а что еще делать штабным? Так отчего бы не попробовать? Тем более что в Атлантике, по последним данным, нам открылась ну очень вкусная цель. Как наша разведка сумела добыть маршрут и график движения «черных королей»?

Сколько надо времени, чтобы перевести «Ахерон» в активное состояние? Подготовить, обеспечить, и вперед? Надеюсь, успею раньше, чем за мной придут. Это будет несправедливо, если меня отправят вслед за Редером, а русский «змей» будет плавать неотомщенным. Но сейчас, не зная, что это такое, не имея оружия, выходить против него – это просто самоубийство. Значит, пока топим британцев!

Лазарев Михаил Петрович.

Подводная лодка «Воронеж», Атлантика, вблизи экватора, 16 апреля 1943 года

Чур меня! Приснится же такое!

Нет, я понимаю, что Микита Нахалков – это уже имя, раскрученный бренд. Но это не значит, что на него сами по себе идут деньги! А получить обещанный грант от Госдепартамента хотелось бы не только вам, но и мне.

Мистер Нахалков, я уважаю ваши личные пристрастия, но только когда они не в убыток рынку. Все эти сталинские зверства, штрафбаты, лагеря, заградотряды и прочие репрессии нашей публике уже приелись и не вызывают никакого интереса. А этот ваш новый сценарий, по сути та же ваша «Цитадель», где там у вас злобные чекисты гонят толпу зеков с палками в атаку на немецкие пулеметы? Только на военно-морскую тему – для свежести впечатления мало, черт побери!

Вы хотите, чтобы ваш новый фильм был успешным и взял не один «Оскар»? Тогда вы просто обязаны придумать что-то такое, чего до вас не было ни у кого! Чтобы публика шла смотреть именно ваше творение, а не «одно из».

А вы что понаписали? Ладно, допустим, у русских в ту войну уже была атомная субмарина. Плевать на историческую достоверность, это такая же условность, как фанерные декорации в театре. Предположим, у Сталина был в тридцатые свой «Манхеттен», опередивший время, но тупые палачи Ежов и Берия не оценили, расстреляв безвинных ученых, чьи имена навеки скрыты в архивах НКВД. Или среди ученых нашлись те, кто ужаснулся перспективе сверхоружия в руках бесчеловечного режима и сумел предотвратить ценой своих жизней? Да, так будет лучше, можно развить в вашем следующем фильме, приквелы нынче в моде. А здесь можно лишь намеком, чтобы заинтриговать.

Так вот, допустим, у русских была атомная подлодка в сорок втором, сляпанная кое-как русской кувалдой, радиоактивный «корабль смерти», опасный прежде всего для собственной команды – и потому экипаж комплектовался смертниками-зэка. Как в сцене из вашего фильма, где русский адмирал читает ведомость расходных материалов: «нижние чины, сто штук, на один поход», «начальствующий и технический состав, двадцать пять штук, на три похода», «командир, одна штука, пять походов». И чем дальше вы собираетесь держать внимание зрителей, я вас спрашиваю? Все эти пережевывания зверств и страданий в котором уже по счету вашем фильме до того надоели, что вызывают лишь безразличное ощущение грязного туалета, а не сочувствие и желание смотреть дальше!

А если повернуть дело так? Русские – это не рабы, а гладиаторы. Подобно тому как принесение себя в жертву во имя богов, благости их к своему народу, считалось добровольным и почетным, у диких племен – и даже на заре Рима гладиаторы были не рабами, по приказу убивавшими друг друга на потеху толпе, а жертвами ритуальных поединков во имя того, чтобы стоял Рим, они были людьми, гордившимися своим выбором! Попробуйте переписать сценарий именно так – что получится?

Я даже знаю русские песни, мистер Нахалков. «Мне на этом свете ничего не надо – лишь бы моя Родина-мать была жива». В этом ключе и пишите. Да, смертники, но – считающие свой выбор за честь! И зэка, загнанные на подлодку приказом, и добровольцы, будут и такие, готовые отдать жизнь за глоток свободы. Ведь в смерти ни для кого нет различия – мы выходим в море,

оставив на берегу НКВД, страх, вообще весь груз земных забот, уже одной ногой за гранью, не принадлежа к миру живых, но те, кто попадут под наши торпеды, сдохнут еще вернее!

Покажите это, мистер Нахалков! Как перед атакой смертники-пилоты садятся в управляемые торпеды, и весь экипаж провожает их как героев. Или похороны тех, кто уже не может работать, умирает от лучевой болезни – как их хоронят в море, выбрасывая на глубине через торпедный аппарат еще живыми, а один из таких полутрупов все пытается объяснить сменщику тонкости обслуживания какого-то механизма, чтоб не отказал? Больше таких сцен, как в «Нарайяме», – у этих людей ничего нет, кроме их долга и этой субмарины, заменившей им дом. У них нет имен, только должность, «матрос такой-то номер, такой-то вахты, отсека». Нет семей, лишь служба, где поставили. Первое и последнее, что у них осталось, – это служить, и делать это хорошо.

И ради бога, переделайте эпизод с пожаром в девятом отсеке! Пусть будет главная Идея: мы придем и умрем, ну пусть чуть раньше, сгорим заживо, до последнего крутя рычаги, только чтобы корабль был вечен. Думаю, зрителей это впечатлит больше, чем ваш вариант с чекистом, который машет пистолетом среди пожара, разгоняя команду по боевым постам.

Да, мистер Нахалков, это и будет открытием вашего фильма. Совершенно новый взгляд на русских, объясняющий, как им удалось победить в той войне. Показывающий абсолютную несовместимость русской идеи с традиционными ценностями западного мира, как права личности, собственность, демократия, толерантность, политкорректность. Думаю, фильм будет иметь оглушительный успех. Вам хватит недели, чтобы переписать сценарий?

И последнее. Что за непонятное название – «Утомленное море»? Чем вам не нравится, ну, скажем, «Подводная лодка К-19»?

Ну и бред! Вот так наловить зеков и поставить на боевые посты атомарины? В то время как сам Курчатов, изучая службу в дивизионе-1 (движения) нашей БЧ-5, за месяц лишь подошел к тому, чтобы его можно было (теоретически) к несению вахты допускать?

Впрочем, наш Микита свет Нахалков имеет фантазию крайне изощренную. Если «Брестскую крепость», снятую студией Батьки, здесь, с одобрения Сталина, показывают по всему СССР и даже перевели для проката в США, то крутить «Утомленных солнцем» и прочее я бы тут не рискнул категорически. В лучшем случае, все будут долго смеяться, это где режиссер видел такую войну, такой фронт, таких солдат, а в худшем – набьют морду и сдадут куда надо, как шпиона, труса и паникера. Красноармейцы с палками вместо винтовок – говорят, да, в сорок первом бывало такое, в запасных полках, в процессе учебы, для отработки ружейных приемов и штыкового боя. Но никак не на фронте, в атаку вперед, до такого маразма даже под Москвой не доходило – а в фильме гениального Микиты, судя по погоням, действие происходит уже во второй половине войны.

Чем тот бред завершился, я не досмотрел. Разбудили меня, срочно вызвав в ЦП, как медведя зимой. И настроение соответствующее.

– Командир, глянь! Куда это корыто крутит?

Петрович уступает мне место у перископа. Цель, которую только что опознали как крейсер ВМС США тип «Кливленд» в трех милях к весту, по пеленгу 260. А тот, кого мы ждали, урановоз «Чарльз Кэрролл», меняет курс, сворачивая вправо, на нас. Пеленг 130, 132, 135, не меняется, дистанция двадцать пять кабельтов... Пеленг 132, 130, 128. Пожалуй, пройдет у нас за кормой, курсом на норд. И расстояние будет всего ничего, тут и лодка этих времен попасть бы могла. А крейсер идет пересекающимся, пеленг 265, курс норд-ост. Перископ опустить, могут обнаружить! На планшете идет прокладка, операторы ведут обе цели. Пожалуй, стрелять сейчас самое время.

«SOS... (сильные помехи)... (координаты) атакован немецкой подводной ло...» Дальше передача прервалась, кто послал, неизвестно. Нам как раз известно, потому что мы и отправили

эту радиограмму, сутки назад, указав место в сотне миль к западу. Получив такое, в штабе морских перевозок дадут всем судам рекомендацию обходить опасный район. Трасса обычного пути конвоев от Кейптауна до Фритауна лежит здесь на достаточном удалении от африканских берегов. И значит, интересующий нас объект, не дойдя до нее, свернет на север, в Гвинейский залив, где вряд ли встретится другое судно (свидетель!), ну если только еще кому-то не повезет выйти из Леопольдвилья сразу за нашим клиентом.

Еще важнее то, что те места лежат на удалении от островов Вознесения и Святой Елены, где есть британские авиабазы. Значит, и появление патрульного самолета менее вероятно. Наконец, там проходит граница зон ответственности между британскими Южноатлантическим и Западноафриканским командованиями ВМС (а значит, возможна и путаница в организации).

И наконец, это будет убедительным объяснением, как в тех местах оказалось советское судно «Краснодон», такой же ленд-лизингский «Либертос», шедший с грузом из Индии, застрявший в Кейптауне «для ремонта машины» и вышедший сразу после получения радиограммы из Москвы. Сейчас он ползет не спеша в сорока милях к северу, в полной готовности подключиться.

Фигуры расставлены – можно начинать. Заодно еще раз опробуем по реальной цели торпеды «на кильватерный след». Для случая в будущем отчете «стрельба по быстроходной цели». Нам ведь, по требованию разработчиков, подробный отчет составлять, как работало оружие, в этом мире аналогов пока не имеющее (но изготовленное уже здесь).

Еще можно сыграть по минимуму. Торпеды в «Чарльза», и раствориться в океане, как мираж. И пусть союзники (пока еще) гадают, что это было. И грех на душу минимальный – крейсер рядом, вода теплая, так что спасенных из команды будет большинство. И меня никто не попрекнет. Вот только первый советский реактор при таком раскладе запустится позже на пару лет. Так что простите, но вы оказались не в том месте и не в то время.

И зачем вам крейсер, янки? Тут бы и фрегата ПЛО хватило, или не можете никак без понтов? Ох и шум же будет после, там ведь экипаж по штату – девятьсот девяносто человек! Здоровые, улыбчивые мальчишки, «мир, дружба, демократия». Горящие желанием спасти мир от плохих парней – и может даже, столь же искренне считающие нас друзьями и союзниками. Вот только если завтра им скажут, что теперь плохими назначены русские, они также с охотой пойдут нас убивать, ведь наш президент сказал!

Ну как еще объяснить? Пример вот вспомнился из жизни, что такое американский характер и психология. В девяностые в США попал по студенческому гранту сын хороших знакомых моего отца. Не юрист, «технар», что немаловажно – оказывается, у самих американцев эдиссоны давно уже много ниже по статусу, чем менеджеры. Соседями его по кампусу (по-нашему, общежитию) были серб, поляк, болгарин, двое корейцев или вьетнамцев, еще кто-то – коренной американец был только один. И показался он поначалу вполне нормальным, «своим парнем», в общем, обычная студенческая жизнь. Если не считать того, что порядки в этом кампусе были строже, чем в казарме – регламентировалось буквально все. Причем если у нас надзирающие должностные лица могли бы закрыть глаза за взятку (в любой форме) или просто хорошее отношение, то там они были абсолютно добросовестны, честны и неподкупны.

Одним из запретов было то, что категорически нельзя держать любых животных. А у серба была белая мышь, ну бзик такой у человека, любимец, почти как член семьи. Жил зверек в коробке, никому не мешая, скрытый от чужих глаз. Пока хозяин, не удержавшись, не показал своего питомца друзьям. Назавтра к сербу пришли тамошние коменданты: у вас животное, поступил сигнал, изъять! Оказалось, донес тот самый американчик, который накануне умилялся и качал головой: «Кому это мешает, не понимаю! О, какой милый зверек!» И точно так же он не понимал, какие к нему обиды, ну да, для тебя это был твой маленький друг, который никому не мешал, но это же противозаконно! Лично я тебе сочувствую, но ведь я не мог нарушить, останемся друзьями, о'кей? И на том все не кончилось – не получив проше-

ния (удивляюсь, как ему морду не набили), американчик побежал жаловаться, и в итоге серба вызвал Самый Главный (декан или сам ректор) и категорически приказал вот с этим подружиться (проверим!), иначе объявим асоциальным типом. И раз в неделю посещать психолога для лечения от асоциальности (проверим тоже).

А потому – не верь показному американскому дружелюбию. Даже не в том дело, что обманут – искренне могут тебе улыбаться и клясться в дружбе. Но завтра им прикажут – и они будут тебя убивать, ай эм сори, ничего личного, русские, так надо, потому что у вас нет демократии, самого лучшего порядка, который мы по своему священному долгу обязаны нести всяким туземцам вроде вас – ну а если туземцы не понимают и сопротивляются, придется их немножко поубивать ради их же блага! И не забыть после взыскать с выживших плату в компенсацию наших расходов по вашему умиротворению.

Вот за что я не люблю американцев! За их манеру гнуть и ломать всех под свой стандарт, ну а если что-то не вмещается, это ломаем, это отрубим, для вашего же блага. И за маску их «доброжелательности», которая при этом воспринимается как самая подлая и гнусная ложь. Когда британцы, не скрывая презрения, смотрят на вас через губу, как единственные здесь белые люди, это и то как-то честнее. А американцы, если и проявляют якобы искренность: «Мы лучше вас знаем, как вам жить и во что верить, окей?» – то это ложь и гнусь вдвойне.

Так что не обессудьте. Сегодня не ваш день.

Командую. БИУС данные обработал, торпеды готовы. Позиция идеальная – хоть стреляй болванками, как «Конкерор» по аргентинцу «Бельграно» в восемьдесят втором. Две торпеды из аппаратов, а мы сразу же уходим на глубину. Слушаю доклады с ГАКа, смотрю на планшет. Кажется, что-то заметил, задергался, ну куда ж ты денешься, поздно, кильватерный «хвост» ведь никак не убрать?

– Пеленг совпал, взрыв! Второй взрыв! Шум винтов цели два прекратился. Цель один, пеленг восемьдесят, быстро удаляется.

Всплываем под перископ. «Кливленд» накренился и горит, потерял ход. А транспорт, судя по всему, решил дать деру. Все правильно, не самоубийца же его капитан, чтобы подходить к месту атаки подводной лодки и останавливаться там для спасательных работ. Так что экипажу крейсера остается надеяться лишь на себя. Впрочем, вы все же пока числитесь союзниками, простые матросы и офицеры – и оттого я не буду вас добивать, как канарейку. Поболтайте в море, пока вас не спасут. Мне сейчас «Чарльз» не нравится категорически, чего это он не на север, а на восток рванул, к порту назад? Нам это не подходит. Пугнем.

Командую:

– Лечь на курс преследования.

Быстро обгоняем, всплываем на перископную глубину. А теперь поднять перископ, так чтобы он высунулся метра на два, при скорости в шесть узлов, хороший такой бурун. И сразу убираем, вроде как неопытный командир лодки не уследил. Что по ГАКу?

– Цель отворачивает влево!

Естественно, а что они должны подумать? Сзади лодка только что утопила их эскорт, впереди другая лодка, не могла ведь та же, что атаковала крейсер, обогнать судно под водой? Значит, влипли в охотничью зону немецкой «волчьей стаи». И спасение лишь в том, чтобы бежать быстрее и дальше, вот только, будь мы немцами, хрен бы ты убежал с твоим парадным ходом в одиннадцать узлов, когда у немецких лодок «тип IX» на поверхности все девятнадцать, хотя день уже к вечеру, может, и оторвался бы до темноты. И хрен бы ты отбил свои эрликонами на большой дистанции от стапятимиллиметровой пушки, штатного вооружения «девятки».

Беги, беги, овечка. Даже покричать можешь в эфир. До утра помощь точно не придет. А за ночь может многое случиться. И бежишь ты туда, куда нам надо.

А что у нас с крейсером? Все ж добить или нет? Не ради жестокости – ради вхождения в роль. Какой подводник откажется от утопления крейсера ради какого-то парохода? Если только не будет знать, что на транспорте что-то очень ценное. Чего мы, по условию задачи, знать не можем.

А крейсера нет. Точно, утонул – плотики видны, и кажется даже, головы в воде мелькают, в перископ видно плохо. Совсем салажня там была в экипаже? Все ж сундук в четырнадцать тысяч тонн (такой вот американский «легкий», довоенные британские тяжелые «лондоны» были мельче) вполне мог бы два попадания и выдержать. Хотя под днищем рвануло, не у борта – даже без учета ПТЗ, которого на крейсерах нет, «эффект вредоносного действия» тут в разы больше. Мать моя женщина, вас же тут несколько сотен плавает! Не Арктика, вода теплая, но ведь сейчас сюда со всей округи акулы соберутся, почуяв в воде кровь, ведь наверняка кто-то ранен? Надейтесь лишь, что аварийные рации на плотиках могут быть и берег в полудневном переходе, может, кто-то вас и спасет. Но точно не мы. Поскольку мы сейчас не К-25, а U-181. А фашистский мегаас Лют на нашем месте точно бы всплыл и устроил показательные стрельбы «для поднятия боевого духа» своего экипажа. Так что мы, удаляясь по-английски и не мешая вашему спасению, показываем необычный для фрицев гуманизм.

Времени у нас и так, считай, нет. До завтрашнего утра, не больше. Утопление целого крейсера – тут же такое начнется! Вопрос, какими воздушными и морскими силами британцы здесь располагают. Кораблями вряд ли, а вот самолеты на островных базах вполне могут быть. И начнется базар-вокзал, вот только кого будут искать? Немецкую лодку или пропавший транспорт? Скорее всего, первое – особенно если под утро они поймут радиogramму с позывными судна: „атакован подводной лодкой, тону, координаты“. А мирное русское судно совершенно ни при чем.

– Андрей Витальевич, – обращаюсь к Большакову, стоящему здесь же, в ЦП, – работаем «план три», готовьтесь.

Смотрю на планшет. Наше место, место «Краснодона», расчетное (по курсу и скорости) цели, глубины, расстояние до берега. Прикидываю время.

– Саныч, рассчитай наш выход вот в эту точку. Время, и насколько опережим цель? Отлично. Ухов, передай на «Краснодон» место и время randevu.

Уходим на глубину. И вперед – время пошло!

– Что команде объявить? – спрашивает Григорьич. – Люди уже интересуются, кого на этот раз топили? Сказать, или...

– Тех, кто завтра бросит на нас атомную бомбу, – говорю я. – Ты вот о чем подумай: штатовцы ведь не уймутся, пока на кого-то продукт своего «Манхеттена» не скинут. Вот только сильно подозреваю, что на японцев в этой истории они напасть уже не успеют. Тогда на кого? Угадай с двух раз. Поскольку две штуки и было, «Малыш» и «Толстяк», вот только не помню, кого на Хиросиму, а кого на Нагасаки. Такая будет линия партии – а под каким соусом ты это команде подашь, тебе виднее.

Капитан Юрий Смоленцев, Брюс.

Гвинейский залив, близ точки с координатами 0 долготы, 0 широты, ночь на 17 апреля 1943 года

«В прицеле враг, в стволе патрон – скорей спускай курок. Чужой свинец над головой – летящий мимо рок». Вот привязалось, в голове крутится! И самое смешное, вспомнить не могу, откуда. Не слышал я ее в нашем времени, зуб даю.

Если жить хочешь, первый убей. Это – закон войны. Если враг близко, ножом в спину бей. Правила – здесь не нужны.

Это точно. Какие дела мы творили под Ленинградом! Впрочем, и противник был не тот. Упрощенно говоря, в этом времени солдат обучают исключительно в составе подразделения –

фронт туда, стреляй по команде, передвижение по команде. А при стычке малых групп в лесу на первое место выходит, когда каждый, как подразделение, сам соображает, куда стрелять, куда ползти, кого поддержать – и если все это секундой раньше противника, то ему гроб, а тебе победа. Нет, и здесь, конечно, тоже так умеют – разведчики, егеря, да и просто фронтовики, кто год воевал, – но чисто интуитивно. А у нас – система, нас так изначально учили. Впрочем, теперь и тут штурмбатальоны, ориентированные на лесисто-болотистую местность, готовят по нашей методике. Даже, я слышал, конструкторов озадачили, а нельзя ли в учебных целях сделать особый боеприпас из резины, или еще чего – чтобы и на тренировках людей гонять, как в наше время на страйкболе.

«Пусть плачут вдовы в чужом краю. Совесть твоя чиста. Враг не убитый возьмет жизнь твою. Истина эта проста».

А против нас у фрицев там была обычная пехтура. Или вообще тыловики. Знаю, что у фрицев уже есть ягдкоманды, специально натасканные против нас и партизан, но под Ленинградом мне с ними встретиться не довелось, я слышал, они на Псковщине отметились и в Белоруссии. Пока же, вот в последнем выходе за фронт, нам вообще фрицевская полковая пекарня попала – нет, все они были вооружены и оборону держали умело... по меркам Первой мировой. Деды все, под пятьдесят, привет с той войны – ну, перебили мы их, конечно. Неинтересно даже. Вот с егерями их в лесу в догонялки поиграть! Не думаю, чтобы выучка у них была лучше, чем у горных егерей под Петсамо. Зато заменить таких спецов для фюрера будет куда трудней.

До чего дошло: у фрицев унтера уже боятся бегать с автоматами. Так сильно мы проредили их поголовье, что к чертям ордунг и устав, отделенным и «замкам» тоже хочется жить. Несколько раз было: завалил фрица с МР-40, после подхожу к нему «сувенир» снять – кокарду, погон или знак, ведь у фрицев чрезвычайно распространены были знаки, как у нас в позднем СССР – за классность, за специальность, за участие в чем-то. Знак нужно снять для контроля, что точно дохлый, сто девяносто семь у меня уже таких «достоверных», а сколько тех, насчет которых я проверить не успел, бог весть, причем не меньше четырех десятков – в рукопашке, холодняком или даже руками. И у того дохлого фрица с автоматом оказались погоны рядового. После случай представился, одного такого взял живым и спросил ради интереса. Оказывается у фрицев теперь обычное дело, когда перед боем МР (по уставу, один на отделение) дается тому, кто чем-то провинился.

Не успел я с егерями пободаться. Зато погоны новые получил – сам генерал Федюнинский сказал, что негоже старлею ротой командовать, ну это случайно вышло, когда мы у станции Семрино фрицевский опорный пункт брали. Девять месяцев назад лейтенантом был – может быть, войну полковником закончу. А пока выдернул меня и всех наших командир товарищ Большаков – для особо важного дела. «Какого... вы на передовой делали, – говорит, – это же не ваша работа, *подводный спецназ?*» – «Так боевой опыт, тащ капитан первого ранга!» – «У вас что, своего мало? Убьют прежде времени, а это никак нельзя!»

Вывели нас аж на Волгу. Звенигово мое недалеко. Но отдыхать не дали. Время есть – пока морпехов учи. Ну и пришлось. И ведь не салаги – фронтовики. Под Сталинградом дрались, в Анапу высаживались (а есть и такие уникалы, кто в сорок первом под Одессой начинал, а затем Севастополь). Братишечки, морская душа, «черная смерть», чему мне их учить? А не скажите!

Ох, вот верно говорят, ждать да догонять хуже нет. Особенно когда адреналин прет, весь на взводе – знаешь, что вот в дело сейчас, и хочется уже скорее! Ну да сам Большаков с нами, парадом командует, ему виднее. Так о чем я? А, как я рукопашку преподавал! Вспомнить о чем-то – а то сейчас с резьбы сорвешься. Тут дело тонкое предстоит, как нас предупредили, это не какой-то фрицевский опорный пункт вырезать или даже штаб захватить.

Так вот, хоть не врач, но поверю, как учили – что наши мышцы состоят из волокон «быстрых», работающих, как пружинки, импульсами, и «сильных», на постоянную нагрузку. Про-

порция где-то два к одному, из чего следует, во-первых, что «на рывок» развивается большее усилие, но на короткое время, а во-вторых, человек «перекачанный» – это не боец. Просто потому, что от тычка чем-то острым мышечная масса не спасет – а вот на скорости есть шанс. И основа всех «восточных единоборств» (вот идиотское же название, ведь и не восточные, и не единоборства, ведь бой один на один – это лишь частный случай боя одного с несколькими) – это сделать так, чтобы все мышцы срабатывали синхронно, ноги-туловище-плечо-рука, в один момент, концентрируя всю силу в одной точке, куда бьешь (в том и фишка каратэ, когда у мастера удар рукой весит полтонны, а удар ногой тонну с лишним – работают все мышцы тела, а не одна ударная конечность). А защита – это отыграть так же, но не встречать силу лоб в лоб, а добавить «боковую составляющую», чтобы удар пролетел мимо. А теперь представьте, что противников несколько и удары летят с разных сторон. Так перемещайся, чтоб они друг другу мешали, а тебе было удобно работать с каждым в отдельности – работай не только руками-ногами, но сначала головой!

Кто говорит, что воюем давно уже не руками? На последний случай – все приемы боевой рукопашки очень хорошо накладываются на работу ножом, лопаткой, да и прикладом, и штыком. Главное же, ради чего я сейчас трачу свое и ваше время, которое вы могли бы посвятить учебному окапыванию или метанию гранат, – рукопашный бой очень хорошо тренирует голову! Быстро и на автопилоте сообразить, что делать в любой ситуации, найти «двигательное решение». Этим и будем мы сейчас заниматься. Смотреть – и делать как я!

После был перелет на Север. Пароход, стоящий в отдаленной бухте – который штурмовали мы, совместно с приданным осназом. Им было легче, не приходилось нырять в ледяную воду. Брели пароход разными способами – со шлюпок, с воды, ночью, на время. И с взводом морпехов на борту, которые всячески старались нам помешать, вот только до стрельбы не доходило! И никто не знал, зачем это было нам нужно – с задачей нас ознакомили, только когда «Воронеж» вышел в море.

Ночь. Жарко. Чернота такая масляная, луны не видно, лишь звезды, да море слабо светится, планктон, что ли? ПНВ с глаз сдвинешь, и почти ничего уже не разглядеть. Четыре резиновые лодки, такие же как на немецких субмаринах, с подвесными моторами. Сколько с ними возились, кожухи особые, шумоизоляция, выхлоп под воду – но чтоб было тихо? В каждой лодке по двое наших, из спецназа 2012 года, и четверо осназовцев, в одной еще и наш командир.

Как высадиться на судно, в море, на ходу? Был вариант – «шлюпочная» группа (осназ) изображает терпящих бедствие – огни, ракеты. И когда жертва остановится их подобрать, наша группа (боевые пловцы) взбирается с противоположного борта, одновременно с возвращением и подъемом на борт шлюпок. По другому варианту предполагалось сцепить лодки попарно длинными тросами, и на «сомалийский» манер, когда судно проходит между и лодки притягивает к борту. Были и еще варианты (и по каждому, даже самому экзотическому, мы тренировались) – но вот сейчас окончательно было выбрано, подход к борту и высадка, без всяких изысков. В этом времени не ждут абордажа – и не знают еще, что такое ПДСС.

– Идет! Готовность...

На лодке командира мигает узконаправленный ИК-фонарик, и она начинает смещаться в сторону. Нас наводит «Воронеж», выставив неподалеку антенну радара – цель видна хорошо, а нас слышно, движки по команде заведены и даже при остановке работают вхолостую. Мы должны оказаться на курсе судна, чуть справа и чуть слева. Нас не должны заметить – если пригнуться, то на воде будет видно какое-то бесформенное пятно, может, плавающие обломки, никак не ассоциирующиеся с опасностью.

Идет. Слышу характерное чмыханье паровой машины. И замечаю силуэт. Нас хорошо вывели – судно пройдет между нами, не дальше чем в кабельтове. Две лодки с того борта, две лодки с этого. Заметить нас не должны! Ждали бы нападения, предохранились бы просто –

периодически осветительные ракеты в небо, луч прожектора по сторонам, и расчеты у эрликонов – расстрелять на подходе любой подозрительный предмет. Но ПДСС еще нет, а вот субмарина, утопившая их эскорт, есть – и не факт, что поблизости не ходят другие, и надо проскочить в ночи незамеченным, без огней, боясь себя выдать. А значит, нам путь открыт.

Судно проходит. Мы на траверзе. Вот мимо нас уже проходит середина корпуса, рубка с трубой. Вахтенные смотрят в стороны, а тем более за корму, гораздо меньше, чем вперед. Пошли!

Мотор на полный, и вперед. Подойти к борту, чуть позади трубы. Ни в коем случае не к самой корме, чтобы не затянуло под винт. Борт транспорта возвышается над головой на три метра. Как влезть – ну, спрашивать смешно. В Советской Армии было упражнение для моторострелков-срочников, преодоление трехметровой стенки отделением в полной выкладке, десять человек, на время, причем из снаряжения в помощь дозволялись лишь ремни от автоматов. С лодки, конечно, труднее, чем с земли – но ведь и мы не пехота, а спецназ, причем морской, высадка на судно на ходу – это штатная наша задача, давно отработанная, и приемы, и приспособления есть.

Я взлетаю на палубу первым, за мной Влад. Почти одновременно рядом с нами, Гаврилов с Рябым, со второй лодки. И сразу прячемся в тень – на палубе торгового судна, с выступающими вверх комингсами трюмов, основаниями мачт и грузовых стрел, это сделать совсем не сложно. Первая задача – прикрыть осназовцев, у которых нет ни ПНВ, ни нашей подготовки. Лезут на борт, довольно быстро и ловко (тренировки сказались), но с заметным шумом.

Где же вахтенный? Должен же кто-то из экипажа судна бдеть и на корме?

– Эй, что за... – Какая-то фигура решительно движется от надстройки на корме.

Хлоп. Тело падает. С заметным шумом – вот отчего я предпочитаю работать холодняком, тогда тушку можно придержать. Прости, морячок, но ты на этом свете лишний, так уж карта твоя легла.

Рву к корме. Не оглядываюсь – знаю, что остальные три шестерки бегут к носу. Группа командира работает по надстройке и мостику, группа Шварца по машинному отделению, группа Гаврилова зачищает носовую палубу. Ну а мне, Владу и четверым осназовцам – кормовая надстройка, в два яруса, на юте. Там размещается приданная военная команда от двенадцати до двадцати человек. То есть на каждого из нас по двое-трое. Причем многие могут быть вооружены – на транспорте, в отличие от военных кораблей, нет штатной оружейки, но у американцев это в крови, покупать за свой счет и огнестрел, и холодняк, отправляясь «в зону боевых действий», как прописано в их контракте, за что идет отдельная оплата. Так что кольт наверняка в кармане у каждого второго, не считая каждого первого. Но они спят и нападения не ждут. А главное, пока не просекли ситуацию, а что собственно происходит? Когда секунда промедления – жизнь.

Успеваю отметить время. Не глядя на часы – своим «внутренним секундомером». Прошла первая минута, шестьдесят секунд от появления на палубе первого из нас.

– Эй, Билли, что там...

Дверь распахивается, бросая на палубу свет. Еще один морячок пытается что-то увидеть, после того как слышал что-то непонятное. Но глаза со света в темноту видят плохо, а секунд на привыкание у тебя нет. Не люблю стрелять в упор, грязная работа. Опрокидываю ударом в горло, он в последний миг пытается что-то изобразить, из бокса. И сразу проскакиваю дальше – за мной Влад и еще четверо, они или добьют, или повяжут, если нужен живым. Время! Пока еще не поднялся шум, противник не включился в «боевой режим».

Дверь в каюту. Четверо играют в карты. Двое, сидящие ко мне спиной, даже не успели обернуться. Еще четыре раза «хлоп» в головы, как на состязаниях по скоростной стрельбе. Один лишь успел дернуться. Ох, ё, у него же на койке кольт лежал, здоровенная автоматическая дура сорок пятого калибра! Ну и помог он тебе, морячок?

В каюте напротив, куда вломился Влад, все спали. Как фашисты в блиндаже. И точно так же больше не проснутся. У трапа наверх, во второй ярус, задерживаюсь. Вот как-то не хочется мне туда идти, сам не знаю отчего. А доверять таким сигналам я привык. Сейчас проверим.

Даю отмашку – и осназовцы отходят по коридору. Тихо, но все равно можно различить. А мы с Владом замерли у трапа, стараясь даже не дышать. С полминуты ничего не происходит, затем наверху ясно слышу шевеление, на трапе появляются ноги и рука с кольтом, кто-то спускается пригнувшись. Ну козел! Прыгал бы сразу вниз и уходил в сторону, у нас могли бы быть проблемы, ну а так... Захват за кисть с болевым, и морячок, оторвав ноги от ступенек, съезжает по трапу на пятой точке, кольт остается у меня в руке, добавляю телу в лобешник. В это время Влад взлетает наверх, а наша «команда поддержки» вылетает из ближней каюты по коридору. Оставив на них тушку, тоже взлетаю по трапу, отстав от Влада не больше чем на секунду.

– Эй, что там такое...

Двое направляются к трапу, еще двое сзади выглядывают из дверей кают. Взгляды не тревожные, а любопытные: не сообразили, что их сейчас убивать будут, идиоты!

Хлоп, хлоп! Первые пули – тем кто в дверях. Им укрыться мгновение, а вот те, кто открыт, никуда уже не денутся. У одного за пояс заткнут ствол, ручку вижу, но он стоит в ступоре, открыв рот. А вот второй бросается на меня с голыми руками, смелый, однако... был! Его приятель наконец выходит из столбняка, но вместо того, чтобы схватиться за кольт, или что там у него, приседает на корточки, закрыв голову руками, и визжит. И на этот крик выглядывают еще двое! Одному я успеваю всадить пулю в голову. Второй же вскидывает вверх руки, пустыми ладонями к мне, и орет: «Ноу!» Сдается, значит.

Вырубаю визгуна. Осназ уже тут, принимают последнего. В каютах чисто. А пистолетик у струсившего оказался классный, девятимиллиметровый «хай пауэр» тридцать пятого года. Сувенир, однако.

Три минуты. И работу по сути сделали я и Влад, осназовцы так за нами хвостом и пробегали. Ни в коей мере им не в упрек – нам спину прикрыть тоже великое дело. И все же их больше бою на местности учили, а не абордажу. Да и не развернуться в этих коридорах строем. Итого пятнадцать сработанных рыл на всю команду, правда, не все жмуры, троих живыми взяли. «Моих» мне на свой счет записать, к ста девяносто семи фрицам? По идее надо, так как людей, а не врагов, убивать нельзя. Иначе, когда война кончится, ты и со своими будешь зверем. Именно за это викинги берсерков ценили, но боялись и презирали. Потом что переход в сверхсостояние, когда ты действительно можешь толпу в клочья порвать, это необратимые нарушения психики, грань все тоньше, и однажды кончается тем, что просто крыша слетит, и ты среди своихобразишь, что кругом враги. Есть в психике у любого из нас «стопор»: себе подобных не убивать. И если этот стопор снять, выйдет психоманьяк, которого в мирное время лучше пристрелить. Так что не снимать надо, а обойти. Например, приняв для себя, что фашисты не люди, а что-то вроде тараканов – раздавил и дальше пошел. А эти, значит, пособники фашистов, которые будут готовиться бросить на нас атомную бомбу (все эти планы «Дропшот», «Чариотир» и еще были). Итого, мне еще плюс девять врагов. Нет, все ж отдельно буду их считать – в счет будущей войны, которую они после начнут. Когда там их боров в Фултоне речь скажет?

У других групп было примерно так же. Мы на таком же судне на тренировках бегали, запоминали расположение помещений, заучивали, сколько там будет народу, кто где должен находиться, вероятнее всего, когда судно на ходу. Капитана, радиста, старшего меха, суперкарго надо брать живыми, ну а прочих – как получится, но «скорее мертв, чем жив». Косили под фрицев: «Хенде хох! Кто ви есть?» И если, к примеру, ответ: «Я капитан, а что вы делаете на моем судне?» – то прикладом по башке и вязать.

И тут с носу раздалась стрельба. Причем, судя по звуку, стреляли не только МР-40 осназа, но и что-то незнакомое. «Томпсоны»? Ну не приходилось мне сталкиваться с этой машинкой,

не различаю я ее на слух – теперь буду. И несколько стволов работают, что за черт, должны же всех быстро задавить? Оставляю двоих из осназа контролировать корму, вдруг чего недо-смотрели – и бегом в нос.

Вражин оказалось двое, с „томпсонами“, на носовой палубе. И они что-то заметили, потому что открыли стрельбу первыми. Хорошо еще, ПНВ у них быть не могло, а судно затемнено, так что Гаврилов и Андрей-второй успели залечь, а вот одному из осназа прилетело, и, похоже, «трехсотый тяжелый». Когда мы подбежали, одного успели завалить огнем в ответ, второй еще огрызался, да сколько у него патронов там? Причем быстро просек, что быют по вспышкам, и после каждой очереди менял место. Еще Рябой с Валькой подбежали, и с ними двое, итого тринадцать нас – но получить еще одного «трехсотого» категорически не хотелось, да и повредить на палубе пулями что-нибудь нужное тоже.

Противник был опытным, но темнота ему мешала категорически. Тем, что ошибочно думал, что его не видно, когда перебегает. А ведь самые первые ПНВ снайперские как раз в эту войну появились, правда, в самом конце – знаю, что у юсов на Окинаве уже были, а в сорок третьем?

Выцеливаю и бью – когда он пытается укрыться за колонной мачты. Падает плашмя – как у живых не бывает. Готов! И кто же у нас такие шустрые и боевые? Оказалось, агенты федерального казначейства. Ясно с чего – это солдат или матрос предпочитает не забивать голову непонятками, которые прямо не касаются, а у этих параноя должна присутствовать по определению. Стоп, а что это они на борту делают? Или их казначейство за безопасность «Манхеттена» отвечает?

Одного из агентов взяли живым, в каюте. И тоже схватился за оружие, но поскольку имел вид явно не матроса, то его лишь приложили по башке так, что в себя еще не пришел. Капитан тоже оказался упрямым, но ничего, у нас заговорит, дайте только время. А вот суперкарго (грузовой помощник) очень охотно шел на контакт. От него мы и узнали.

Один из передних трюмов опечатан. Вскрываем, откидываем люк. В твиндеке штабелем сложены ящики, похожие на снарядные. Тяжеленные – вскрываем один. Оно самое, матово-блестящее в свете фонарей. Золото, почти тонна. Порт отправки Кейптаун. Оплата от Британии за американские поставки. На борту про него знали лишь капитан и суперкарго, для прочих же просто «секретный груз». И четверо агентов в охране, чтоб круглосуточно, это мы так их переположили утоплением крейсера, что бодрствовали почти все.

А груз из Конго где? Вон, в бочках, по бумагам – триста тонн. Пятьсот бочек по шестьсот килограмм в каждой, в этом трюме и во втором.

Судно в порядке. Машины в исправности, на ходу. Вахту в машинном, четыре человека, тоже пока не тронули, там с ними четверо из осназа. Радиорубка тоже взята в сохранности, со всей документацией. Вот только радиста слегка помяли – пытался сопротивление оказать. Не могли целым? Так у него кольт сорок пятый в ящике лежал, схватить пытался, ну ему руку и припечатали, перелом!

Вот не было печали, черти накачали! Если про уран американцы британцев вряд ли информировали, то за золото нас же будут с таким старанием гонять, если только хоть что-то заподозрят! А впрочем, командирам виднее. Лодки на борт подняли, сигнал по УКВ на «Воронеж». Нам бы только ночь до утра и день да заката продержаться.

Лазарев Михаил Петрович.

Подводная лодка «Воронеж», это же место, это же время

Три километра сожженных нервов! Что там какой-то «Тирпиц»? Если не дай бог, не то что нашумим, а хоть намек дадим. Будет тогда как в анекдоте – докладывает рыцарь королю: «О сир, я славно побил ваших врагов на севере». – «У меня нет там никаких врагов», – удивляется

король. «Э, сир, ну значит теперь будут!» А теперь представьте товарища Сталина на месте этого короля?

Про американскую тупость – это к юмористу Задорнову. Американцы совсем не тупые, а анизотропные. На самом верху – те, кто решают, «генералы» – очень даже умные, безжалостные, готовые на *все*. Ниже – «офицеры», узкоспециализированные профи в том, что касается своих границ. Затем «сержанты» – просто погонялы, но смелые, могут даже героями быть, тип такого «хорошего полицейского» из их кино. И в самом низу масса исполнителей, тупых позадорновски, так им и не надо быть умными, за них все решат, поставят куда надо и укажут, что делать, легко заменимый расходный материал, как в армии Фридриха Прусского. И если вы в поединке столкнулись с последней категорией, вам повезло – ну а как только информация к умным попадет, те оценят и примут правильное решение?

Вот как бы я себя вел на месте их главного, генерала Гровса? Или рангом пониже, кто в «Манхеттене» на безопасности сидит? Если у меня паранойя выше среднего, по должности положено? А кто-то неизвестный один транспорт с ураном уже увел?

Контрразведывательной стороны дела я не касаюсь. Есть наш «Штирлиц» на той стороне – иначе кто бы нам информацию дал? – но ему я помочь не могу ничем. А вот что в море грозит, конкретно нам?

Везти мелкими партиями, скрытно? Так сделано уже. Спасибо «Штирлицу», имени которого я, наверное, никогда не узнаю. И самым надежным будет дать транспорту сильный эскорт, но нечем. Нет сейчас в американских ВМС большого количества противолодочных кораблей дальнего действия, буквально через пару-тройку месяцев начнут массово в строй входить. И не может быть здесь самой страшной для нас засады, атомарины-охотника, если только «Вирджиния» вместе с нами из будущего не провалилась.

Так что вопрос конкретный, что на самом транспорте может быть? Если я безопасник-параноик из «Манхеттена»... нет, это уже запредельный уровень должен быть, ожидая именно захват. ПДСС в этом времени так не работали, но вот случаи, когда brave янки-подводники на Тихом океане шли на abordаж японских судов, были достоверны (например, лодка «Тамбор» в апреле сорок четвертого). Могли мы здесь того же ждать? Да запросто! Всплывает субмарина, выстрел перед форштевнем, стой! – и abordажную группу на борт. Чем это лечится – нужно сделать из этого «Чарльза» полноценное судно-ловушку: пушки замаскированные, военная команда и на крайний случай, «хеджехоги» и гидролокатор. В Первую мировую британцы так утопили немало немецких лодок, соблазнившихся беззащитностью жертвы и при всплытии получивших внезапный залп в упор.

Эту версию мы, при подробном рассмотрении, задвинули в запас (но не отбросили) как маловероятную. Все же у янки главная задача – доставить к себе несколько сотен тонн ценного сырья, а не ловить на него подлодки. Да и в деле поимки шпиона мало поможет, поскольку не докажет ничего, лодка ведь могла наткнуться на транспорт и случайно? Однако фотографии судна, сделанные через перископ еще днем, изучили самым внимательным образом, ища признаки спрятанного вооружения. Кроме самого обычного, стандартно положенного «Либерти» военной постройки, две зенитки калибра семьдесят шесть, на носу и корме, и несколько эрликонов, ничего не нашли.

Нет, можно предположить, что режим «тревога» будет по всем транспортным цепочкам, по которым идут грузы урановой руды – от Канады до Конго включительно. В перевозках задействовано много судов, ни в коем случае не весь груз на одном, и некоторые обязательно будут ловушками. Так нас, дай бог, хоть эти триста тонн утянуть, и черт с тем, что еще осталось в Конго. Но поверим «Штирлицу», который указал именно на это судно, везущее груз. А пихать на ловушку настоящий товар, а не песок в бочках, было бы явной глупостью.

Но все равно страшно. Знать, что на судне работают наши, и держать на прицеле. Чтобы, если все пойдет категорически не так, топить всех. И после надеяться, что кого-то удастся

подобрать. Ну а экипажу транспорта остаться живым не светит ни при каком раскладе. Большаковы это знали. И пошли именно затем, что «с нашим участием, крайнего случая не будет, справимся». Знал ли осназ, не уверен, им могли и не сказать – но наверняка догадывались сами.

А, чему быть! Сделаем хорошо свое дело – чтобы обнаружить, навести наших, и чтобы никто не помешал, по воде или из-под воды. Самолетов ночью можно не бояться. Беда в том, что если при захвате что-то случится не так, мы узнаем про то не сейчас, а много позже, когда «Краснодон» в Атлантике остановят для досмотра. Что будем делать тогда? Ясно, что. Топить всех, и «Краснодон» тоже, сняв с него людей по возможности. Вряд ли супостатов будет много, посылать эскадру досматривать одиночный транспорт – это перебор даже по американским меркам, но вдруг кто-то прикажет ради *такого* груза, слегка изменить курс уже бывшего в море авиаударного соединения? Если не дай бог, придется топить «Краснодон» вместе с нашими, не завидую американцам, вот мнимая U-181 оторвется, и все претензии к Вольфгангу Люту, который пока еще не мега-ас, но тогда точно им станет, посмертно (утопив пару американских линкоров или авианосцев).

Отчего «Краснодон» могут досматривать? Конвои были у союзников лишь в северной и центральной Атлантике, но на всех прочих морских путях была не анархия, а железный порядок. По любому судну, вышедшему из порта, контролируемого союзниками, делалась запись в реестре – кто, откуда и куда намерен идти, каким маршрутом. При обнаружении с патрульного самолета, на берегу могли быстро определить, мог ли это быть кто-то из «легальных». Если же объект был обнаружен вне дозволенного коридора или в данном квадрате никого из своих быть не могло – нарушитель по умолчанию считался немецким рейдером. Как минимум туда направлялись корабли для досмотра, из ближайшей военно-морской базы, или уже находящиеся где-то в море поблизости. Но могли и сразу послать бомбардировщики, если подозрения на рейдер были весомы.

И что прикажет Гровс, или неведомый мне безопасник-параноик из «Манхеттена», узнав про пропажу урановоза? Если у него возникнет хоть тень подозрения? Запросит у британцев (это все же их зона ответственности) упомянутый реестр, где подробно расписано, какие суда (дружественные и нейтральные) где и когда должны были быть. И если там будет указано, что перед пропажей или гибелью транспорта с ураном вблизи него был замечен русский «Краснодон»? Конечно, пока информация пройдет от «Манхеттена» к флотским, а от них к британцам, да еще в оба конца, а у англичан с американцами взаимодействие в сорок третьем еще не было отлажено как часы – в общем, времени пройдет много. Но и Атлантика большая, и идти не поперек, а вдоль, тихоходному транспорту, а не крейсеру. Легко послать кого-то остановить и досмотреть этих русских, просто для спокойствия души.

А потому сомнений быть не должно. Никто не должен будет видеть «Чарльза» и «Краснодон» не то что рядом, но даже в одном районе моря. Британский учет не может работать с полной достоверностью: спутников еще нет, чтобы контролировать всех. А торговцы, особенно нейтралы, часто забивали болт на реестр, не выдерживая ни указанных коридоров, ни графика. Особенно после воплей в эфире, что подлодками сначала утоплено неизвестное судно, как раз в «коридоре», обходи опасное место стороной! А затем и крейсер, вот уж будет шум!

«Норд»! Слово, повторенное по УКВ несколько раз. Слава богу. «Вест» значило бы – оставляем судно, одна минута на отход, и топите. Ну а «Штиль» – это песок полный, стреляйте сразу и не думайте о нас. Затем принимаем доклад, более подробный. Судно наше, все под контролем, убитых нет, один раненый, плохо.

Контроль обстановки: по ГАКу, радару – чисто. Приз наш, без подставы – знакомый голос Большакова слушал весь ЦП. Значит, можно всплывать. Ответ нашим: «Спускайте лодку, выйдет быстрее, чем мне к вашему борту швартоваться. И Князю готовить операционную. Эта фаза завершена с минимальными потерями. В темпе готовим следующую».

И доклад в Москву. Кодовым сигналом – груз взяли тихо, дальше следуем «плану три».

Москва, Кремль

– Скажите, товарищ Берия, Вы абсолютно уверены, что способны контролировать Лазарева?

Сталин волновался, что было заметно по его акценту, появлявшемуся лишь в эти минуты.

– Уверен, товарищ Сталин. Вот только контролировать его нельзя. Тогда результат точно будет непредсказуем.

– Это как? Разъясни.

– Если в двух словах, то Лазарев – это устойчиво советский человек, но не коммунист.

– Это как? У него были замечены буржуазные взгляды, высказывания?

– Если считать таковыми полное отрицание руководящей и направляющей роли партии. И абсолютное непонимание: «Чем партполитработа поможет нам лучше бить фашистов?» Убеждение, что «болтовня на собраниях» к делу никакого отношения не имеет. Понятно, откуда у потомков сформировались такие взгляды. К их чести, у них хватает ума не декларировать это открыто, чтоб не вносить смуту. А когда надо, уходить от вопроса, сославшись на занятость: «У вас разговоры, у нас результат».

– И как же решается вопрос, что у такого корабля практически весь экипаж – беспартийные?

– Режимом секретности и подчинением К-25 непосредственно штабу флота. А политотдел мной предупрежден. Хотя слухи ходят, конечно, но мы пресекаем. Что вся команда набрана из арестованных в тридцать седьмом или вообще детей белогвардейцев, чтобы служением искупить вину перед СССР, и потому пока недостойны. Ну и после той имитации аварии в Молотовске были разговоры, что все или большая часть экипажа – штрафники-смертники, воюют, отбывая срок. Любопытно, что это была инициатива потомков.

– То есть им на берегу в глазах советских людей, легче считаться осужденными врагами советской власти?

– Скорее, это полная дискредитация партии в глазах масс, произошедшая в те годы. Примерно как меньшевики в семнадцатом, от февраля к Октябрю – от восторга и популярности до даже не презрения, а полного банкротства, пустышки.

– Тогда какие же у них идеалы? На профессиональных наемников, как, например, в британском флоте, они не похожи. Читал я доклад товарища Кириллова – но мне твое мнение интересно, Лаврентий. Что можно от Лазарева ждать?

– Про «не коммунист» я сказал, теперь уточню про «устойчиво советский». Хотя сам он на словах заявляет, что он не политик, а военный, и в политику лезть не собирается, товарищу Сталину виднее. Но не раз у него прорывалось: «Капитализм ненавижу, вот если войну выиграть с лучшим результатом, будет ли у социализма вторая попытка?» А под «не лезть в политику» следует понимать его неучастие в борьбе группировок и сосредоточение на конкретном деле.

– Несознательный он, выходит, человек, хоть и воюет отлично! Строить социализм без партии – это все равно что армию заменить «вооруженным народом», хотя это когда-то и предлагалось (не будем уточнять кем). Да, партия в будущем разложилась, занята была не тем – но из этого совсем не следует, что партия не нужна. И вот когда товарищ Лазарев это поймет, он сам к нам придет. Неучастие в политике – ну а если антипартийное, антинародное течение проявится, выходит, моя хата с краю? Где мы были сейчас, если бы всяким «оппозициям» дали волю – это я не тебе говорю, Лаврентий, мы-то это на своем опыте испытали, через это прошли. А вот Лазарев должен будет понять! Интересно, придет он к этому или так и останется «морским волком»? А отчего неконтролируемый?

– Психология. Тут мы с товарищем Кирилловым все материалы собирали, психологический портрет составляя. Здесь подробно расписано, с характерными случаями. Вот, обратите внимание...

– Это не та ли самая сотрудница товарища Кириллова, на которой вы Лазарева женить собрались?

– Так точно, товарищ Сталин. Вот только у них и без нас совет да любовь намечаются, вполне искренне.

– Ну брак по расчету всегда очень крепкий, если расчет правильный. А семейные проблемы человека с секретностью «ОГВ» – это, бесспорно, дело государственное... Но нельзя же так с девушкой! Ладно, усталость и напряжение и, может, даже сто грамм, но зачем же так резко? «Я понимаю, что вам приказано следить и доложить, если я что-то замыслю против Советской власти. Не дождетесь, не изменю. Но по мелочам, не имеющим отношения к государственным делам, прошу за мной не шпионить. Для меня это так же неприятно, как если бы вам голой по улице пройти». И как она отреагировала?

– Прибежала к Кириллову, едва не плача. Что для нее вообще-то нехарактерно. Но на прямой вопрос, будет ли она работать с Лазаревым дальше, однозначно ответила «да».

– Ну это уже их семейные проблемы, я надеюсь. Она действительно подробно докладывала про поведение Лазарева?

– Кириллов, с моего ведома, разрешил ей впредь сообщать только о чем-то серьезном или тревожном. Тем более что психологический портрет мы уже составили. Однако обращаю внимание, что эта черта в большей или меньшей степени проявляется у всех «потомков». Все ж испортил людей квартирный вопрос, это у нас к баракам привыкли, а у них отдельные квартиры норма. В результате любой посторонний контроль воспринимается крайне отрицательно – в том, что, по их мнению, касается лишь их личного.

– А где граница между личным и общественным, сама личность определяет? И что же определит? Ладно, с этим мы после разберемся. Но вы так и не ответили – может ли Лазарев сделать то, что ему не приказывали?

– Да, может. При условии, что это поможет достижению поставленной цели. Тут специфика есть – командир подводной лодки, да еще такой, это совсем не то что командир корабля, следующего за флагманом в составе эскадры. Вполне реальные случаи, когда надо принимать решение самому, взяв на себя ответственность. По принципу «победителя не судят». Полный антипод служаки «не поддаваться на провокации без приказа», когда уже стреляют. Когда мы с Лазаревым беседовали, он привел пример про бой крейсера «Варяг». Руднев, бесспорно, был храбрым человеком, стоя на мостике под японскими снарядами. Но если бы он решился правильно оценить обстановку, видя явно враждебные действия японской военщины, ударить первым, наплевав на все международные законы, он бы мог ни более, ни менее повлиять на ход всей войны. Расстрелять и потопить на фарватере транспорта с первым эшелоном японского десанта – заблокировать единственно удобный для высадки и развертывания порт; результатом стало бы оттянуть начало боевых действий на суше на неделю или даже две, что для нашей подготовки, мобилизации, переброски войск было бесценно. Ну а «Варяг» после этого можно было с чистой совестью взрывать или топить, так как свою задачу он полностью выполнил. Но Руднев не решился пойти против правил.

– А Лазарев бы решился? Ставлю вопрос иначе. В докладе было, что Лазарев и остальные из его команды крайне враждебно относятся к нашим союзникам, считая их даже большим врагом, чем побежденная в их истории Германия. Политически это будет абсолютно правильно после, но не сейчас. И Черчилль еще не произнес свою речь, и, что важнее, пока еще мы не сверхдержава. Так как мне понимать запрос Лазарева, может ли он, маскируясь под U-181, топить корабли союзников? Он что, хочет свою личную войну устроить?

– Товарищ Сталин, речь идет не о том. А можно ли вести «от лица немцев» боевые действия, сугубо в рамках поставленной задачи, где приоритет был ни в коем случае не бросить на СССР ни малейшего подозрения!

– А разве это не было оговорено при постановке задачи? Случай, когда у транспорта будет эскорт, да и команду куда-то деть надо? Если потребовалось уточнять сверх того – так не идет ли речь именно о превышении первоначально задуманного? Вы можете поручиться, что это не так?

– Товарищ Сталин, Лазарев все-таки не сумасшедший пират, а офицер военного флота. И раз он все же сначала запросил разрешение... Это еще не превышение, вот если бы сначала сделал бы, а потом сообщил, тогда бы превысил.

– Тебе не знакома, Лаврентий, такая фраза: «Где начинается авиация, кончается дисциплина»? У подводников это есть в такой же степени, я замечал, бывая на флотах. Кто отрывается от земли, вверх или вниз, начинает ощущать себя едва ли не богом: «Тут я решаю. И пока не вернусь – будет так». Вот и вопрос, не позволит ли себе Лазарев выйти за рамки, искренне считая, что «за СССР», и победителей не судят? Судят – если ценой этой конкретной победы будут очень крупные политические проблемы. Я вот не уверен до конца, правильно ли я поступил, дав свою санкцию? Новости от Лазарева есть?

– Нет пока. И это хорошо – если у них все нормально, следующий выход на связь должен быть, когда на «Краснодон» перегрузят. А сейчас, значит, идут по курсу, будто ничего не случилось.

– Ох, смотри, Лаврентий! Победителя не судят, ну а проигравшего наоборот. Пусть только вернется. С успехом – так и второго Героя не жалко, а если провалит...

– Вам решать, товарищ Сталин, но мое мнение – Лазарева в любом случае трогать нельзя. Отдача от потомков упадет, и очень резко. Я докладывал, помните – не понимают они абсолютно, когда «по политическим мотивам». Как минимум мотивация у них исчезнет. А нам нужна их помощь, искренняя и добровольная, атомный флот создать в кратчайший срок. Иначе будут нам США своими авианосцами грозить.

– Но и без внимания и контроля на будущее тоже не оставим. Лазарев ведь говорил, что и в его времени на применение атомного оружия не только его приказ требовался, но и санкция правительства, за получением которой надзирал представитель госбезопасности? Так вот, если будут еще такие поручения, как это, не чисто военного, а политического толка, надо будет присутствовать на борту нашему ответственному товарищу, с той же целью контроля. И без его санкции – никаких действий, сомнительных в политическом отношении!

– Тогда предлагаю Кириллова. Поскольку выходит, что самостоятельность Лазарева становится более критичной, чем секретность, когда корабль в море.

– Почему его?

– Тут нужен человек, который бы хорошо понимал потомков и мог бы действовать на них не только приказом, но и убеждением. Человек, мнение которого они бы искренне уважали.

– Почему? Простой функции контроля недостаточно?

– Нет. Контроль без понимания предмета может быть просто опасен, и для дела тоже. А людей, знающих все возможности потомков, у нас пока нет. Значит, должно быть полностью добровольное сотрудничество – на что потомки охотно идут, целиком и полностью, зачем это нарушать?

– Смотри сам, Лаврентий, отвечать тебе.

Капитан Юрий Смоленцев Брюс, где-то у африканского берега, 17 апреля 1943 года

Кен Райбек, федеральный агент. Типаж «хорошего парня» из голливудских боевиков, морда кирпичом, сам здоровый, рослый, широкоплечий, кулаки как у боксера. Не просто агент – старший группы агентов здесь, на борту. Волчара, смотрит без страха, зло. Ага, будешь

тут «бойцового кока» играть, тем более что и фамилия у тебя, как у персонажа Сигала, который в одиночку линкор «Айова» от террористов зачищал! Так и мы не пехота, упаковали тебя как положено. И жить тебе осталось, как и всем «не нашим» на борту, до следующей ночи. Поскольку «Краснодон» вы видеть не должны ни в каком раскладе. А пока вы нам проясните, что вы про нас знали и чего ждали? Есть ли тут еще сюрпризы, кроме закладки в трюме?

У одного из стрелков на палубе в кармане интересную вещь нашли. Зачем охраннику химический взрыватель с детонатором? Стали все смотреть внимательно – короче, одна из бочек в трюме, на вид такая же, как все, оказалась с подлянкой. Крышка сделана так, что можно быстро открыть и после поставить на место, а внутри вместо руды – тротил. И еще свинец внизу, чтобы по весу не сильно отличалось.

При угрозе захвата, значит, минутное дело, раздавить ампулу и вставить в бочку. Через сутки, двое, трое, когда груз уже на чужом борту, рванет. Не повезло лишь, что не ждали они, что все будет так быстро – а вот при остановке судна лодкой или рейдером вполне бы сработало, времени хватило, и все шансы, что не заметили бы. Сейчас Шварц с Рябым там все проверили, чисто. А нет ли еще чего-то, о котором мы не знаем?

Успокаивает, что груз без обмана. С «Воронежа» дозиметр прислали, обратным рейсом лодки, что раненого отвозила. И дома еще нам показали, как урановая руда выглядит, чтобы хоть на вид с щебенкой не перепутать – в бочках черные такие кристаллы, как должно. Значит, это подстраховка, а не ловушка – там бы груз точно липовым бы был.

А вот нам любопытно, порядок радиосвязи у вас какой? Были ли предусмотрены особые сообщения в контрольных точках на маршруте или в определенное время? Какие признаки «работы под контролем»? Кто вообще может быстро вмешаться в игру, есть ли тут какая-то «тревожная группа», хотя бы в воздушном исполнении? Какие вообще сценарии предусмотрены на случай «не так»?

Капитан все стрелки на тебя переводит. Что ты один за все отвечал и указания давал. Другие вообще пешки, ничего толком не знают – старший мех и еще четверо сейчас в машинном, под надзором, исполняют свои обязанности (хорошо, что котлы на нефти, кочегары не нужны, в топку уголек кидать), еще второй помощник, радист, и двое из военной команды (эти все заперты в каютах, которые мы перед тем тщательно проверили на отсутствие любого оружия, в коридоре двое осназовцев на карауле). Так ты будешь говорить, сцуко, или к тебе «особые методы воздействия» применить? И ведь все нам расскажешь в итоге – будет лишь разница: тебе помереть инвалидом или относительно здоровым?

В ответ он лишь презрительно сплевывает нам под ноги. Через секунду он уже воет, ткнувшись мордой в палубу, а я слегка жму на его руку, вытянутую вверх. Если нажму сильнее, будет сложный перелом с раздроблением костей и, естественно, болевой шок. У тебя одна рука лишняя, агент Райбек? Или обе сразу? Говорить можешь и без них. Опустим вопли, чей ты гражданин и твоя страна это не забудет и не простит. Если даже и так, тебе-то будет уже все равно.

Орет: «Будьте вы все прокляты, но вы после за это заплатите, и мне лично, и Соединенным Штатам. И вы, и ваша проклятая страна».

Много текста, давай по сути, отвечай на вопрос.

– Вы не немцы. Именно потому, что слишком стараетесь внешне на них походить. Иногда командуете громко, но совершенно не по делу. И ни слова кроме службы. Такое возможно в армейской роте на смотре, но не в спецкоманде на задании, даже при прусской дисциплине. А когда вы думаете, что вас никто не слышит, вы говорите на...

И где ж ты мог слышать? Рябой говорил, взяли тебя у каюты капитана, именно возле, выскочил откуда-то, а вот выстрелить не успел, и с рукопашкой у тебя слабо, хоть и качаный, вырубил тебя, и тушкой заперли в каюте, обезоружив, а вот рук не связывали, или связали? Неужели у тебя рация была спрятана? Нет, и «Воронеж» услышит, забьет помехой, да и место

должны были осмотреть на предмет оружия, а уж рацию бы не пропустили, не умеют еще их компактными делать. Услышать что-то ты мог, в бою всякое бывает. Есть пример хрестоматийный, как нашим летчикам в Корее в самом начале приказано было под корейцев косить и по радио лишь по-корейски. Ага, счас! Бой начался, и через минуту уже в эфире сплошной русский ор и матюги! Могло и тут быть, вполне. И если так, агент Райбек, подписал ты сейчас себе смерть верную и мучительную. Потому что мы сейчас спрашивать у тебя будем, что ты с этой информацией сделал. А судя по твоей наглости, явно сделал что-то. За те минуты, пока вас всех в столовую не согнали, как положено, лицами к стенке, не говорить, не шевелиться, по одному на допрос.

– ...на испанском. Причем, судя по произношению, из метрополии – приходилось мне говорить с латиносами в Нью-Мексико...

Оп-па, вот поворот! В продолжение темы: хотя пленным, скорее всего, билет в один конец, правила требуют роль играть до конца, мало ли что. Но как мне немца играть, если я по-немецки разумею до сих пор на уровне «читаю со словарем, общаюсь с переводчиком»? А чтобы не вырвалось в процессе боя, изъяснялся со своей временно приданной четверкой осназа исключительно жестами и по номерам – «айн, цвайн, драй, фир»? Командир, допрашивая пленных, говорил исключительно по-английски (международный язык моряков, который офицеру кригсмарине вполне мог быть знаком). Ну а у нас был еще с тех далеких времен такой «кружок испанцев», командир и этот язык в совершенстве знал (надеюсь, когда-нибудь он о своих делах расскажет), ну а мы старались, мало ли выпадет амиго Чавесу помочь или еще живому Фиделю? Не у всех, конечно, получалось – но вот я, Валька и Рябой объясняться могли вполне сносно. И это нам повезло, что агент Райбек общался исключительно со «своими» – испанский метрополии, кубинский и мексиканский несколько различаются, и похоже, что с первыми двумя американец не имел дела никогда. А то бы понял, что и испанский для нас не родной. Уже легче – что еще ты нам споешь, пташечка?

– Будь вы немцами, действовали бы иначе. Если вам так нужен груз. Высадили бы абордажную группу с субмарины, а не с яхты, незаметно пришвартовавшейся к борту, как у нас делали контрабандисты в «сухой закон», полагаю, вы вышли из Бисау? И не пытались бы провести к себе захваченное судно, как вы пройдете через Гибралтар, в Бискайский залив, или вокруг Англии незамеченным? А перегрузили бы на «дойную корову» и ушли. Сейчас вы собираетесь пройти в Виго? Или на Канарах перевалить груз на свое судно?

Наш командир молчит. Как бы не говоря ни да, ни нет. Райбек продолжает:

– Ваша страна в этой войне – это дешевая шлюха. Ищет, кому продаться, а продается и той, и другой стороне одновременно, пытаюсь сохранить все в тайне. Вот только подумайте, какая будет реакция Соединенных Штатов, да и Британии тоже, когда они узнают? И чем все кончится и для Испании, и для вас лично?

Молчим и ждем. Пусть говорит дальше.

– Я предлагаю вам выход, взаимно устраивающий нас всех. Вы заходите во Фритаун и сдаетесь британским властям, а я обещаю вам лично снисхождение американского правосудия за захват судна под флагом США и убийство американских граждан.

Ага. Кто-то устроил бы все эти пляски в море лишь затем, чтобы добровольно сесть в тюрьму, стоит лишь Америке топнуть ножкой? Ну нельзя же всех, кроме себя, идиотами считать?

– Вы не поняли. Ваша Испания ищет, кому продать товар – так пусть это будут США, а не фюрер. Учтите, что мы можем дать большую цену за выкуп имущества, пусть даже украденного у нас.

Еще веселее. Какой может быть торг в британском порту?

– У вас нет выбора. Этот инцидент забыт не будет, виновные будут установлены, хотя бы через много лет. Платой будут ваши головы и тяжелая кара для вашей страны.

А понимает ли он сам, сколько сейчас стоит его конкретная жизнь?

– Я добровольно выбрал эту работу. Принимая возможный риск.

Надеется, что кто-то о нем вспомнит? Орденом посмертно наградят, памятник поставят? Или просто забудут завтра, словно он и не жил никогда?

– Да пошли вы... У вас есть еще сутки, чтобы дать ответ. До того, как я должен буду связаться с Фритауном. Уйти с судна вам некуда и не на чем. Убьете меня – сами проживете недолго. До того часа, как вас перехватят британские корабли.

Идейный американец. Я-то думал, такие встречаются лишь в романах Тома Кленси. Не матрас перед домом вывешивать и орать, что патриот, а реально – свою жизнь за идею? Что ж, и немцы этой войны не были карикатурными вояками с плакатов. И уж прости, как у вас любят говорить, ничего личного, но живым тебя отпускать никак нельзя.

Его расстреляли утром, на палубе, из немецкого МР. Даже такая мелочь – если тело все же выловят, в нем не найдут пуль русского образца. Интересно, а как бы он вел себя, если бы знал правду?

День прошел без происшествий. Светило солнце, куда там Сочам, экватор – а мы работали как проклятые. Сначала приборка, следы пуль и крови, убрать или замаскировать. Затем переквалифицировались в такелажников, ворочая бочки в трюме, чтобы на погрузке сэкономить хоть какое-то время. Командир еще приказал нам сделать «намордники» из бинтов и ваты, взятых в судовой аптечке: «Ваше здоровье – это достояние СССР, завтра помрете, кому воевать?» – чтоб вы поняли, урановая руда сама по себе фонит слабо, а вот урановая пыль при вдыхании смертельно опасна, и тяжелый металл, химия, и радиация прямо в легкие, уже оттуда не выгнать, тут и малая доза летальна. Вот только двигать в таком виде шестисоткилограммовые бочки, даже талями, да еще на африканской жаре, это то же самое, что бегать в противогазе (кто хоть раз делал это, тот поймет).

Пленных, что ли, припахать? Тех, смиренных, кого наша группа взяла? Нет, чтобы еще при них сдерживаться, это еще больше утомляет. Сказал это командиру, он согласился, что тогда надо сразу по завершению работы всех четверых пристрелить и за борт, но не просто так, а придравшись к «саботажу», чтобы других устрасить.

Пленные и так хлопот не доставляли. Особенно тот, визгун. Хотя и проку от него не было никакого, вытягивался в струну, откровенно лебезил и нес все, что мы хотели от него услышать, притом что сам знал откровенно мало. Капитан, напротив, сначала пытался играть подобие агента Райбека, но сломался после того, как командир напомнил ему про фотографию в его каюте, на которой были смеющаяся женщина с двумя девочками, показал конверт с адресом, найденный в его же бумажнике, и поинтересовался, хочет ли герр капитан, чтобы наши люди посетили его семью в городе Бостоне? Будьте разумным человеком, герр капитан, вы и ваши люди останутся живыми лишь в том единственном случае, когда это судно с грузом благополучно придет в рейх. А концлагерь все же лучшее место, чем тот свет.

Хотя я бы в такие игры не играл. Капитан, как мне показалось, из тех людей, кто вполне может: «Я погибну, но и вы со мной, семью мою никто не тронет (информацию ведь мы не передали?)». А значит, от него можно ждать всего, в самый неподходящий момент. Хотя, если капитан решит мстить по-умному, он не полезет в авантюру, а будет сначала собирать информацию, то есть первые полсуток от него проблем не будет, ну а потом... никакого «потом» ни у него, ни у других не будет тоже.

И все это, не считая вахт (не идиоты же мы, чтобы надеяться на пленных). Выспаться удалось лишь пару часов, в обед. Кораблей и самолетов не встретилось. За два часа до заката всех пленных заперли в форпике, в кладовке с каким-то боцманским имуществом. А еще где-то через час увидели «Краснодон».

А тот американец все же настоящий мужик был, хоть и враг. Ушел хорошо и быстро – когда понял, что сейчас его, пытался прыгнуть за борт, но со связанными за спиной руками

фокус не удался, очередь из МР быстрее. Свалился в воду и не всплыл, вон и плавник акулы мелькнул.

Мог ли живым остаться? Да что я, жмура не отличу? Нет, всякое бывает, знаю случай из двухтысячных, когда парня холодным на базу принесли, спецназ своих не бросает, все думали, «двухсотый», и санинструктор смотрел – и вдруг оказалось, еще живой, и вытянули, считай, с того света, правда, комиссовали вчистую. Ну а этот с тремя-четырьмя пулевыми, не меньше, и руки за спиной, посреди моря, а там акулы...

Павел Лебедев, капитан парохода «Краснодон»

Ох и тяжела работа моряка торгфлота в войну – врагу не пожелаю!

Но надо. Если посылают, то, значит, никто, кроме нас. Как в Одессе в октябре сорок первого, в последнюю ночь эвакуации. Наш транспорт «Большевик», вместе с «Украиной» и «Чапаевым» был в последнем эшелоне. Возле Одессы появляться можно было лишь ночью, из-за фашистской авиации. А на «Большевике» поломалась машина, в самый последний час, все же корабль был очень старый, 1899 года постройки, с парадным ходом в семь узлов. Аварию устранили, но мы уже не успевали проскочить в Одессу, загрузиться и уйти затемно.

Что думал наш капитан, Эрнест Иванович Фрейман, когда «дед» доложил, что машина в порядке? Был тот редкий на войне случай, когда можно было отказаться, в штабе вошли бы в положение, а может, и нет? Вот только наши бойцы в Одессе, которым по плану эвакуации было назначено место на «Большевике», что бы стало с ними? Идти назад засветло было смертельным риском, вот только остаться там – это была для них смерть без всяких вариантов. Значит, надо было идти, ну а чему быть, того не миновать.

Когда мы подходили, еще в спасительной темноте, навстречу нам уже шли груженные транспорта. У фашистов еще не было флота на Черном море, опасность представляла лишь их авиация, и наши разумно решили не собирать один общий конвой, а отправлять каждый транспорт «по готовности», в сопровождении лишь пары «мошек» или торпедных катеров. Первыми шли быстроходные пассажиры крымско-кавказской линии, «Армения», «Аджария», «Украина», и еще один, «Грузия», поврежденный авианалетом, выходил на буксире эсминца «Шаумян». Затем следовали грузовозы, среди которых выделялся огромный «Курск». Из труб вился дымок, даже у теплоходов – механики выжимали из машин все, чтобы с рассветом оказаться как можно дальше от вражеских аэродромов. А мы лишь подходили к порту.

А когда мы пришвартовались, за час до рассвета, оказалось, что брать некого. Штаб погрузки, получив сообщение о нашей аварии, на нас уже не рассчитывал, посадив предназначенных нам красноармейцев и имущество на малые суда. Мы взяли на борт лишь двадцать человек саперов, минировавших порт и уходивших последними. И «Большевик» ушел последним из Одессы, оставленной нами 16 октября 1941 года.

Недалеко от мыса Тарханкут нас атаковали торпедоносцы. И старый, тихоходный транспорт не мог увернуться от двух сброшенных торпед. Капитан Фрейман мостика не покинул. Ему был пятьдесят один год, он прежде был старшим помощником у легендарного Лухманова на учебном барке «Товарищ», а в молодости успел сходить в Вест-Индию на рижских парусных судах.

Я был старпомом на «Большевике». С августа сорок второго – капитан. Принял в Америке это вот судно, «Краснодон», стандартный тип «Либерти», из числа поставленных нам по ленд-лизу. Успел совершить лишь один рейс – домой, в Мурманск. И вот теперь, эта миссия, не обычный грузовой рейс. Кроме обычного экипажа, как в мирное время, на борту еще военная команда под началом лейтенанта. Вот только лейтенант наедине предъявил мне документ с личной подписью самого Берии. А двадцать восемь его «богатырей» (тоже большее число, чем обычно на таких судах) похожи скорее на осназ, чем на матросов-срочников. Мурманск, Нью-Йорк, Фритаун, Кейптаун, Бомбей – и обратно. А когда и если наступит час, лейтенант (он и

в самом деле в этом чине, только госбезопасности) скажет, что надлежит делать. И я должен обеспечить выполнение, по своей морской части.

Почему я, а не кто-то более опытный? Мне кажется, что, как тогда в Одессе, мы должны были быть на подстраховке, вторым номером. А первую роль должна была сыграть «Кострома», оказавшаяся в Бомбее одновременно с нами. Мне никто ничего не говорил, вот только там «военная команда» на борту была до удивления похожа на мою. И они ушли в Кейптаун первыми, на четверо суток раньше нас. И так и не пришли.

Морские приключения бывают лишь в книжках Сабатини и Буссенара. Ну а для нас все эти дальние моря и острова за океаном были совсем не романтикой. На Черном море было легче, там был огненный, но все же каботаж. Там рядом были наши, здесь же, случись что, никто на помощь не придет. Причем опасность была не только от немецких подлодок. Мы взяли груз в Бомбее и должны были идти домой вокруг Африки, Средиземное море сейчас стало слишком жарким. А по лазурному и теплему Индийскому океану болтались не только немецкие, но и японские подлодки, да ведь и обычные опасности прежних мирных времен никуда не делись. Например, тут, у восточного берега Африки, иногда встречается такое явление, как кейпроллеры – гигантские волны-убийцы, в двадцать, тридцать, даже сорок метров высоты, возникающие словно из ниоткуда, причем не обязательно в шторм, но и среди спокойного моря¹³. Да и обычные осенние шторма в этих широтах (апрель в южном полушарии – это осень) превосходят североатлантические. И никто не знает, что случилось с «Костромой». Англичане обещали искать и даже вроде посылали гидросамолет по предполагаемому курсу, не нашли ничего. Может быть, война и ни при чем – где-то в этих местах в мирном двадцать восьмом бесследно пропал датский парусник «Копенгаген». А задолго до того, в таком же мирном 1909-м, так же исчез лайнер индийской линии «Уарата». И были еще случаи, не столь громкие и известные.

Но нам надо было жить и делать свое дело, раз уж мы оказались на первой роли. Связались в Кейптауне с советским представительством, получили приказ ждать. Вернее, не приказ открытым текстом, а кодовый сигнал, расшифрованный «лейтенантом». Ждали четыре дня, имитировав «поломку машины» и ее перебор. Затем так же получили указание сниматься и следовать курсом на Фритаун, с расчетом, чтобы в указанное время быть в таком-то районе. Там ждать радиосвязи на указанной волне, позывные, шифр прилагаются. Инструкция в запечатанном конверте – похоже, что ждала нас в сейфе представительства, а не была оперативно передана по радио. Все было задумано заранее?

Переход до предписанного места прошел без проблем. Если не считать за такую уклонение противолодочным зигзагом от обнаруженного перископа, приведение его за корму и самый полный. В точно указанное время приняли передачу на КВ и, как было указано, не ответили, даже «квитанцией», в тексте, повторенном дважды, было кодом, место randevu, координаты, время. Непонятно, против кого дело, раз такая тайна, нет здесь немцев, кроме одиночных подлодок, значит, какая-то игра «за интересы СССР»?

«Лейтенант» лишь усмехнулся и сказал, что все узнаю в свое время. А за несколько часов до встречи наконец рассказал, что нам предстоит принять груз некоего минерала, очень важного для военной промышленности СССР, который наши союзники категорически нам не продают, поскольку капиталисты. Но зарубежным друзьям нашей страны удалось втайне достать какое-то количество, которое мы должны будем перегрузить прямо в море, сейчас, и доставить в советский порт, с соблюдением всех мер секретности. И вы никогда не будете спрашивать,

¹³ С давних времен кейпроллеры считались вымыслом, морским фольклором, и лишь в конце двадцатого века, по наблюдениям со спутников, переведены в разряд явлений реально существующих, причем не только в указанном районе Мирового океана. – *Прим. авт.*

кто эти наши поставщики, равно как и о любых других обстоятельствах этого дела. Это как раз случай, когда меньше знаешь – крепче спишь. И добавил:

– Мужики, если вы доставите этот груз, то для фронта и победы сделаете больше, чем если бы вы все с сорок первого в окопах. Не подведите, Родина просит!

– Мать-перемать, понимаю, что секретно, но хоть бы раньше ты мне это сказал? Надо же место в трюмах подготовить! Что хоть за груз, по массогабариту? Двухсотлитровые бочки, пятьсот штук, каждая по полтонны? Уже легче, что не насыплю. Как грузить будем?

– Да по вашему усмотрению, товарищ капитан, вы же моряк!

– Так ночь же скоро, как работать?

– Так и задумано, чтоб не разглядеть. Но не беспокойтесь, включите свет по-полному, затемнение соблюдать совсем необязательно.

– То есть как?

– Не знаю, но сказано, что от подлодок вас надежно прикроют, и о приближении патрульного самолета заранее предупредят, успеете погасить.

– Так у наших «заграничных товарищей» тут еще и военная сила есть?

– А вот это не ваши проблемы, товарищ капитан, просто вам сказано, субмарин не бояться, и все.

Остаток времени в диком аврале. Вызвал второго помощника, поставил задачу. И все свободные от вахты, как наскипидаренные, ворочали грузы в трюмах, так как «лейтенант» еще заявил:

– Надо сделать так, чтобы забить «левый» груз подальше, чтобы его трудно было обнаружить и досмотреть.

– Слушай, ну никак тогда не успеем – давай сейчас в твиндеки запихнем, а уже после, днем, в свободном плавании, распихаем в дальние углы.

– Ну под вашу ответственность, товарищ капитан, знаете ведь, что нет ничего более постоянного, чем временное? Учтите, что этот груз будет стоить дороже, чем всё на борту, включая само судно, так что о сохранности прочего товара в трюме можете не думать.

– Да что же это мы повезем? Золото – так вроде у нас его добывают, в Сибири. И разве его в военной промышленности используют? А что еще здесь, в Африке, такое редкое и ценное есть, чего у нас нет? Неужели алмазы, триста тонн? Или алмазная руда, кимберлит, ну не помню я, из чего алмазы добывают? Зато знаю, что из алмазов делают сверхтвердые резцы, это же на много лет вперед всем нашим заводам хватит – пятьсот бочек алмазов!

Лейтенант лишь усмехнулся. И сказал об этом не думать. Груз стратегически важный – и это вам знать довольно.

Еще интересно, что, приближаясь к указанному месту, мы дважды получали по радио кодированное предписание изменить курс. Притом что мы не отвечали и не сообщали своих координат. И не видели никого – а нас, выходит, как-то видели и выводили в точку встречи.

«Либертос», очень похожий на наш – пожалуй, издали можно и перепутать. И световой сигнал ратьером, ясно видный даже при заходящем солнце, – опознавательные и готовность передать груз. Погода и состояние моря идеальные, почти штиль – оттого решаю швартоваться борт о борт и грузить стрелами прямо из трюма в трюм. При волнении пришлось бы налаживать канатную дорогу, это и медленнее, и неизбежный процент потерь. Хотя немецкие рейдеры еще в ту войну успевали вот так перебросить себе с борта захваченных судов до пятисот тонн груза за сутки.

Сигнал, заходите и швартуетесь вы. Там что, совсем не моряк управляет? Маневренные качества своего судна надо все же лучше знать! Они легли в дрейф, и их сразу начало разворачивать нам поперек курса, тут и на якорь не встать, глубоко. Со второй попытки все же ошвартовались, хоть сумели правильно кранцы вывалить, концы принять и закрепить, как положено. Подали сходни, лейтенант наш едва не прыгает от нетерпения, первым перебежал на тот борт,

вижу, разговаривает с их старшим. А вот отчего их так мало, даже если считать, что кто-то в машинном, на мостике, в радиорубке? И двух десятков людей не вижу, это против полусотни готовых к работе у меня!

У лейтенанта ГБ такое же мнение. Решаем временно перебросить в помощь часть своих, конечно же, из военной команды. А вот на том судне (названия на борту не вижу, занавешено брезентом, флага нет), похоже, лишь они, переодетые солдаты, а не моряки. Куда же вы экипаж дели? Что-то мне вон та свежая краска подозрительна, будто пулевые следы маскирует. Их старший по-русски говорит, а вот остальные лишь улыбаются дружелюбно, но отчего-то с оружием все. Откуда вы такие взялись?

Нет, проще выбросить из головы. Приказ понятен, за работу. Бочки кантовать талями, в грузовые сетки, и стрелами прямо в наш трюм. И работа при ярком электрическом свете – процесс пошел.

Еще предупредили нас, что пыль этого минерала вдыхать категорически нельзя. Оттого на том судне в трюмах все в тряпичных масках работали, причем и нашим тоже приготовили заранее, выдали всем. Значит, не алмазы? Или алмазная пыль тоже легкие режет?

А разговаривали они между собой, я сам слышал и другие наши тоже, по-английски, по-испански и даже по-немецки. Живет, значит, дело пролетарского интернационализма? Что же они против Гитлера не выступили, когда он на нас напал? Или это еще со времен испанской войны у наших там связи остались?

Лазарев Михаил Петрович.

Подводная лодка «Воронеж»

Процесс пошел, ну а мы бдим. Глубина перископная, нарезаем круги вокруг двух судов, лежащих в дрейфе. Оба объекта освещены, как новогодняя елка, так что не дай бог подкрадется фриц. И антенна РЛС поднята, контроль за воздухом, если появится самолет, успеем сообщить нашим по УКВ, чтоб свет гасили.

Что будет, если появится англичанин или нейтрал? Простите, джентльмены, но вы оказались не в то время и не в том месте, здесь охотится U-181 под командой самого Вольфганга Люта, второго по результативности немецкого подводного аса после Отто Кречмера (сидящего сейчас в британском плену). Мы не стали бы тратить торпеды, но наши суда сейчас скованы в маневре и не могут уйти. Ну а если все пройдет гладко, утром «Краснодон» продолжит путь как ни в чем не бывало, а «Чарльз», как только окажется вне его видимости, будет потоплен все той же U-181, о чем вскоре последует депеша в Берлин (и паническое радиосообщение с самого транспорта). Хотя в действительности даже не придется тратить торпеду – большаковцы перед уходом зарядят бомбу в трюме, откроют кингстоны и все двери и люки.

И начнется последний этап – сопровождение «Краснодона» в Мурманск.

– Акустический контакт, пеленг двести десять, предположительно подводная лодка под дизелем.

Ну, накаркал, полундра! Выдал пеленг акустик. Вот только мы сейчас ее именно догоним и утопим. Скорости у нас хватит, как и дальности обнаружения, да и вряд ли тут их много. Даже если эта субмарина заметила свет на горизонте, ее радиодонесение другим лодкам «стаи» мы пока не перехватили. Но если таковое и последует, никак не успеет стая подтянуться к месту раньше, чем мы разделаемся с этим конкретным фрицем.

Боевая тревога. Курс 180. Ныряем на двести пятьдесят и разгоняемся до двадцати узлов. В отличие от эсминцев, мы на таком ходу контакт не теряем, если на глубине. Штурмана колдуют над планшетом, по изменению пеленга определяют дистанцию. Поворот на курс 270 – нельзя слишком отдаляться от наших. Наконец определили дистанцию в десять миль. Надеюсь, это не японец с «длинными мечами», они по дальности могли бы уже достать. Ложимся на курс перехвата. Сколько помню тактику фрицев, их лодки ночью атаквали одиночные транспорты

(а конвоев тут нет) исключительно с надводного положения. Впрочем, если и нырнет, наши ЭТ-80СН даже в режиме «поверхность» на перископной глубине достанут, радиус сработки неконтактного взрывателя десять метров, и если задать глубину хода пять...

Нет, фриц попался наглый и тупой. Чешет над водой напрямую, как муха на лампу, ну точно, увидел свет. Впрочем, в отличие от Северной Атлантики, ПЛО тут пока еще чисто символическая, есть повод наглеть. Оценив скорость цели в семнадцать узлов, решаю стрелять не акустическими, а с наведением на кильватер. БИУС принимает данные, Бурый докладывает о готовности. Условия как на полигоне, дистанция две мили, курс цели почти перпендикулярный. Залп двумя торпедами. Цель даже не дернулась, что там, акустики спят? Два попадания, ну все, не лечится категорически. Но все же дожидаюсь доклада о погружении объекта и звуке разрушения корпуса на глубине.

Возвращаемся на позицию. То есть снова крутим круги до рассвета. В обычной «готовности два», зачем экипаж переутомлять?

И только утром узнали о той комедии, что была наверху – когда уцелевшие с той лодки, пять рыл в одной резиновой шлюпке, догребли все-таки до «Краснодона» с «Чарльзом» и пытались взять их на абордаж.

У Леонида Соболева, кажется, в «Капитальном ремонте» был такой персонаж, которого матросы звали Тое-Мое Зюйд-Вест и Каменные Пули, не в силах правильно выговорить «Его Высокоблагородие господин капитан первого ранга Монройо Ферайо ди Квесто де Монтекуоли», дальний потомок итальянских моряков, пошедших на службу еще Петру Первому. Лично я подобное тоже не выговорю – но вот этот человеческий экземпляр сумел без запинки, представляясь, граф такой-то, командир итальянской подводной лодки «Архимед».

Смотрел он на нас с почти животным ужасом. Чем живо напомнил нам штурмана с U-215, бывшего самым первым нашим пленным (Атлантика, июль сорок второго). Точно так же, наверное, ждал, что сейчас эти ужасные русские будут его пытать, резать на куски и в завершение съедят заживо. Имел при этом вид самый неаристократический из-за несимметричной морды лица (попросту огромного фингала, в который превратилась вся левая половина).

– Ну, Рябой! Ты прям как гоголевский Держиморда. Тебе что, персональный приказ нужен «не давать воли кулакам своим» без надобности? Вот этот что, сопротивлялся?

– Пытался бежать, тащ командир! Как только красную звезду увидел и понял, что мы советские, так прямо хотел в воду сигануть. Ну а мне привычнее сначала оглушить, а после уже руки за спину.

– Это ты не мне, а Князю скажи. Ему свое время тратить, если этому графу сотрясение мозга лечить потребуется.

– Так нет у него мозгов, тащ командир! Уж если они такое с собой тащили. Вы только гляньте!

– Ну ни фиги се!

Баульчик, отдаленно похожий на наш «сидор». В нем какие-то бумаги, так, это точно корабельный журнал, все к нему сопутствующее, даже ведомость выдачи жалованья, и *это!* Кодовая книга, шифроблокнот, таблицы, в общем, весь полный комплект корабельной шифр-документации! Какого... они тащили ее с собой, обязаны ведь были уничтожить после гибели лодки! Ну точно, мозгов нет!

Подстава? Не верю, что это было реально, вот так подсунуть нам «жертвенного барашка». Да и смысл?

А вот нам это очень кстати. Точно, был вы верующим, свечку поставил бы. Дело в том, что играть в эфире роль U-181 мы могли, лишь пока не сменят кодовые ключи «Энигмы» – причем в кригсмарине для связи с берегом и с другими лодками в море использовались разные ключи, и если восстановить вторые мы могли, перехватив и расколов переговоры других суб-

марин, то ключ для дальней связи со штабом у каждой лодки был уникальным, то есть получить его конкретно для U-181, случись смена кодов, мы не могли никак. Возможен, конечно, был вариант, «по халатности такого-то утрачен экземпляр кодовой книги», вряд ли, получив такую радиограмму, лодку отозвали бы с позиции, скорее разрешили бы ей до конца похода работать со старыми настройками шифрмашин, но это уже была бы не совсем чистая игра, наводящая на подозрения. А тут такой подарок.

Вот только поверят ли союзники, что итальянская лодка будет способна на такое? Вообще в знакомой нам истории итальянские подводники показывали результат не хуже немцев, с одним лишь дополнением: на удаленных морских театрах. То есть там, где не было сильной ПЛО (если вообще была какая-то), не требовалось ни прорываться через охранение к конвою, ни преодолевать противолодочные рубежи. А так итальянцы драться не умели совершенно, на подвиги диверсов князя Боргезе и еще успехи торпедных катеров прошу не ссылаться, в легкие силы флота всегда идут люди особого склада, отпетые сорвиголовы, в любой стране. Кому интересно, прочтите историю войны за Средиземноморье и уделите внимание действию итальянского флота – линкоров, крейсеров, эсминцев, да и подлодок. Про разгром англичанами конвоя «Дуйсбург» я, кажется, уже рассказывал – так вот, это был бой чрезвычайно показательный для потомков римлян в эту войну.

Наглости, однако, им было не занимать. Представьте картину – наверху погрузочно-разгрузочные работы в разгаре, как вдруг вахтенный докладывает: «Надувная шлюпка с левого борта!» С «Воронежа» – не похоже, все четыре лодки, с которых высаживались, на борту, а собственный бот атомарины заметно большего размера. Шлюпка подваливает к борту, с нее по-английски громко требуют спустить трап, на палубе появляются эти пятеро клоунов и, не смущаясь наведенных на них стволов, объявляют, что наши суда захвачены доблестным и непобедимым итальянским ВМФ. Причем этот граф говорил по-итальянски, а один из его подчиненных громко переводил, ничуть не сомневаясь, что высочайшее повеление будет исполнено. На пятерых был один карабин и два пистолета (против десятка автоматов, взявших их всех на прицел), а еще, как заявил этот граф, итальянская подводная лодка рядом в море, готовая к торпедной атаке.

Вот только Большаков и все наши очень хорошо представляли, что такое «Воронеж». И не могли допустить и мысли, что какой-то итальянец сумел бы проскочить незамеченным. И где же тогда сама лодка, что же она не подкрепляет требования выстрелом из палубного орудия под нос жертве? А с чего это командир лодки (так и представился – вот идиот!) во главе абордажной партии? Так что делаем вывод, господа, что вашу лодку только что потопили. И лучше бы вам быстро бросить на палубу то, что там у вас в руках, а то мы вас сейчас немножко поубиваем, без всяких шуток.

Граф в ответ процедил сквозь зубы тем же тоном. Его помощник перевел: знаем ли мы, что такое воинская честь? Готовы ли вы дать гарантии, что с ним, графом, и его подчиненными будут обращаться так, как подобает, согласно их достоинству и статусу военнопленных? В ответ наши, едва сдерживая смех, заявляют, что гарантии – это то, что вы пока еще живы. И вообще, нам некогда – так что или вы сдаетесь, или вас сейчас изрешетят.

А когда макаронников уже заперли в какой-то кладовой, Юрке Брюсу пришлось в голову заглянуть в мешок, который так и валялся на палубе возле трапа (лодку уже втянули наверх). Итогом же стало избавление итальянцев от участи утонуть вместе с судном при наступлении рассвета. Тем более что среди спасенных оказался шифровальщик-радист. А шифрмашинками в итальянском флоте были все те же «Энигмы».

– Кстати, а отчего вы не уничтожили документацию, как положено по уставу? (признаюсь, что не читал итальянский устав, но полагаю, такое требование там быть обязано). Не понимаешь ни по-нашему, ни по-английски, графская морда? Кто там у них переводил?

Приводят переводчика (оказалось, офицер-механик, если по-нашему, сам «бычок-пятый», или комдив, непонятно). Граф слушает вопрос и ответом вводит нас в ступор: да, требование такое есть, но также был прецедент, когда какой-то их командир за личное спасение секретной документации при гибели его корабля был награжден. Он же, граф, хотел надеяться...

– С этим понятно, а теперь объясните, как это среди вас пятерых четверо оказались офицерами и как вы вообще успели подготовить и спустить шлюпку?

– Экстренное оставление корабля экипажем – это необходимый элемент боевой подготовки, который неоднократно отрабатывался и в базе, и в походе (в последнем случае, естественно, ограничивались имитацией спуска шлюпки).

– Какое на хрен оставление экипажем, в шлюпке сколько мест?!

– По уставу супермарины, в критической ситуации положено спасать самые ценные, подготовленные кадры.

– То есть в вашем флоте регулярно проводятся учения, когда офицеры бросают свои боевые посты и бегут к шлюпке, они одни, чтобы первыми за борт?!

Хотя что можно ждать от флота, где даже на субмаринах офицеры имеют отдельную кухню от нижних чинов и отдельные каюты (такого не было больше ни у кого). Читал про их армию в эту войну, что она в общем была вышколена неплохо и даже могла храбро идти в атаку, пока был порыв, но вот при неуспехе строй чрезвычайно легко ломался и солдаты впадали в панику, совершенно не могли «держат удар». Не столько храбрость, столько наглость. Они в самом деле рассчитывали вот так, на блефе, захватить наши транспорта? А что нам оставалось делать: до берега далеко, а так хоть какой-то шанс был, стоило попытаться. С такими, как вы, шанс может, и был.

– Ладно, вопрос последний, с чего это вы так русских боитесь, вроде у нас к вам особых счетов нет? Что?! Ну, морды макаронные...

– Русские – это не европейцы, а дикие азиатские варвары. Им не знакомы ни воинские традиции, ни воинская честь. И нельзя рассчитывать на соблюдение правил, сдаваясь столь нецивилизованному противнику.

А какие воинские традиции имеют на своем веку победоносная итальянская армия и флот? Мы, русские, гордимся памятью о многих наших победах. А вот вы не выиграли ни единого сражения и ни одной войны! Ах да, благополучно отняли у турок Ливию и еще сумели сквитаться с эфиопами за свой разгром при первой встрече – в этот раз сумели победить лишь тем, что травили эфиопов газами. Вы умудрились быть дважды битыми в сороковом, уже капитулировавшими французами и какими-то албанцами, спасибо Адольфу, что он вас спас. Все ваши воинские традиции – это то ли церемониал, то ли ритуал торжественной сдачи в плен с музыкой и шампанским (как в 1943-м перед немцами в Северной Италии).

– Увести, они нам больше неинтересны. Может, нашей разведке и сгодятся после на что-то.

Вот будет юмор, если в этом времени военно-морской легендой Италии станет субмарина «Архимед» (в нашей реальности, как успел узнать Сан Саныч, потопленная у берегов Бразилии как раз в апреле сорок третьего), лодка, донесшая об утоплении какого-нибудь британского или американского линкора или авианосца и погибшая на пути к дому.

«Краснодон» успеет войти во Фритаун до двадцатого. И когда он будет уже там, с моря придет сигнал «SOS – атакован субмариной», с позывными «Чарльза» и координатами, где это случилось. Надеюсь, там еще плавают обломки, по которым погибшее судно можно будет опознать, и еще больше надеюсь, что за двое суток там не пройдет никто другой, а то выйдет неудобно. Хотя мало ли при каких обстоятельствах мог оказаться за бортом, например, спасательный круг с именем судна? Затем с моря будет передан доклад от подводной лодки, чью маску выбрать – U-181 или «Архимеда». Наше представительство во Фритауне наготове,

должно обеспечить дозаправку «Краснодона» предельно быстро, ведь наш транспорт должен успеть в Рейкьявик, к отправке очередного конвоя PQ.

Кому я сейчас искренне завидую, так это Большакову и его команде, которые сейчас отдыхают у нас на борту. Они-то уже полностью «отстрелялись» и сделали это отлично.

Получил шифровку из штаба СФ. «Шарнхорст» и «Цеппелин» вышли из Нарвика, предположительно в Атлантику. С одной стороны, это нам еще одна помеха. С другой же, надеюсь, союзникам будет не до какого-то транспорта, пробирающегося на север.

От Советского Информбюро, альтернативно-историческое сообщение от 20 апреля 1943 года

В течение 20 апреля наши войска вели бои с противником западнее Днепропетровска и в районе Перекопского перешейка. На других фронтах существенных изменений не произошло.

Западнее Днепропетровска крупные силы противника при поддержке танков атаковали позиции, которые обороняет Н-ская стрелковая часть. Наши бойцы отбили атаку гитлеровцев. Огнем нашей противотанковой артиллерии подбито и сожжено десять немецких танков, уничтожено до батальона немецкой пехоты. На другом участке в результате успешной разведки боем уничтожено до четырехсот немецких солдат и офицеров.

Москва, Кремль

– ...таким образом, товарищ Сталин, есть возможность параллельно провести операцию «Сахара», поскольку события развиваются точно по плану, исключительно для нас благоприятно. Транспорт потоплен после перегрузки, причем его сигнал бедствия послан в тот час, когда «Краснодон» брал топливо в порту Фритаун. Также штатно ушло донесение от U-181. И нет оснований полагать, что союзники что-то заподозрили. В настоящий момент «Краснодон» под охраной К-25 в море, следует предписанным курсом.

– Смысл операции? Клин между США и Англией, так они и так после сорок пятого были в раздоре. Еще один ложный след по «Полыни-3»? А не выйдет ли, что, напротив, в своем расследовании британцы выйдут на истинное положение дел? Отомстить испанцам за тридцать девятый? А что с того будет иметь СССР?

– По первому. Еще один клин не помешает. Именно потому, что сейчас сорок третий, а не сорок пятый. И «Манхеттен» оказался приторможен. А если еще из него англичан совсем убрать? Не участие их спецов, которых и так в сорок пятом к делу не подпускали, а именно передачу данных, обработку информации? Ну а у генерала Гровса и иже с ним случится обострение паранойи к англичанам, что точно не поможет делу. По второму – мы оттого и не беремся играть с британскими спецками на их поле. А изначально создаем ситуацию, поиск черной кошки в темной комнате, где кошки нет. Пусть после хоть весь Скотленд-Ярд изучает «испанские» дела и связи этого человека через микроскоп, создавая и проверяя версии, в которых сами запутаются. Ведь кошки в комнате нет – но британцы этого знать не могут. И в-третьих, вступление Испании в войну чрезвычайно выгодно СССР, поскольку лишает рейх важного для него канала связи с внешним миром. Сколько сырья и готовых изделий так попало в Германию в истории потомков и, смею предположить, в нашей? Франко сам в войну не вступит, не идиот. Но что он будет делать, если войну объявят ему? Ведь союзники такого не простят и никаким объяснениям не поверят.

– Лаврентий, а ты учел, что история могла измениться? И легенда не пройдет?

– Тут, товарищ Сталин, мы провели большую работу, как мои сотрудники, «проверяя» соответствие фактов данным, полученным из неуказанного источника, так и команда товарищей ученых, пытающаяся совпадения или расхождения объяснить. Подробный доклад у вас на столе – а если коротко, наши «параллельные» миры действительно притягиваются. И тут

имеет значение величина исходного отклонения – к примеру, действия К-25 свернули историю на другой путь, и не возникло корректирующего момента в виде гибели подлодки от случайной причины, но вот события без причинно-следственной связи с возмущением истории будут повторяться и у нас. Как, например, появление U-181 в том же месте и времени и даже факт разрыва пушки, от которого погибли и были ранены те же члены экипажа. Случай чрезвычайно показательный, как раз тем, что тяжелораненых было не один, а двое. Вторым оказался кригс-комиссар, в той истории отсутствующий. Так что большая вероятность, что английский фигурант и здесь причастен к сомнительным делам, касаемо торговли с врагом в военное время.

– А если в Лондоне будет провал?

– Тогда К-25 придется задержаться на полсутки. И какой-то испанец, следующий из Виго в Англию, будет потоплен «немецкой» лодкой. Ста килограммов золота ради такого не жаль.

– В самой Испании сумеют все обеспечить? Принять груз и отправить точно в срок?

– Люди надежные, с тридцать седьмого. Все – от Долорес. Тем более они и не будут знать, что передают.

– Однако же К-25 придется оставить «Краснодон» без охраны. На двое или даже трое суток.

– Мы рассчитали, что риск встречи с немецкой лодкой невелик. Притом что К-25 сумеет все же осуществить дальнейшее прикрытие. В худшем же для нас случае захвата транспорта союзниками К-25, безусловно, успеет вмешаться раньше, чем судно доведут до ближайшего британского, а тем более американского порта.

– Ну, Лаврентий, тебе за все отвечать...

Капитан Юрий Смоленцев Брюс.

Где-то у испанского берега, вблизи Виго, 26 апреля 1943 года

Так и не попал я на Канары – ни в той жизни, ни в этой. А мог бы, поскольку наш кэп Большаков рассказывал, что прорабатывались разные варианты. В том числе с высадкой на берег – на какой-то Канарский остров или прямо на испанскую землю. Но решили работать так, как сочли наиболее надежным. Поскольку в нашей стихии, то есть под водой, даже «люди-лягушки» князя Боргезе для нас не противники, за полвека опыт накопился, и учили нас более качественно, снаряжение у нас лучше, совершеннее средства связи, навигации, обнаружения. Ну а про оружие вообще молчу – кроме ножей, ничего у итальянских лягух нет, что можно на глубине из автомата садить очередями, тут и не слышали. То есть работаем, не выходя на сушу, – и попробуй нас достань, если что пойдет не так.

Хотя Канары сейчас – это не туристический рай для богатых буратинов, а пока что самые нищие задворки самой бедной европейской страны. Климат и пляжи в наличии, а вот модные курорты появятся лет через тридцать. И связь с метрополией даже в мирное довоенное время крайне ненадежна, а уж в войну... Оттого от этого варианта и отказались – надо было сделать быстро и с гарантией.

Атомарина всплывает в видимости берега! Но уже стемнело, и нас не различить. На палубе беготня – хотя радаром и акустикой проверено, никого рядом нет, но может ведь появиться? А видеть «Моржиху» в Атлантике не должен никто, если же такие неудачники объявятся, придется их убивать, без вариантов. Матросики в темпе спускают на воду две «миноги» и немецкую надувную лодку, одну из тех, на которых мы шли на абордаж, загружают в нее пару ящиков с золотом (но по упаковке не видно, тара на боеприпасы похожа). Я, Валька, Влад, Андрей-первый, надев снаряжение и вооружившись еще кой-какими полезными вещами, грузимся в лодку, она поднимает шестерых, но два места заняли ящики. «Воронеж» погружается – и море чисто, как десять минут назад. Но мы знаем, что корабль ждет нас на глубине, и даже без «миног» мы могли бы доплыть, нас примут внутрь через торпедные аппараты. Пока ждем.

С «Воронежа» по УКВ корректируют наше место. Не хватало еще, чтобы снесло течением и волнами черт-те куда. Гребем, отдыхаем. Ждем.

Время randevu – полночь. За полчаса с атомарины передали, цель на радаре, пеленг 110, дистанция четыре мили. Проходит время, сначала слышу далекий шум мотора, затем в ПНВ различаю силуэт, что-то вроде малого сейнера или мотобота, на похожем мы из Киркенеса уходили, только этот чуть крупнее. Значит, команды там может быть до десятка человек, максимум пятнадцать, если подстава-ловушка. И пара пулеметов, причем, возможно, крупнокалиберных.

Хотя если бы это была засада, лоханка была бы не одна. А в отдалении держались бы еще две-три, вооруженных и с морпехами на борту. Или, если бы предположили подлодку, выпустили бы свою субмарину, подстеречь и потопить. Ведь не могут же там рассчитывать на локаторы и акустику двадцать первого века? И мы бы ушли благополучно, да еще хлопнув дверью, вот прибавилось бы покойничков у враждебной стороны, только золота жалко, пришлось бы топить. Точно так же, если это окажутся не те, кого мы ждем, а совершенно посторонние рыбаки или контрабандисты – простите, но вы оказались не в том месте и не в то время.

Быстро седлаем «миног», прихватив всякие полезные (для нас, а для кое-кого так очень опасные) вещи. Гости уже близко, так еще мимо пройдут. Валька и Влад ныряют по направлению к цели, а вторая «минога» со мной и Андреем пока остается возле нашей «посылки». Я достаю фонарь и сигналию в направлении судна: короткий, короткий, длинный, длинный, короткий. И еще раз. Мотобот поворачивает, и я вижу с него ответ: длинный, длинный, короткий, короткий, длинный, как зеркальное отражение моего сигнала. Все правильно, вот только знакомиться с испанскими товарищами в мои планы не входит. Перегибаюсь через борт лодки, зажигаю заранее припасенный немецкий фонарик, бросаю на дно. И ныряем тоже.

Суденышко подплывает к резиновой лодке. Я вынырываю у самого борта и слушаю. Говорят по-испански. Груз взяли, теперь скорее назад, и чтобы не заметили, да что эта портовая стража может? Не англичане, и совершенно не озабочены найти отправителя: не видно на палубе ни солдат, ни пулеметов, никто не орет в рацию, не обшаривает море прожектором. И не удивлены неожиданной находкой, не пытаются тотчас же вскрыть ящики, как это непременно сделали бы посторонние, случайно оказавшиеся тут. Да ведь они и на сигнал ответили правильно? Значит, считаем, что это те самые товарищи и есть. Тогда плывите, и удачи!

Ну а если бы? Нет, мы не стали бы устраивать Голливуд с захватом (хотя могли бы). Просто в этом случае к днищу гостей была бы прицеплена другая посылочка. И через полчаса рвануло бы так, что свидетелей б не осталось.

Дело сделано, без шума и подвигов. Как и должно было быть. Связь с «Воронежем» – мы возвращаемся, примите.

Лазарев Михаил Петрович.

Подводная лодка «Воронеж», Атлантика, к северо-западу от Канарских островов (примерно 36° северной широты, 25° западной долготы), 28 апреля 1943 года

Японский городской! Истинно говорят, что все неприятности в мире – от золота. Интересно, а где его брали в Европе до того, как конкистадоры индейцев ограбили? Калифорния, Аляска, Австралия, Южная Африка, да и наша Якутия – это все открытия относительно недавние, ну а в темное европейское Средневековье монеты чеканили из чего, если ни в Европе, ни в Египте с Вавилоном золотых рудников не было и нет? А золотые монеты еще до Колумба были. Надо будет после у Саныча спросить...

Но приказ однозначный. И отдан явно не комфлотом, тут за морскую милю политикой тянет. А кто у нас в СССР самый главный политик, без санкции которого о таких делах даже думать вредно? Вот именно. Так что не выполнить приказ нельзя – но ведь он прежнего не отменяет! Как мы обеспечим сопровождение «Краснодона» и этот рейд к испанским берегам?

На наше предложение о Канарах, тоже ведь испанская территория, а дальше пусть самовывозом занимаются, Москва ответила решительным отказом.

Вызываю – нет, не Большакова, его убивцы свое дело и так знают! – а Серегу Сирого, и ставлю ему задачу. Бегать нам придется резво, и на глубине, так что чтобы вся механика работала как швейцарские часы, не дай бог, что-то сдохнет, надеяться тут не на кого. Связались с «Краснодоном» по УКВ, дали инструкции – идти противолодочным зигзагом, внимательно смотреть в перископы, ну а над водой не всякая лодка рискнет, все же у наших не только эрликаны, но и пара трехдюймовок. И готовлю себя к мысли, что ближайшие трое суток спать придется по минимуму, а нервы жечь по максимуму. Вот он, «день икс минус двое суток», вперед!

Сначала шли широкими галсами (зигзагом), на двухсотметровой глубине, слушая акустикой. Убедившись, что всюду чисто на восемьдесят миль вперед, пошли на норд-ост. Успокаивало то, что самые опасные фрицы могут появиться как раз отсюда, встречным курсом, от французских баз за Бискайским заливом (12-я подводная флотилия кригсмарине), они выйдут в Атлантику, огибая Пиренейский полуостров, сворачивая на юг. А значит, мы засечем их всяко раньше, чем они доберутся до «Краснодона».

Лодку мы встретили лишь одну, по истечении суток. «Девятка», такая же как у Люта, резво бежала навстречу под дизелями. Мы не всплывали под перископную, акустики было достаточно, чтобы с нашей скоростью, занять позицию по курсу и выпустить торпеды. Два попадания, взрывы – готово. Позже мы узнали, что наша жертва имела номер U-198, командир Вернер Хартманн (не родственник ли?), Рыцарский крест и одиннадцать потопленных на счету (на момент своей гибели в нашей истории, в августе сорок четвертого). Тогда же мы просто смахнули ее с поверхности моря, как битую пешку с доски. Устраивать тотальный геноцид еще и двенадцатой флотилии по образу и подобию того, что мы сделали с одиннадцатой (арктической), в наши планы решительно не входило, чтобы не навести кое-кого на всякие мысли и аналогии. Если союзников в Атлантике могли топить хоть Лют, хоть «Архимед», хоть даже этот свежеутопленный фриц – то кто здесь мог с таким же успехом бить немцев?

У испанского берега управились быстро. Слава богу, достаточно было лишь малой части трофейного золота, и ребята Большакова оказались на высоте. Утро 27 апреля встретило нас уже в сотне миль (час, когда по расчетам, на поверхности должен был наступить рассвет). Мы шли назад почти тем же курсом, полным ходом. Когда акустик доложил, есть контакт, я облегченно вздохнул. Дождусь идентификации цели, что это точно наши, и уйду наконец спать, полную вахту, оставив в ЦП Петровича. Хотя что-то рановато, «Краснодон» дальше должен быть, он ведь зигзагом шел, что сильно бы его замедлило.

– Тащ командир, контакт множественный! Боевые корабли, как минимум один линкор или авианосец, еще не меньше десятка целей. Пеленг не меняется, двести пятьдесят пять, уровень на пределе слышимости.

Уже легче. Эскадра этих времен, с линкором во главе, шумит так, что нашей акустикой слышно миль за сто, а то и больше, в Центральной Атлантике слышимость по сравнению с Севером – это просто эталон. Немцев такими силами тут точно быть не может (помню про бывших французов, «Дюнкерк», «Страсбург», прочие, но как они через Гибралтар прошли?). Но хрен редьки не слаще, потому что если эта шобла наткнется на «Краснодон», то точно пошлет какой-нибудь эсминец, досмотреть. А если там будет кто-то дотошный и глазастый?

Увеличиваем ход, насколько это возможно для такой глубины, чтобы не шуметь на весь океан. Определить курс неизвестной эскадры точно не можем на таком расстоянии – но пеленг не меняется, а это значит, что наш и их курс сходятся. Еще несколько часов в напряженном ожидании.

– Тащ командир, еще контакт, пеленг сто девяносто, торговец... опознан по сигнатуре, «Краснодон».

Смотрю на планшет. Вот не было печали! Ладно, шанс пока еще есть, может, проскочим. Если эти куда-нибудь в Атлантику идут.

Через пару часов стало ясно, что не проскочим. «Краснодон» уже рядом, вступаем снова в его охранение – но вот эскадра, судя по уровню сигнала, не дальше чем за пятьдесят-шестьдесят миль. И точно идут на нас. Вспоминаю дальность обнаружения американским радаром SG по надводной цели, свыше двадцати миль. То есть надо не просто убратся с пути эскадры, но и отойти на столько же в сторону. Акустик докладывает, что различает цели класса линкор или крейсер, целых три. Тогда впереди, миль за десять, должен быть еще дозор из эсминцев. «Краснодон» точно не успеет.

Воображение уже услужливо рисует картину: англичане, или американцы (кого там черт несет) останавливают «Краснодон», обнаруживают уран в трюме. Команду подвергают допросу третьей степени (а впрочем, и так все ясно), и СССР оказывается крайним во всем! Ну а после сам Иосиф Виссарионович вызывает меня на ковер и спрашивает с упреком: «Это как же вы, товарищ Лазарев, допустили?»

Считается, что Наполеон не выиграл Бородинское сражение, потому что у него в тот день был насморк и мигрень. Я же был зверски не выпавшись и оттого просто выстрелил в сознание «боевую программу». Навык не подвел, голова вмиг стала ясной, мозг просчитывал варианты действий, быстро и четко, как компьютер. Вот только последние рубежи обороны, а может, не разберут при досмотре, что это, или же «не виноватые мы, купили у незнамо кого», были выброшены из рассмотрения. Потому что врага до последних рубежей допускать *нельзя*.

Вперед, с песней, и шашки наголо? Ну мы же скорее морские ниндзя, а не кавалеристы! А крайним-виноватым окажется тот, кто попадется. Вот и станет Вольфганг Лют в этой истории мегагероем кригсмарине. Или графа вперед выпустить? Будет вам сейчас, англосаксы, эпическая морская битва за демократию.

Передаем на «Краснодон» приказ: самый полный ход, курсом на норд (нет там немецких субмарин, мы только что все просмотрели, по пути). А мы, курс 265, ныряем на двести пятьдесят, и полным. Через три часа сбавляем ход и всплываем под перископ.

Это ж какие люди – тьфу, какие корабли! – встречаются на морских дорожках! Вот какая вероятность, что столкнемся в океане, друг друга вовсе не ища? А поди ж ты... Перископ вниз, ныряем на двести, чтобы не засекали. С кораблей не увидят, но вдруг, по закону подлости, сейчас самолет прямо над нами? Так что лучше не светиться, режим видеозаписи был включен – картинку на экран!

Она, «Айова», силуэт характерный, не спутаешь, заметно удлиненный нос без полубака, три башни, две трубы – у линкоров типа «Саут Дакота» труба одна, у типа «Норт Каролайн» труб тоже две, но тонкие и вплотную друг к другу, у всех прочих американских линкоров постройки еще той войны орудийных башен четыре (у самых старых и больше). Считался лучшим линкором всех времен и народов – его конкурент, «Ямато» все же был слишком тяжеловесен и имел явно слабую ПВО. А может быть, и был лучшим по сбалансированности характеристик, отличные пушки, как главная, так и вспомогательная, и зенитные калибры, лучшие на то время радары и СУО, броня на четверку с плюсом (у «Ямато» и немцев, пожалуй, получше) и ход тридцать пять узлов, как у эсминца (по рекламе, в реальности не больше тридцати). Но вот что это чудо здесь делает, если на нем флаг подняли лишь в феврале, экипаж его просто освоить не успел? И присутствует этот красавец в американском флоте пока что в единственном числе – «Нью-Джерси» будет принят в мае, а «Миссури» и «Висконсин» лишь в следующем, сорок четвертом, дальше в развитие этой серии предполагался тип «Монтана», дюжина стволов главного калибра вместо девяти, и усилена броня – получился бы «Ямато-киллер», но война закончилась. И за каким хреном американцы гонят через океан ценный корабль, который еще и боевую подготовку не завершил?

Саньч комментирует, не столько мне, сколько оператору ГАКа, записывающему сигнатуры.

– Цель номер два – легкий авианосец тип «Индепенденс», переделка из крейсера. Один из трех, сам «Индепенденс», «Принсентон», «Белью Вуд», пока только они в строю. Цель три, это легкий крейсер тип «Кливленд», нам уже встречался. Все остальные, это эсминцы, тип «Флетчер» или чуть более легкие «Бристолы», не разобрать.

– А вот куда идут и зачем? – задумывается Петрович. – Что-то курс у них не подходит даже для Гибралтара, не то что для Англии, слишком сильно к югу забирают. С кем они там воевать собрались?

Исторический факт, что после сорок пятого все эти «Айовы» снарядов по берегу – Корея, Вьетнам, Ближний Восток – расстреляли больше, чем за Вторую мировую. Тогда шестнадцатидюймовые снаряды линкоров, были у штатовцев, как во время более позднее, крылатые ракеты: на тропическом острове Иводзима после артподготовки ни одной пальмы не осталось, все смели. Вот только кому они сейчас хотят свою демократию на вынос – вроде фрицев в Африке не наблюдается?

– Тащ командир, еще контакт! – доклад с ГАКа. – Пеленг двести десять, групповая, похоже на торгашей.

Еще легче! Что все это напоминает – правильно, конвой, транспорта с непосредственным охранением и боевая эскадра в дальнем прикрытии. Для Северной Атлантики норма, вот только на африканском маршруте это зачем, тут, кроме подлодок, противника давно уже не бывало (и не будет до самого конца войны). А вот похоже это на *войсковой* конвой, как бы на Тихом они шли к какому-нибудь атоллу Тарава, на захват, тут линкоры, снарядами все там перепахать, если что, очень даже нужны.

Взгляд на карту – и куда же они таким курсом придут? Фритаун отмечаем, нечего там делать линкорам. Французские колонии, уже теплее, но экваториальная Африка и так за де Голля, под англичан легла, а Марокко вроде уже захватили. Неужели острова – Канарские, Азорские, Мадейра? Азоры они и в нашей истории занимали, не помню только в каком году. А вот Канары – Франко что-то по Гибралтар пищал, может, решили ему показать, что тогда будет? Ясно тогда, отчего самое новое – чем не боевая подготовка, вот так через океан прошвырнуться и кого-то пугнуть, уж нефти в США хоть залейся, не жалко!

Нам от этого нисколько не легче. Если они обнаружат «Краснодон»... По легенде (читал в книге, написанной американцем Лордом), на вопрос, что делать, если по пути встретится нейтрал, например русский, адмирал Нагумо, ведущий флот к Перл-Харбору, ответил: «Быстро потопить и забыть о нем». Или как минимум ради секретности заставят идти вместе с их конвоем, пока не завершат дело, что тоже очень нехорошо (Время! Кто знает, до чего в «Манхеттене» додумаются!). Так что с нашей стороны никакое это не превышение, а самая необходимая оборона.

Ордер американцев: «Айова», а за ней параллельным курсом авианосец, где-то в полумиле. Впереди крейсер с тремя эсминцами, строем фронта, и завесы из эсминцев с флангов. Генеральный курс эскадры где-то 120 (зюйд-ост), мы к северу и чуть впереди.

Может, радировать сначала? Так не темнота пока, антенну заметят, и начнется беготня раньше времени. И кто у нас, простите, знает итальянский? От лица Люта передать благо, что новый шифр для связи между лодками у нас есть, перехватили, раскололи? А отчего не доложили в Берлин? Так что, после.

Проходим мимо эсминцев. Глубина двести пятьдесят, малозумные десять узлов. ГАК докладывает – слышит сразу несколько сонаров. Но вот с противогидролокационным покрытием на корпусе лодки союзники еще не встречались, это немцы внедрили на «типе XXI», и было то покрытие не чета нашему. Вот, «Флетчер» прошел и быстро удаляется, мы у него почти за кормой, его акустики ничего не услышат. И всего восемнадцать кабельтовых до цели,

правда, мы тоже позади траверса «Айовы», но ненамного. Подвсплываем до шестидесяти, пуск одной, снова на глубину, и вперед!

Да, это не с дистанции стрелять и на скорости уходить. Но сейчас за нас работает, кроме плохой заметности гидролокатором, еще и глубина (у лодок этого времени до сотни, а не двести пятьдесят – триста) и подвижность (малошумная скорость уклонения у «семерок» и «девяток» три узла, у нас десять). А ведь все тактические приемы у американцев заточены именно на привычные величины!

Ну вот, «Флетчер» ложится на обратный курс, услышал торпеду (или торпеды, на слух отличить трудно). Но поворачивает не вправо, а влево, *от нас*! С его точки зрения, это логично: атакующая лодка должна была бы отвернуть прочь, в море, от эскадры, на отрыв! Тем самым он делает нам еще один подарок – во время его циркуляции мы, уходящие вперед, какое-то время остаемся за его кормой, в мертвой акустической зоне.

Рвануло. Странно было бы такую цель не захватить даже самопальной местной ГСН. Эх, мечтал я «Айову» утопить – но боюсь, товарищ Сталин очень не одобрит. Так что не будем брать на душу грех убийства союзника, пусть даже гнилого и с фигой в кармане. Одна торпеда для линкора в пятьдесят восемь тысяч тонн – это точно не смертельно, но проблем доставит выше крыши, если рванула не на ПТЗ борта, а под днищем, да еще в корме, наведясь на винты. Насчет убитых и раненых на борту сомневаюсь, ну если кому очень не повезло, но вот наверняка что-то из четырех винтов и двух рулей снесло к чертям или покалечило капитально, и дейдвуды разворотило, и механизмы с фундаментов, и паропроводы полопались от сотрясения, в общем, в бой без заводского ремонта вступать никак нельзя, дай бог до базы доползти черепашым ходом. И какая бы у американцев миссия ни была, сейчас на ней можно ставить жирный крест.

Взрывы за кормой – это эсминец перепахивает море глубинками, но, как я и ожидал, ставит глубину много меньше, чем надо бы. Взгляд на планшет, отдаю команды, в ЦП все как единый механизм, такой противник нам еще не попадался никогда. Проскакиваем за кормой «Айовы», выходим на авианосец, ему бы сейчас отвернуть вправо, кормой к возможной атаке, и самый полный. Но вот ордер поломать решится ли без разрешения флагмана? Еще пуск, снова одна торпеда. Мы не звери, чтобы устраивать союзникам геноцид, достаточно лишь нарушить их планы, мешающие нам, – что будут штатовцы делать с подранками посреди океана?

Отворот вправо, за корму эскадры. Готов имитатор, перепрограммированный под акустику немецкой «девятки» (запись с охоты на Люта). Пуск – курс сто пятьдесят, скорость девять. Взрыв торпеды, по докладу ГАКа, пеленг с авианосцем совпал. А мы отходим на вост, погрузившись на трехсотметровую глубину. Как только взрывы глубиннок остаются за кормой, прибавляем ход. Американцы вцепились в имитатор, бомбили сериями, с нескольких эсминцев, да ради бога, если боеприпасов не жалко.

В шести милях к восту решаемся всплыть на перископную и, подняв антенну, радировать от лица U-181. Что тут жирная дичь, возможно, подранки, спешите (а если найдут и добьют, мы-то тут при чем?). Хотя главный расчет на то, что сообщение перехватят американцы. И запеленгуют, конечно, – но мы, снова погрузившись на триста, даем максимальный ход, стараясь быстрее выйти из возможной зоны поиска. Идем на норд, затем сворачиваем к осту. Судя по акустике, американцы сбились в кучу, стоят на месте, а эсминцы мечутся вокруг, взрывы глубинных бомб все еще слышны нашей чувствительной аппаратурой. Ну а мы с «Краснодоном» успеем выйти из возможной зоны обнаружения. Вот зачем надо было бить авианосец, не утопить, но сделать неспособным выпускать самолеты! Контроль океана воздушным патрулем на сотни миль вокруг – нам это надо?

– С сообщением не поторопились, командир? – спрашивает Петрович. – Если U-181 успешно отстрелялась и в эфире, так кого тогда они там гоняют? Сообразят ведь про ложную цель...

– Как это кого? – отвечаю. – Героическую итальянскую лодку, которая тоже подкрадывалась к линкору, но немцы испортили ей всю охоту. Как стемнеет, заставим графа составить донесение. Пусть теперь головы поломают, кто отличился.

– Еще и третий кандидат есть, – замечает Сан Саныч, – которого мы у Испании утопил. Он ведь сюда шел?

– Мы не гордые, – отвечаю, – без нас разберутся, кому Рыцарский крест, а кого – в личные враги американского президента.

Может, и обошлось бы? Прошли бы мимо или послали бы какого-нибудь энсина, документы проверить, ну а бочки в трюме, бочки и есть? Мы все ж союзник, а не нейтрал, из английского порта идем. Диверсанту с добычей надо возвращаться тихо, невидимкой, не дыша... или напротив, с оглушительным шумом, пожаром и трупами, где-то в стороне. Стандартная процедура досмотра не опасна – ну а если в «Манхеттене» не поверили и сейчас активно ищут пропавшее? Что стоит разослать по флоту ориентировку, вид и количество пропавшего груза? И тогда энсин, строго повинуясь приказу, предложит «Краснодону» пройти до ближайшего порта союзников, а затем прилетят Те Кто Надо и посмотрят уже грамотно, ай эм сори, рашен, но вы должны понимать, война! Так что спокойнее...

И что теперь, всех приближающихся топить? Ну положим, пока не всех, трудно же будет объяснить кому-то, что делает в Северной Атлантике U-181, которая вообще-то шла в Индийский океан (а сейчас возвращается домой, согласно отправленной еще неделю назад радиogramме, для ремонта палубной артиллерии). Такое вот счастье выпало американцам, на нее натолкнуться. Может, все же было лучше «Айову» топить? Чтобы не довелось ей никогда стрелять по Корею, Вьетнаму, или что там будет в нашей версии истории?

Атака по рисунку была такой же, как мы наблюдали в Атлантике, только попав сюда, охота немецкой лодки на союзный конвой. Две торпеды, два попадания? Так это современный ГАК может показать, что торпед было по одной в каждом пуске (и то без стопроцентной гарантии), и это при том, что сигнал пишется и анализируется на комп, можно разложить на составляющие, прокрутить в замедленном, повторить. А в этом времени все на слух, сидит такой «моцарт» в наушниках, слушает шумы моря и крутит ручку, поворачивая антенну, – если сигнал сильнее, пеленг правильный. Если гидролокатор, добавляется еще «пик» на экране осциллографа, дающий дальность, привычные нам экраны кругового обзора появились лишь в пятидесятые. А чисто на слух уверенно сказать, что идет не одна торпеда, а две-три?

Сумеют что-то идентифицировать по обломкам торпед и следам взрывчатки? Так взрыв неконтактный, «водяным молотом» по корпусу, а не осколками ОФ-снаряда. И все это будет хорошо обмываться текущей водой при буксировке на несколько тысяч миль, так что о химическом анализе не стоит и говорить. И осколки не собрать, утопили на километровой глубине. Единственно, имитатор жалко, когда еще тут научатся делать такие?

А, что сделано, то сделано! Больше суток уже на ногах, «а вдруг завтра война, а я не выпавшись»? Если еще кого-то черт принесет... Так что можно сдать вахту Петровичу.

Интересно, если «Айова» ход потеряла или может лишь, как «Бисмарк», кругами ходить? Чем ее штатовцы буксировать будут? Особенно если на нашу радиogramму от лица U-181 немецкие подводники слетятся как мухи на мед? И авианосцу досталось – когда мы на связь выходили, вдали что-то здорово горело, дым на горизонте был виден хорошо.

А, к собачьим чертям все! Сначала выспаться, а там будет видно.

Отец-командир, оглядев все вокруг орлиным взором, не порядка не нашел и счел возможным покинуть ЦП.

Капитан Джон Мак-Кри, командир линкора «Айова».

Атлантика, 28 апреля 1943 года, координаты примерно те же, 36° северной широты, 25° западной долготы

Эти «волки Дёница» оказались намного более умелыми, чем мы могли ожидать. Эсминцы не заметили эту проклятую лодку до той самой минуты, как она выпустила торпеды. Восемь новейших эсминцев с самым лучшим оборудованием и вооружением! Но немец словно посмеялся над нами, после атаки даже не утруждая себя игрой в прятки, а уйдя в океан полным подводным ходом (если справочники приводят правильные сведения по немецким субмаринам).

Столь наглое поведение наталкивало на определенные мысли. У-боты охотятся стаями, и так открыто подставляться под удар глупо. Имело смысл увести за собой наше прикрытие, чтобы другая лодка беспрепятственно добила поврежденные корабли, тем более что убегающий немец был мастером, с великим искусством уворачиваясь от всех сброшенных глубинных бомб. Атака субмарины эсминцем совсем не простое дело, даже притом что в момент стрельбы до цели несколько сот метров, смешная дистанция для современного морского боя. Но всем знакома ситуация, когда оказывается сложным достать палкой предмет на дне водоема из-за преломления лучей света в воде и искажения всей картины. Звук отклоняется еще больше, а глубинные бомбы погружаются отнюдь не со скоростью полета артиллерийских снарядов, ошибка же в определении глубины цели сводит на нет самый лучший прицел. Немецкий командир же был, бесспорно, опытным бойцом – как сообщил мне командир эсминца «Хадсон», субмарина шла под нашими бомбами, как на смотре, не снижая скорости, показывая величайшую храбрость и мастерство, скорее именно второе, так, как когда стало очевидным, что кроме одного эсминца все прочие наши корабли сохраняют место в порядке, подлодка перешла на малозумный режим и будто растворилась в море как призрак.

Повреждения «Айовы» оказались достаточно серьезными. Были выведены из строя оба руля и три вала из четырех, то ли утеряны одна или две лопасти винта, то ли поврежден кронштейн, то ли, самое худшее, погнут сам вал – но ужасная вибрация при вращении, с поступлением воды в отсеки, заставила остановить оба вала правого борта и снизить обороты на внутреннем левом, так что мы едва могли менять курс, работая машинами «враздрай». Гораздо хуже пришлось «Белью Вуд», получившему торпеду прямо в середину корпуса – одно машинное отделение было полностью затоплено, и главное, из-за сотрясения, разрыва кабелей и трубопроводов, разрушения цистерн с авиабензином возник сильнейший пожар, который так и не удавалось взять под контроль.

И что интересно, с авианосца сообщали, что будто бы видели, как торпеда меняла курс, пройдя за их кормой и попав в правый борт, противоположный направлению на атакующую субмарину! Если это правда, то выходит, наша разведка сообщала истину, что у немцев разработаны торпеды, идущие на шум винтов, да и повреждения «Айовы» наводили на эту же мысль. А это было страшно.

Мы вообще не готовились всерьез воевать, черт побери! Подняв флаг всего лишь два месяца назад, мы должны были завершить боевую подготовку в учебном походе вдоль восточного побережья, от Чесапика до Флориды и обратно. Но кое-кому из политиков пришло в голову совместить этот «выпускной» поход с выполнением реальной боевой задачи. Ну, Генри, выскажу я тебе все про твою «гениальную» идею, дай только добраться до базы! А тебе, Джон Мак-Клоу, искренне желаю сначала постоять на мостике корабля в бою, а уже после строить наполеоновские планы! И тебе я это тоже припомню, Джеймс Форрестол!..

Нам сказали, что плохой парень, испанский каудильо Франко, посматривает в сторону Гитлера и, чтобы его вразумить, надо забрать у него Канарские острова, оборудовав там наши военные базы, в конце концов, чем Канары хуже Исландии или Гренландии, которые мы так же заняли по военной необходимости, не спрашивая дозволения у их номинальных хозяев, датчан? Так как Испания не держит там никакой вооруженной силы, да и вся таковая, имеющаяся у нее, выглядит просто смешно по меркам этой войны, мы должны были всего лишь побыть большим громилой с длинным кольцом, одним видом отбивая всякое желание сопротивляться

у этих глупых испанцев. Ну, может быть, придется пару раз выстрелить по берегу для большей убедительности. И олл райт, парни, вас ждет Тихий океан!

Тем же правилом руководствовались, подбирая остальных. «Белью Вуд», третий авианосец типа «Индепенденс», вступил в строй в марте, еще позже нас. Крейсер «Мобил» – аналогично. И пять эсминцев из восьми – что поделать, если Атлантический флот давно уже превратился в место кораблестроения и боевой подготовки новичков, а не поле боя? Атлантика большей частью была в зоне ответственности англичан. Пока у гуннов была сильная эскадра в Норвегии, мы тоже держали в Англии свой флот, но с тех пор, как «Тирпиц» был каким-то образом потоплен, не британцами, а русскими, что невероятно (как это новичок сумел взять приз, недоступный чемпиону высшей лиги!), наше командование сочло, что флот возле Гуадалканала гораздо полезнее, чем на якорях в Скапа-Флоу. В итоге, у меня в подавляющем большинстве корабли с зелеными новичками. А против играют беспощадные волки, подлинные мастера подводной войны. Если одна лодка сделала с нашей эскадрой такое, что будет, когда стянется вся волчья стая?

Сообщение с «Белью Вуд» – контр-адмирал Мак-Кейн получил тяжелые ожоги, не может исполнять обязанности флагмана. Командир авианосца и почти все офицеры, бывшие с ним на мостике, погибли при взрыве цистерн с бензином. Значит, я теперь веду эскадру? К дьяволу сомнения, бояться будем после! Мы все же отряд лучших кораблей мира, а не стадо беспомощных овечек! Надо действовать быстро и решительно, иначе нас всех съедят. И получают за нас свои железные кресты с мечами, бриллиантами и прочей лабудой.

Прежде всего, скорее убраться отсюда. Радиоконвою с войсками – немедленно поворачивать и уходить. Этот раунд испанский каудильо выиграл, острова останутся за ним, пока. Что до нас, то эсминцам барражировать вокруг, бросая бомбы на каждый подозрительный шум! «Айова» едва ковыляет, румпельный отсек затопило, господи, только бы не пришлось остановить машину на левый внутренний вал, потеряем управление полностью! Но все же мы можем идти и встретить залпами шестнадцатидюймовых любого врага... вот только не сунутся джерри над водой, не дураки, а их авиации здесь нет. А вот «Белью Вуд» ход дать не может, и пожар на нем никак не потушить.

Доклад от радистов – перехватили шифрованное сообщение, на волне, обычно используемой U-ботами. И судя по мощности сигнала, передатчик совсем недалеко от нас, а вот направление совершенно противоположное тому, куда ушла атаковавшая нас лодка. Она никак не могла оказаться там так быстро. Картина ясная – волки собираются в стаю. И это воет вожак, призывая остальных. Отчего не атакует сам? А зачем, если сейчас подойдут еще и навалятся всей сворой?

И если эсминцы не сумели отразить нападение одной субмарины, то что будет, когда на нас нападут несколько охотников, с таким же мастерством?

– Приказываю эсминцам: снять с «Белью Вуд» команду и добить авианосец торпедами, после чего отходить курсом норд-вест, триста пятнадцать и запросить немедленную помощь!

Может, не норд-вест, а норд-ост, в гости к англичанам? Нет, нас предупреждали, немецкие лодки выходят из Бискайского залива, одна их стая уже висит у нас на хвосте, вторая, более многочисленная, выйдет навстречу. И не факт, что британцы для нашего спасения будут очень стараться – эти прожженные эгоисты прежде всего думают лишь о себе. А вот наши, боясь за свои задницы и кресла, поспешат к нам на помощь. Может даже, снимут авианосную эскортную группу с конвоя. Если уж старались ради какого-то испанского корыта.

И помоги нам Господь, чтобы эти волки Дёница, которые уже, наверное, кружат рядом, не добрались до нас раньше!

*В это же время в Северной Атлантике (45° северной широты, 45° западной долготы),
28 апреля 1943 года*

Ей везло меньше, чем «сестре». И совершенно незаслуженно. Она была виновата лишь в том, что родилась позже, в совершенно неподходящее время. Сестра «Мэри» успела блеснуть в еще мирные, хотя и предгрозовые, тридцатые, на трансатлантических рейсах. И бизнесмены, и просто туристы, богатые американцы, среди которых путешествия по миру входили в моду (помните знаменитую «контору Кука, если вас одолеет скука, и вы захотите увидеть мир?»), охотно платили немалые деньги за билет: пять суток через океан, с точностью пассажирского поезда. А ведь были уже и авиарейсы, но те самолеты, четырехмоторные «клиперы» Сикорского, огромные гидропланы (на случай весьма вероятного отказа моторов и посадки на воду) еще не были серьезным конкурентом: что предпочло бы подавляющее большинство пассажиров, двадцать часов в кресле, под оглушительный рев моторов, или пять суток путешествия в гостиничных удобствах каюты-люкс?

Она, вслед за «сестрой», должна была стать торжеством Британии. После той Великой войны британский лев почил на лаврах, и большая часть рынка атлантических пассажирских перевозок, на которых раньше безусловно доминировали англичане, оказалась вдруг у континентальных конкурентов. Немецкие «Бремен» и «Европа», итальянский «Рекс», французская «Нормандия» – по сути, эти лайнеры делали ту работу, которую после взяли на себя многочисленные авиакомпании (оцените прибыль!). А вот бывшая «владычица морей» оказалась в стороне. Самым новым, большим и быстрым ее судном была «Мавритания», построенная еще перед той войной, одного типа с «Лузитанией», которую Черчилль сознательно подставил под торпеды немецкой подлодки, ради того, чтобы США вышли из состояния нейтралитета. Теперь же Англия не могла смотреть, как такие доходы уплывают мимо ее рук. И была построена сначала первая «сестра», «Куин Мэри», по последнему слову техники и науки, восемьдесят тысяч тонн (вдвое крупнее самого большого британского линкора), двенадцатипалубный плавающий дворец, где были бассейн, теннисный корт, площадки для игры в гольф и крикет, особое место для прогулок с животными, а также два кинотеатра, три библиотеки, три десятка салонов для бесед и танцевальных залов, где в каютах первого класса были не только ванна и душ, с горячей водой, но и персональные радиотелефоны для связи с берегом («межгород»!), и все это несется через океан со скоростью тридцать узлов. Постройка этого плавающего чуда света стоила колоссальных денег – однако уже через год цена проданных билетов окупила все затраты, дальше началась чистая прибыль.

«Элизабет» должна была стать еще лучше (ведь при ее строительстве использовался накопившийся опыт), быть чуть больше, чуть быстрее, чуть комфортабельнее, и на ней должны были быть те же двенадцать палуб, бассейн, корты, многочисленные общественные помещения и роскошное убранство кают. Она обещала затмить свою старшую сестру – но началась война. И «Элизабет», еще по сути недостроенная, совершила первый трансатлантический рейс, спасаясь от немецких бомбежек. В Нью-Йорке уже стояла ее «сестра» «Мэри», срочно переоборудуемая в военный транспорт, все элементы декорации, ненужная роскошь, демонтировались и сдавались на берег. А «Элизабет» нечего было и сдавать, всех этих внешних атрибутов «королевы» она так и не успела получить.

Первоначально, по проекту, обе «сестры» брали на борт по пять с половиной тысяч солдат вместо довоенных двух тысяч пассажиров. Это было сочтено расточительством, уже в конце 1941-го был отдан приказ довести штатную вместимость лайнеров до пятнадцати тысяч человек. Во всех свободных помещениях разместили многоярусные койки и гамаки, но мест все равно набралось лишь двенадцать с половиной тысяч, было разрешено принимать на борт еще три на палубу, сидя, так что невозможно было повернуться, спать приходилось по очереди. И это был еще не предел – в августе 1942-го был зафиксирован рекорд: «Куин Мэри» сделала рейс через Атлантику, взяв на борт шестнадцать тысяч шестьсот восемьдесят три пассажира и восемьсот шестьдесят три члена экипажа. «Черные королевы», названные так за окраску корпусов (хотя в войну сменили цвет на малозаметный серый), ходили не только в Атлантике,

их видели и Сидней, и Сингапур (естественно, до захвата его японцами). Но главным делом их жизни стала перевозка в Англию американских солдат для будущего «Оверлорда», случившейся в нашей истории высадки в Нормандии. Это были пехотинцы, танкисты, артиллеристы, не говоря уже о всяких тыловых службах – личный состав отдельно от техники, плившей в трюмах грузовых пароходов.

В нашей истории обе «королевы» отлично справились с этой работой, вдвоем перевезя больше трети всего личного состава экспедиционной американской армии. В оба конца – после войны они так же везли солдат обратно, домой. А затем было короткое торжество, когда младшая «сестра» получила наконец все ей положенное: и роскошную отделку, и славу, и деньги. Но Голубую ленту ей завоевать так и не удалось, а после жизнь снова оказалась к ней несправедливой. Уже в конце пятидесятых через океан полетели первые реактивные, и очень скоро большие лайнеры оказались не у дел. Но если «Мэри» была уготована почетная жизнь корабля-музея, пусть и не у себя дома, а в Калифорнии, в Лонг-Бич, то «Элизабет» была продана гонконгскому судовладельцу для переделки в плавучий то ли университет, то ли отель. Однако во время работ на борту вспыхнул пожар, и «Элизабет» сгорела дотла. А владелец честно получил страховку и продал металлолом.

Но история уже перевела стрелку. И судьба, по крайней мере, младшей «королевы» оказалась совсем иной.

Британский королевский флот, Роял Нэви, бесспорно, воевать умел. Но британские адмиралы никогда не встречались с противником, имеющим авианосцы, за исключением одного эпизода в апреле сорок второго, когда соединение Нагумо, то самое, «перл-харборское», вырвалось в Индийский океан и нанесло удар по Цейлону, попутно утопив в близлежащих водах авианосец «Гермес» и крейсера «Корнуолл» и «Дорсетшир». Британцы не имели тактических наработок против авиаударных групп. Впрочем, этим тогда грешили и американцы, новая тактика лишь зарождалась, проходила проверку опытом – чего стоит даже победоносный Мидуэй, когда два американских соединения, находясь рядом, так и не могли наладить взаимодействие, и победа пришла к ним скорее в результате невероятного везения, а не военно-морского искусства.

В данном же конкретном случае британцы сделали подряд три ошибки.

Первой ошибкой было то, что, получив сведения о выходе в море «Шарнхорста» и «Цепелина», они приняли за цель немецкого удара очередной северный конвой. Очень удачно совпало по срокам, да и желание отыграться за прошлые разы выглядело со стороны немцев логичным. Ну что же, джерри, мы вас ждем – в охране линкор, хоть и старый, «Ривендж», но с пятнадцатидюймовыми, и два авианосца, хоть и эскортники, типа «Арчер», но по десятку истребителей каждый выпустить может. И конечно, конвойная мелочь – но гуннам здесь сильно прищемили хвост, даже их субмарины бояться заходить далеко на север, бог знает как русским это удалось, но нам спокойнее, больше не надо бояться быть потопленными. Так что штаб уже связывался с командованием русского Северного Флота, готовясь делить славу в счет будущей победы. Головка улыбался, стараясь не показывать беспокойства. Это надо было немцам вылезти в море, когда К-25 ушла! Однако же и без потомков кое-что у нас есть – в море были развернуты подлодки с новыми торпедами, авиаполки на аэродромах Банак и Хебуктен готовились к удару, к Ту-2 подвешивались торпеды, авиаразведчики просматривали заданные районы. Отобьемся – не сорок первый, чай!

Второй ошибкой британцев было, что они не обеспокоились, потеряв связь с патрульным «Сандерлендом». Летающая лодка, тихоходная и слабовооруженная, не имела никаких шансов против Ме-109, поднятых на перехват с палубы «Цепелина». А адмирал Тиле, за последние полгода имевший кучу неприятностей от русской радиовойны, своевременно озаботился отдать приказ о глушении всех в диапазоне, используемом воздушными разведчиками. Лишь через шесть часов в эфир ушло распоряжение, патрульному самолету из соседнего района сме-

стить свой маршрут и посмотреть, но германская эскадра уже успела выйти из зоны обнаружения, и к тому же наступила темнота.

Третьим обстоятельством, даже, пожалуй, не ошибкой, было то, что британцы полагали поведение противника обычным рейдом. В то время как немцы быстро шли на конкретную, определенную цель, зная график движения «королев» и рассчитав приблизительно место и время встречи. Никто в штабе не удосужился послать на «Элизабет» предупреждение. Оно и не потребовалось бы, будь в паре с «Шарнхорстом» его близнец «Гнейзенау» или даже хоть сам «Тирпиц». От надводного противника «Куин» легко уйдет, это правило казалось незыблемым. Что с того, что номинально ход «Шарнхорста» тридцать один узел (на приемных испытаниях, в процессе службы – меньше), равен или чуть больше, чем у «Мэри» или «Элизабет»? Дело в том, что военные корабли способны развивать такую скорость на ограниченное время (чтобы не остаться без топлива посреди океана), лайнер же держит тридцать узлов весь рейс, все пять суток через океан! Так что шансов сблизиться практически нет, а с предельной дальности обнаружения линкор может расстрелять по быстроходной цели весь боезапас, не добившись ни одного попадания. Вот только от самолетов кораблю не уйти никак...

Жаль, что не удалось совершить все это в день рождения фюрера! Катапульты «Шарнхорста» выплюнула три бортовых разведчика «Арадо», один за другим, для поиска по вееру, чтобы компенсировать возможную ошибку. На борту «Цеппелина» уже готовили авиагруппу. Адмирал Тиле знал про опыт японского союзника, когда именно катапультные самолеты крейсеров искали цель, чтобы не ослаблять ударные эскадрильи. К тому же оставался шанс, что гидросамолет в удаленном районе океана случайный наблюдатель примет за свой, британский или американский, – а хорошо узнаваемые силуэты палубных «Штук» сразу укажут: авианосец рядом.

Адмирал не сомневался, что по возвращении его на берегу встретит гестапо. Станным образом это делало его решительным, развязывало руки – не надо было бояться что-то потерять, так как он уже потерял все. И оставалось лишь погромче хлопнуть дверью на прощание. Если уж не удалось добраться до русского «змея», так пусть за все ответят британцы. И даже если вверенная ему эскадра повторит судьбу «Бисмарка», это будет лично для него все же лучше подвала на Принц-Альбертштрассе, допросов, пыток и пули в затылок (а еще ходили слухи, что арестованных заговорщиков там насмерть забивают сапогами – нет, лучше уж умереть на мостике, войти в анналы героем, а заодно и обезопасить семью, ведь тогда ее не посмеют тронуть). Сейчас адмиралу казалось, что он понимает русских, которые, по утверждению пропагандистов, в каждый свой поход идут именно так, чтобы не быть по возвращении казненными НКВД. Впрочем, и японцы говорили что-то похожее о пути самурая? О возвращении не думать, выполнять задачу. А повезет остаться живым – хорошо.

И когда один из разведчиков доложил по радио: «Вижу цель, это она», – уже через четверть часа был отдан приказ о взлете ударной эскадрильи – поставлена задача, штурманы вычислили курс, самолеты и экипажи полностью готовы. Две девятки «юнкерсов» ушли к цели. Без истребительного сопровождения, за ненадобностью. Тысячи километров до берега, вражеских истребителей здесь не было и быть не могло.

На борту «Куин Элизабет», совершающей обычный рейс Нью-Йорк – Лох-Ю (в Шотландии), никто не подозревал о приближающейся угрозе. Даже когда вахтенные увидели вдали быстро приближающуюся группу самолетов. У восточного побережья США точно так же совершали учебные полеты эскадрильи палубной авиации – правда, до берега было уже далеко, но кто знает этих летунов, какие у них задачи? Никто не думал, что здесь может быть враг в небе. И никто из молодых американских солдат не видел вживую Ю-87.

Только когда «штуки» свалились на крыло, заходя в пикирование, на «Элизабет» поняли, что что-то не так. Но было поздно. Капитан успел отдать приказ «право на борт», сбивая бомбардировщикам прицел. Но лайнер в восемьдесят три тысячи тонн – это не эсминец. А по цели

без противодействия немецкие летчики умели бомбить очень хорошо. Каждый Ю-87 нес по одной полутонной бомбе и паре стокилограммовых. Попало больше десятка (сколько точно, установить не удалось). На борту было свыше четырнадцати тысяч американских военнослужащих, не считая почти девятисот человек экипажа (не лето, чтобы брать людей на палубу, но и не та политическая и военная обстановка, чтобы не напихать пассажиров во все внутренние помещения и даже коридоры). Многие погибли, даже не поняв, что случилось, возникли пожары. Но самыми опасными бомбами оказались две. Одна, всего лишь «сотка», разворотила радиорубку, лайнер не успел ничего сообщить. Вторая, полутонная, даже не попала в корабль, а взорвалась у самого борта. Но лайнер не линкор, не имеет ни брони, ни ПМЗ. Обшивка разошлась, и вода стала поступать внутрь. Повреждение не было смертельно опасным само по себе, но из-за него уже нельзя было дать полный ход, хотя котлы и машины не пострадали, так как бомбы взрывались выше, пробивая самые верхние палубы надстройки.

Ад продолжался, когда самолеты улетели. К чести молодых американцев, жаждущих скорее сразиться в Европе с сумасшедшим фюрером, паники не было. Многочисленные добровольцы пытались помочь экипажу пробиться через месиво, где только что были каюты, забитые людьми, найти живых и перенести вниз, в санчасть. По палубам и переборкам текла кровь, и продолжались пожары. Но страха не было – было лишь желание драться и отомстить.

Этой возможности им не дали. Когда через три часа на горизонте возник военный корабль, о чем поспешили доложить сигнальщики, многие на борту решили, что это их приключение закончилось, «большие хорошие парни» уже здесь и сейчас все возьмут под контроль. «Шарнхорст» не стрелял, пока не сократил дистанцию (жалко было тратить боекомплект, и ответного огня можно было не бояться), и лишь с двадцати кабельтовых дал залп всем бортом, из главного калибра и шестидюймовых, фактически прямой наводкой. Снаряды рвали «Куин Элизабет» на части, и даже те, которые не попадали, а взрывались рядом, осколками и взрывной волной сметали людей с открытых палуб. Кто-то бросался вниз в надежде спастись и сталкивался на трапах с теми, кто рвался вверх, не желая быть замурованным в отсеках и надеясь хотя бы увидеть, что происходит. Мостик был уничтожен одним из первых залпов, капитан лайнера погиб. Кто-то из уцелевших офицеров приказал спускать шлюпки, это удалось сделать лишь на правом, противоположном от врага, борту, все шлюпки левого борта были уже уничтожены или изрешечены осколками. И шлюпок, и плотов никак не могло хватить на пятнадцать тысяч человек. А вода в Северной Атлантике в апреле холодна, как зимой.

Глядя на костер вдали, адмирал Тиле испытывал чувства древнего викинга, поразившего врага. Ведь сегодня не ему отправляться в Валгаллу, а нескольким тысячам еврейских плутократов в ад! Огромный лайнер горел уже весь, с носа до кормы, страшно было смотреть, но на нем еще оставались живые. На палубе было заметно какое-то шевеление, и вдруг ожила одна из зениток, но снаряды легли с большим недолетом. Это обозлило адмирала, и когда горящая «Королева» наконец скрылась под водой, Тиле приказал продолжить огонь из стапятиммиллиметровых по скоплению шлюпок и плотов. А затем «Шарнхорст» прошел через то самое место, рубя винтами плотики и тела, и все свободные от вахты, приказом вызванные наверх, смотрели на торжество германского оружия, на плавающих недочеловеков, это вам, унтерменши, за наш страх, за гибель тысяч из нас в проклятом Норвежском море, за череду необъяснимых поражений! Германию и ее флот еще рано списывать со счетов!

– Домой? – с видимым облегчением спросил капитан цур зее Хюфмайер, командир линкора. – Курс норд-ост!

– Отставить! – бросил Тиле. – Мы не до конца выполнили приказ нашего великого фюрера максимально нарушить судоходство англичан! Где противник, от которого вы спешите убежать? Сейчас мы спустимся на юг, до основной трассы их конвоев, и будем охотиться там, пока позволяют топливо и боезапас. Герр кригс-комиссар, вы со мной согласны? Вахтенный офицер, запишите в журнал!

«Ну а после вернемся уже не в Норвегию, а в Брест, – подумал герр адмирал. – Английские бомбежки, еще один прорыв через Ла-Манш? После русского полярного ужаса нас этим не испугаешь!»

И никто на мостике «Шарнхорста» еще не предполагал, что выбранный ими курс через какие-то полторы тысячи миль (что это, по морским меркам, трое суток не самого полного хода?) пересечется с курсом покалеченной «Айовы». Расшифрованную радиogramму от лица U-181 передадут адмиралу только через час.

Через сутки Тиле прочтет еще одну радиogramму. Лодка U-195, по пути из Бордо в Индийский океан приняв радиogramму «камрада Люта», сумеет найти американскую эскадру. Восемь эсминцев с сонарами – это страшная сила, и корветтен-капитан Хайнц Бушшел благо-разумно решил стрелять со слишком большого расстояния, на пределе дальности хода торпед. Но линкор, едва ползущий восьмиузловым ходом и почти не управляемый, никак не мог уклониться. Одна торпеда взорвалась в носовой оконечности, сразу позади броневого траверза. Будь это японское «длинное копьё» с полутонной взрывчатки, все было бы кончено, поскольку ПТЗ «Айовы» рассчитывалась на семьсот фунтов (чуть больше трехсот кило) тротила, и скорее всего, рванул бы расположенный прямо за местом попадания погреб первой башни. Вес боеголовки стандартных немецких торпед составлял всего двести восемьдесят кило, но это был не тротил, а смесь с добавкой алюминия, так что возникло множество крупных и мелких неприятностей. В наружном борту образовалась пробоина размером семь на четыре, что отнюдь не способствовало улучшению ходкости. Все четыре переборки ПТЗ оказались пробиты, вода затопила погреб, лишив линкор трети боезапаса главного калибра. Вышла из строя антенна радара из-за разрыва кабеля и нескольких сварных швов в решетке. Башня номер один могла стрелять лишь в случае крайней необходимости, даже при подаче боеприпасов из второго погреба, через «бродвей». Броневая защита в этом месте (район погребов!) значительно ослабла. Было потеряно свыше четырехсот тонн топлива, зато принято через пробоину девятьсот тонн воды, корабль осел «свиньей», с дифферентом на нос (еще минус ходкость и управляемость). На фоне этого гибель семи человек из команды погреба была самой мелкой неприятностью (двое погибли при взрыве, пятеро были оглушены, ранены или контужены и не сумели выбраться из затапливаемого отсека).

А самое главное, что U-195, пережив яростную, но недостаточно умелую бомбежку, передала в эфир о встрече с американцами, указав состав эскадры, координаты, курс, скорость и факт вероятного повреждения главной цели. И это было лишь начало охоты.

Капитан Джон Мак-Кри, командир линкора «Айова».

Атлантика, 40° северной широты, 32° западной долготы, примерно 200 миль на запад от Азорских островов. 1 мая 1943 года

Господи, позволь нам быстрее унести ноги!

А как это сделать, если полный ход моей красавицы всего *восемь* узлов? И больше никак не дать, потому что, чтобы держаться на курсе, мы вынуждены работать левым внешним валом, единственным полностью исправным, назад. А вся тяга вперед, от левого внутреннего, с вибрацией, едва держим треть возможных оборотов, и от этого еще вычет реверса на левый внешний! И поступление воды через дейдвуд усиливается, пока успеваем откачивать, благо мощно-сти хватает, но стрелять кормовой башней категорически нельзя. И радаров у нас больше нет, накрылись магнетроны, что уцелело после первого попадания торпеды, не пережило второго.

Хотя я боялся большего. Что немецкие лодки сейчас навалятся на нас слаженной командой, взаимодействуя друг с другом. Неужели нам повезло выйти из зоны действия той, самой первой стаи? Последующие атаки все же носили черты импровизации, в них не было мастерства того ганса, который незаметно проник внутрь ордера, выбрал цель и демонстративно ушел под бомбами, как под обстрелом в полный рост. Вторая атака была опасна, будь на месте этого

гунна японцев, мы бы, наверное, взорвались. И плохо было то, что пострадал именно правый борт, теперь нас еще больше заваливало с курса вбок, пришлось увеличить обороты назад на левом внешнем, скорость упала с восьми узлов до шести, а про управляемость вообще молчу: сделать левую циркуляцию мы, наверное, не могли бы в принципе, вправо было легче, достаточно перевести левый внешний на полный вперед.

Слава Господу, к нам уже идет помощь. Сразу две противолодочные группы, одна во главе с авианосцем «Санфи» из Балтимора, вторая – авианосец «Кард», была снята с сопровождения британского конвоя. Когда мы достигнем базы и «Айова» наконец встанет в док, я позабочусь, чтобы у политиканов, которые послали в бой фактически еще не готовые к нему корабли, были очень большие проблемы. Надеюсь, старина Фрэнки не забыл еще своего помощника по военно-морским делам?¹⁴

А каким простым все казалось! Как отнять кошелек у старого калеки. Испания не имела в этих краях сколько-нибудь серьезной вооруженной силы – и чем Канарские острова хуже Кубы ли Филиппин? Кстати, операция не отменена, повернувшие было назад транспорта с десантом в сопровождении своего эскорта, четырех эсминцев, по требованию из Вашингтона продолжили путь. Что ж, теперь за эту авантюру отвечаю не я. Хотя угроза от немецких субмарин в этом случае даже меньше, поскольку острова ближе, а пятидюймовок эсминцев хватит, чтобы подавить испанское сопротивление. Но вот задницей чую, что у нас еще будут серьезные проблемы. Да, прав был мой дед, говоря: «Идешь охотиться на кроликов, на всякий случай приготовь заряд и на медведя». Когда мы наконец перейдем в Тихий океан – интересно, случится ли у нас там поход, столь же напряженный и опасный? Будет смешно, если окажется, что среди миссий «Айовы» за весь ее, без всякого сомнения, долгий и славный путь, самой жаркой окажется именно первая, учебная, когда мы и драться-то по-настоящему были не должны.

И очень мешали спасенные. Адмирал умер на второй день, его и еще два десятка несчастных, скончавшихся уже у нас на борту, похоронили в море, что не прибавило боевого духа остальным из экипажа авианосца – тысяча триста человек, и как вы думаете, куда их дели? Мало того, что в кубриках не повернуться... Казалось бы, лишние руки на борту, хоть для заделки пробоин и прочих ремонтных работ, но наш корабль был им незнаком, и те из них, кто был обожжен, не тяжелые, занявшие весь наш лазарет, но и легко раненные, которые могли бы нести службу, злостно уклонялись от работы, вели панические разговоры, что могло вредно повлиять уже на наш экипаж. Мой старший помощник вообще предложил «загнать это стадо куда-нибудь с глаз долой, чтобы не путались под ногами», на что я ответил: прекрасно, а знает ли он на корабле такое место, где поместить больше тысячи человек?

Безопаснее было бы идти противолодочным зигзагом, но для нас это, по понятным причинам, было невыполнимо. Так что вся надежда была на эсминцы. Они спасли нашу подраненную красотку, когда встретила еще одна субмарина, на этот раз немец вообще не рискнул приближаться и стрелял по «Мобилу». Одна торпеда попала в левый борт перед первой трубой, машины, котлы и погреба не пострадали, но из-за пробоины нельзя было развивать большой ход, и затопило централь – главный вычислитель СУО – хотя орудия остались целы, огневая мощь крейсера упала в разы. И вышел из строя радар, отныне мы во всем могли полагаться лишь на эсминцы.

Слабым утешением было лишь то, что этому волку Дёница уйти не удалось. Сразу два эсминца, «Вадсворт» и «Хелфорт», последовательно зашли в атаку, сбросив глубинные бомбы. Как донесли с эсминцев, картина была впечатляющей: море вспучилось, и с глубины вылетели огромные пузыри воздуха, соляр и обломки. И эта субмарина хоть не успеет донести остальным о наших координатах, курсе и скорости.

¹⁴ Д. Мак-Кри в 1942 году был помощником Франклина Рузвельта, до назначения командиром линкора «Айова». – *Прим. авт.*

Несмотря на все усилия, наш курс все больше отклонялся вправо, немного, по чуть-чуть, но постоянно. Так как для поворота влево на десять градусов пришлось бы сделать циркуляцию вправо на триста пятьдесят, то я решил скорректировать курс, когда он перейдет нулевое направление, чистый норд.

Было утро первого мая. Мы шли курсом 355, шесть узлов, при волнении три балла, слабая облачность, умеренный юго-западный ветер. «Мобил» теперь не шел впереди во главе завесы эсминцев, а держался правее нас, как раньше несчастный «Белью Вуд». Признаюсь, я приказал ему быть там, чтобы прикрыть наш пробитый правый борт от возможной атаки, но его скорость была выше, и он все время уходил с нашего траверза вперед, что было нежелательно, при возможной нашей потере управления и циркуляции вправо возникала опасность столкновения. В одиннадцать часов с «Хелфорта», идущего крайним левофланговым, передали о двух целях на радаре, по пеленгу 275, очень скоро они были обнаружены визуально, сначала мачты над горизонтом, затем обрисовались силуэты на предельной для дальномеров дистанции двенадцать миль.

Проклятые британцы! Как я узнал много позже, о *возможном* выходе в море «Шарнхорста» с «Цеппелином» они сообщили нам через несколько дней, среди *прочего!* А так как они уверяли, что цель выхода немцев – это очередной русский конвой, то штаб нашего Восточного военно-морского округа совершенно не был обеспокоен. И никто не озаботился сообщить нам, находящимся в зоне ответственности Североатлантического командования Британских ВМС! Оттого мы не могли подозревать даже о теоретической возможности встретить немецкий линкор в этих водах! И никто еще не знал о трагедии «Куин Элизабет».

Заметив нас, один из неопознанных кораблей резко повернул вправо, курсом на юг, сохраняя и даже увеличивая дистанцию, второй же продолжал идти курсом где-то 135, быстро сближаясь. Мы могли наблюдать его в ракурсе где-то под сорок пять, поэтому опознание по силуэту было затруднено. Кому-то на мостике он показался похожим на «Уичиту», но ведь она вроде в Тихом океане? Расстояние было слишком велико, чтобы можно было разобрать цвета его флага. А его ответ на наш запрос по радио не удалось расшифровать. Что было вполне возможным – поскольку в то время мы и британцы имели общий шифр и код лишь при выполнении конкретной совместной задачи, а связаться с британцем, занятым своим собственным делом, мы могли только через вышестоящий береговой штаб.

«Хелфорд», один из эсминцев нашего левофлангового дозора, доложил, что на его сигнал ратьером чужак ответил: крейсер его величества «Ливерпуль». Позже меня упрекали, что я не открыл огонь первым. Господа, вы считаете, что я должен был, совершенно не имея оснований, расстрелять и утопить корабль союзника, присутствие которого в том районе было весьма вероятным? Тем более, подчеркиваю, он был классифицирован как легкий крейсер, то есть никак не могущий причинить нам ущерб даже в самом худшем случае! Он открыто, днем, не показывая никаких враждебных намерений, сближался с нашей эскадрой, в то же время казалось, направляясь мимо нее, будто желая пройти у нас за кормой. Силуэт его, с носового ракурса, действительно имел некоторое сходство с британским крейсером типа «Таун», две трехорудийные башни в носу, высокая надстройка. Его размеры – простите, но это невозможно определить с точностью при расстоянии до цели в десять миль!

Мы были к нему в ордере едва ли не ближе всех, если не считать «Хелфорда», находившегося практически у нас на траверзе. Второй эсминец левого фланга, «Сигсби», шел тем же курсом, что и «Хелфорд», но на милю впереди. «Мобил» снова убежал вперед и был сейчас в створе нас и чужака. Была ясная погода с хорошей видимостью, волнение не больше трех баллов. Многие из нашего экипажа, свободные от вахты, вышли на палубу, наслаждаясь погодой. Я не знал тогда, что почти никто из них никогда не увидит своего дома и родных.

Когда до чужака осталось меньше девяти миль, пришел ответ с берега, что британского крейсера в этом районе быть не может. Тогда, возможно, это испанец? И в свете недавних собы-

тий вокруг Канар его намерения могут быть нам враждебны? Что ж, нашей красавице будет полезно впервые в ее пока еще короткой жизни пострелять по реальной мишени! Ну а если этот испанец остановится и спустит флаг, мне будет положена боевая награда – не так часто в современной войне удастся захватывать врага в плен, как во времена Нельсона. Пары залпов шестнадцатидюймовыми для легкого крейсера хватит в избытке. Играть боевую тревогу!

И тут чужак резко отворачивает вправо, приводя нас в сектор стрельбы всем бортом, и с дистанции восемьдесят пять кабельтовых открывает огонь, когда мы еще не были готовы отвечать!

*Линейный корабль «Шарнхорст», это же время и место
Адмирал устал бояться.*

Отчего он повел эскадру на юг после уничтожения «Элизабет»? Тому было две причины. Вид тысяч недочеловеков, беспомощно барахтающихся в воде, словно наполнил его силой, дал ощущение радости и покоя. Разве не эти жидо-американские плутократы были виновны во всех бедствиях, обрушившихся на бедную Германию? Разве не они, не решаясь вступить в открытый бой с германскими воинами, трусливо прячутся за спинами нанятых ими русско-азиатских орд? И разве не справедливо будет, если эти ублюдки наконец узнают на своей шкуре, что такое настоящая война? Потому что на карте, как-то добытой людьми Канариса (он последовал за Редером, но нельзя было заставить себя называть людей его ведомства иначе), были нанесены маршруты не только «королев», но и других атлантических конвоев. И уничтожить напоследок не один войсковой транспорт, а два-три, как повезет, было бы лучшим подарком судьбы, о котором адмирал не смел и мечтать.

Второй причиной было то, что адмирал категорически не хотел возвращаться в Норвегию. Британцы были противником знакомым, с ними все зависело от твоего умения, опыта, да и простого соотношения сил. А неведомый северный ужас, таящийся в глубине, был явлением иррациональным и непредсказуемым, он мог прийти за тобой в море в любой момент, внезапно, от него не было защиты. Адмирал помнил о своей клятве Ахава, и намерен был ее выполнить – но лишь когда у него будут знания и оружие, бросаться же сейчас в пасть неведомому русскому монстру было бы самоубийством, бессмысленным и бесполезным. И к своему счастью и спокойствию, адмирал не знал, что этот «ужас» и «монстр» сейчас мирно проходит в океане всего в тысяче миль.

Получив радиограмму с U-195, адмирал изменил решение. Конвой мог и не встретиться, а вот подбитый, израненный враг близко и идет навстречу. А в случае его потопления все лавры победителя, бесспорно, достанутся тому, кто нанес завершающий удар.

– Это безумие, – обреченно сказал Хюфмайер, командир «Шарнхорста», узнав, что новая цель похода – это поврежденный подводниками новый американский линкор. – Нас просто расстреляют раньше, чем мы сможем причинить им какой-то вред.

– У нас есть авианосец, у них нет, – ответил адмирал, – посмотрим, насколько хороши птенцы Геринга над морем: ударим издали, а дальше будем смотреть. И если повреждения будут фатальны, добьем.

В сообщении с лодки противник значился как «линкор типа Вашингтон». Адмирал знал, что кроме первых двух, самого «Вашингтона» и «Норт Каролины», янки построили, по измененному проекту, еще четыре типа «Саут Дакота». А сейчас строят какие-то еще более мощные, те же сорокасантиметровые пушки, зато скорость тридцать пять узлов, как у эсминца, и бортовая броня сорок шесть сантиметров, за сведения спасибо демократической прессе¹⁵. Это

¹⁵ Тут Тиле ошибается. В отличие от японцев, американцы предпочитали завышать заявленные характеристики своих кораблей, «чтобы боялись». Хотя даже в серьезных справочниках линкоры «Айова» называют тридцатипятиузловыми, реально во время службы у этих кораблей лишь однажды была зафиксирована скорость свыше тридцати узлов. А толщина поясной брони у них была 307 миллиметров. Вот пушки были не те, что на типе «Саут Дакота», а более мощные, с удлинением

был очень опасный противник, справиться с ним будет нелегко. И если командир и офицеры «Шарнхорста» наконец смирились, что им придется идти в этот бой, уверовав, что наш адмирал знает, что делать, то сам адмирал не был так уверен.

Полезность палубной авиации в морской войне не была для него секретом. Он не верил до конца именно в «птенцов Геринга», зная о долгих разногласиях между люфтваффе и кригсмарине¹⁶. Помня о роли, которую авиагруппа сыграла в потоплении «Элизабет», он намеревался использовать ее и в этом бою – но категорически отказывался сделать на нее главную ставку, надеяться исключительно на ее удар. Авиагруппа «Цеппелина» насчитывала сейчас десять истребителей Me-109, две девятки пикировщиков Ю-87С, одна девятка более новых Ю-87Е, которые могли быть и пикировщиками, и торпедоносцами, и отдельной строкой, девятка «Физелер-167», эти архаично выглядевшие бипланы когда-то хотели сделать главным оружием «Цеппелина» (впрочем, похожие на них «Суордфиши» еще в прошлом году были основным палубным торпедоносцем у британцев), затем здравый смысл потребовал сделать торпедную версию «Штуки», все же более совершенного самолета, бипланы же, оставшиеся не у дел, были сведены в отдельную береговую эскадрилью в Голландии. Когда достроенный наконец «Цеппелин» уходил в норвежские воды, выяснилось, что нужное количество Ю-87Е сделать не успели, тогда и вспомнили о «Физелерах», оказавшихся под рукой, причем в составе слетанной эскадрильи с боевым опытом. Тем более у биплана было еще одно ценное качество: он мог взлетать с палубы с подвешенной семисоткилограммовой торпедой в штатном режиме, а Ю-87Е требовались пороховые ускорители, что было делом ненадежным и опасным. Сорок шесть самолетов (по проекту, сорок два, но четыре сверхштатных все же ухитрились погрузить) выглядели силой, но Тиле, по опыту японских союзников знал, что для потопления линкора с мощной ПВО этого мало. И вопреки тому, что говорил офицерам, укреплялся в мнении: в этом бою авиация окажет помощь, но ни в коем случае не сыграет главную роль.

Что же тогда? Тиле представлял, проигрывал в воображении бой с американской эскадрой, пытаясь придумать, как ему выиграть эту битву, не получив значительных повреждений. Потому что слишком далеко до дома, даже до Франции, боееспособный корабль может прорваться, подбитый же нет. Бой линкора с линкором – вот только, при равном числе стволов (девять) и примерно одинаковой скорострельности каждого (три выстрела в минуту, технический предел, два выстрела в практике), у американца калибр сорок сантиметров, при весе снаряда больше тысячи двухсот килограмм, а у «Шарнхорста» всего двадцать восемь сантиметров и триста килограмм! И американский линкор почти вдвое крупнее и лучше бронирован, он может без вреда для себя вынести и десятки попаданий немецких снарядов, а вот для «Шарнхорста» один американский снаряд означает тяжелые повреждения, девяти же таких попаданий хватило для потопления японскому линкору «Кириисима». Если коротко, то немецкая броня пробивается американскими пушками на любой дистанции и с убийственным результатом, а вот янки будет уязвим лишь вблизи, и с много меньшим эффектом. И классическая дуэль линкоров на обычном расстоянии, скорее всего, на втором или третьем обмене залпами приведет к взрыву погребов «Шарнхорста» от прямого попадания или потере хода, и тогда эсминцы его добьют.

Решение не находилось. Но адмирал чувствовал, что оно есть, и где-то рядом. Его нет в рамках строгих военно-морских правил? Когда-то давно основным правилом считалось в сражении сохранять строй, боевую линию, чего бы это ни стоило (оттуда и осталось название «линейные корабли»). Правило было столь нерушимым, что британцы вешали своих капитанов, посмеявших его нарушить. Но великий Нельсон не боялся ради победы ломать строй. Хотя русские утверждали, что еще раньше это делал их Ушаков.

ным стволом. – Прим. авт.

¹⁶ Именно из-за них в нашей ветви истории не был достроен «Цеппелин». – Прим. авт.

«А как бы поступил на моем месте русский адмирал? – подумал вдруг Тиле. – Тот, который побеждал меня на севере, всегда находя какой-то неожиданный поворот?»

Как подобает верному солдату рейха, герр Тиле ненавидел русских. Но такого умелого и опасного врага следовало уважать. Так что бы сделал русский, умевший побеждать меньшими силами и при невыгодном для себя положении? Я не касаюсь сейчас полярного демона, но ведь и сами русские, пусть и имея его за спиной, действовали очень умело, что стоит их последний бой у Нарвика?

Русский бы разорвал строй, откинув правила. И действовал бы, исходя не из общих принципов, а конкретной обстановки. Придумал бы то, что от него совсем не ждут. И вдруг Тиле увидел решение, оно было на грани фола, но красивым. И могло, нет, должно было сработать.

Необходимое условие: янки действительно поврежден настолько серьезно. Восемь узлов и, скорее всего, еще и проблемы с управлением. Значит, он не может быстро бегать и вертеться. Что требуется: «Шарнхорсту» придется сражаться совсем не по-линкорному, а в стиле миноносцев или даже торпедных катеров, лишь с артиллерией вместо торпед. Если я изложу свой план Хюфмайеру, он, пожалуй, решит, что его адмирал сошел с ума. Значит, не надо ничего ему говорить заранее.

Экипажу не было дела до этих раздумий Тиле. Матросы были довольны, это ведь приятное дело – смотреть сверху вниз на уже побежденного, утопающего врага, особенно когда в него можно плюнуть, бросить помоями, да и просто смеяться, глядя, как эти американцы цепляются за свою никчемную жизнь? Ну а что будет завтра, то адмирал и фюрер знают, они к плохому не приведут.

Американская эскадра была обнаружена накануне вечером. У пилота самолета-разведчика хватило ума не приближаться, снизившись почти к самой воде, внимательно рассматривая противника, его состав, ордер, курс, скорость. Тиле подумал с удовлетворением, что его предположения подтвердились: шесть узлов – это было слишком мало даже для экономичного хода и показывало серьезные повреждения корпуса, машин или винтов. Однако никакого внешнего урона не было заметно, что давало основания считать огневую мощь врага полноценной.

Офицеры на мостике «Шарнхорста» не скрывали своего беспокойства. Надо было срочно убегать, пока американцы не разобрались. Может, и уйдем, если повезет. У американца главный калибр бьет на сорок пять километров, сейчас взлетит бортовой самолет-корректировщик, и все будет кончено, не меньше десятка залпов ляжет накрытием прежде, чем «Шарнхорст» с «Цепелином» успеют выйти из зоны поражения, и достаточно повреждения, вынудившего сбавить ход, дальше врагу останется лишь их добить.

Один лишь адмирал сохранял железное спокойствие. Выйдя на мостик и выслушав доклад, он лишь усмехнулся и начал отдавать приказания, короткие, четкие, деловые.

«Цепелин» резко взял вправо, уходя от эскадры прочь. А сам «Шарнхорст» стал сближаться с врагом. Ордер американцев был: в центре линкор, за ним и чуть впереди крейсер, четыре эсминца строем фронта далеко впереди, два эсминца уступом на левом фланге, на траверзе линкора, и можно предполагать, что на правом фланге такое же охранение. Тыл эскадры, за их кормой, был совершенно открыт, именно туда устремился сейчас «Шарнхорст», оставляя левофланговую пару эсминцев к северу от себя.

До вражеского линкора было двенадцать миль, уже можно было стрелять, но адмирал не давал команды. Враг имеет подавляющее огневое преимущество, особенно на дальней дистанции. А значит, надо расстояние сократить. И поскольку американец явно поврежден и с трудом маневрирует, то самым выгодным будет держаться у него за кормой, в секторе обстрела лишь одной его башни, три орудия вместо девяти.

Только бы подпустили! Не показывать пока враждебных намерений. Идти как будто мимо. На радиозапросы отвечать бессистемным набором цифр. Ратьером сигналить: «крейсер

его величества». Только бы подпустили поближе! Что это значит, в морском бою? Десять миль до вражеского линкора, для глаза это всего лишь точка на горизонте. И это совсем немного для морской артиллерии.

Восемь с половиной миль. Доклад с дальномера, американец разворачивает на нас орудия, отчего-то лишь вторую башню (носовую, возвышенную). Что ж, удалось хорошо сорвать дистанцию без выстрелов, тоже очень неплохо. А что будет после? Об этом лучше не думать. Не думать о том, как двадцать восемь лет назад другой «Шарнхорст» возле Фолклендских островов так же сближался с английскими дредноутами, и никто из того экипажа, включая самого адмирала Шпее, не остался в живых.

Право руля – приводя американца в сектор обстрела всем бортом, включая кормовую башню. И залп – сначала фугасными, пусть не пробьют американскую броню, но вызовут пожары и разрушения в надстройках, выбьют оптику и радары, системы управления огнем и незащищенные броней зенитки. Внезапность дала преимущество, немцы успели пристреляться, добиться накрытий и наконец поразить «Айову» четырьмя снарядами подряд, причем один из них уничтожил носовой КДП. Это не решало еще ничего, на американском линкоре оставался кормовой, точная его копия, и резервный, на крыше боевой рубки.

На палубу, товарищи, все на палубу!
Наверх для последнего парада!
Гордый «Шарнхорст» не сдастся,
Нам не нужна пощада!

Кто из экипажа первым запел эту песню, осталось истории неизвестным. Но через минуту пели все. Как немецкие матросы в сражениях еще той войны, Гельголанд, Доггер-банка и, конечно же, Ютланд, меняя лишь название корабля и еще некоторые слова: например, «британская сволочь» вместо «желтых чертей». Думал ли немецкий поэт Рудольф Грейнци, что написанная им песня станет популярной у моряков двух держав, воюющих друг с другом? Впрочем, и в России не все знают, что «Варяг» изначально был переводом с немецкого. Как не знали и матросы «Шарнхорста», что поют ту же песню, что пели бы русские, идя в бой, который сами бы считали последним.

Попадание. Шестнадцатидюймовый снаряд ударил в лоб второй башни главного калибра. Хотя броня не была пробита, башню перекосило на катках, она не могла больше стрелять. В самом начале боя «Шарнхорст» лишился трети своей артиллерии. Но отступать уже было нельзя.

Слева шли в атаку эсминцы. Шли очень глупо, не вместе, один сильно опережал. Шестидюймовки левого борта последовательно сосредоточили на них огонь. Головной «Флетчер» поймал подряд три снаряда, затем еще два, запарил, потерял ход. Второй не отвернул в своей красивой, но бессмысленной атаке, когда он поравнялся с подбитым, то тоже получил снаряд, рухнула труба, в середине корпуса взметнулось пламя, и эсминец, теряя разбег, стал отползать назад. Тех, кто шел далеко впереди и на другом фланге, можно было пока не принимать в расчет из-за расстояния. Крейсер был скрыт корпусом «Айовы», стрелять не мог. Единственным, и самым страшным противником, оставался сам линкор. Но вместо того, чтобы развернуться влево, сохраняя немцев в секторе обстрела, он лег на циркуляцию вправо, очень медленно, неуклюже – и тем самым отдал «Шарнхорсту» мертвый сектор у себя за кормой. Адмирал Тиле не ждал такого подарка, но не упустил случай. Обрезая корму «Айове», немецкий корабль безжалостно избивал ее, пусть всего из шести стволов. Кормовая надстройка американца вместе с КДП была вся охвачена пламенем. Одну из башен зенитных универсалов вскрыло внутренним взрывом, как консервную банку.

Крейсер, остающийся впереди «Айовы», повернул вместе с ней. Впрочем, ему опасно было сохранять прежний курс или поворачивать влево из-за угрозы попасть под таран своего флагмана. Он тоже стрелял, но как-то неэффективно, ни один из выпущенных им снарядов, судя по всплескам, шестидюймовых, в «Шарнхорст» не попал.

Четыре эсминца из завесы по курсу дружно повернули назад. Пока до них было еще далеко, больше девяти миль. Но еще два эсминца, шедшие в правофланговом дозоре, быстро приближались, пока закрытые от «Шарнхорста» корпусом «Айовы». Она же, хоть и медленно, но неумолимо завершала разворот, позволяющий ей ввести в действие шестнадцатидюймовки. Дистанция семь миль, с такого расстояния «Шарнхорст» был весь «прозрачен» для таких снарядов. Хотя «Айова» уже получила от немцев больше десятка попаданий, но, несмотря на пожар, несильно потеряла в первоначальной боеспособности.

И тогда Тиле приказал повернуть снова, уже влево, повторно обрезая противнику корму. Будь «Айова» неповрежденной, игра не имела бы смысла – но покалеченный линкор поворачивал медленно, немец почти успевал обойти его по широкой дуге, оставаясь за кормой. Кормовая башня самого «Шарнхорста» временно осталась вне игры, за неимением другой цели старший артиллерист приказал дать пару залпов по злосчастному подбитому «Флетчеру» в семи милях слева, его напарник уже затонул. Один снаряд попал, еще два взорвались у борта, решета корпус и надстройки, сметая с палубы людей. Эсминец остановился, сев на корму, похоже, что он тоже был обречен.

Никто, включая артиллериста, не мог после внятно объяснить, как случилось, что, возобновив огонь по «Айове», кормовая башня перешла с фугасных на бронебойные снаряды. Семьдесят пять кабельтовых, снаряды шли в правую раковину «Айовы». Какова была вероятность ТАК попасть? По идее, с семи миль двадцативосьмитрехмиллиметровые снаряды вообще не должны были брать пятисотмиллиметровую броню башен главного калибра американца... Это было еще не «золотое» попадание, когда вражеский корабль уничтожается одним выстрелом, в мировой военной истории такие случаи можно счесть по пальцам. Но то, что американцы называют лаки-шот. Каким-то образом продравшись сквозь броню, снаряд взорвался внутри башни «Айовы», той самой, номер два, носовой возвышенной, единственной, которая могла стрелять! Впрочем, было высказано предположение, что в тот момент башня была развернута к противнику боком, где броня составляла всего 240 миллиметров. И американцам еще повезло, что не сдетонировал погреб, ведь «Айова» не имела под башней перегрузочного отделения, специально предназначенного, чтобы огонь не пошел вниз, в погреб, по цепочке подаваемых картузов с пороховыми зарядами. Линия подачи просто была разделена несколькими броневыми дверями, проверить эффективность этой меры защиты в нашей истории не довелось. Но также осталось достоверно не установленным, что именно – эта предосторожность или что-то еще – спасло «Айову» от немедленной гибели, поскольку из расчета башни не остался в живых никто.

На «Шарнхорсте» в этот раз сразу поняли, что произошло. И начался уже безнаказанный расстрел. Но два эсминца с правого фланга были уже на подходе, разогнавшись с экономических двенадцати до полных тридцати узлов, прикрываясь горящей «Айовой», они оставались пока незамеченными и были готовы выйти в атаку.

Зато Тиле увидел, как крейсер начал циркуляцию влево, волоча за собой хвост дымовой завесы. «Айове» достаточно было повернуть и пройти не так много, чтобы скрыться за ней, – но она продолжала идти курсом 60, принимая в себя новые немецкие снаряды. Хоть так, своим корпусом прикрывать эсминцы от немецкого огня. И они выскочили навстречу «Шарнхорсту», практически лоб в лоб, тридцать пять кабельтовых дистанции, и шестьдесят узлов скорости взаимного сближения.

Эсминцам надо было стрелять торпедами сразу, в первый же момент. У них были все шансы не промахнуться. Но молодой, неопытный, и потому отчаянно смелый командир «Хад-

сона» решил бить наверняка, еще немного, чуть-чуть, расстояние сокращалось стремительно, и так же быстро росла вероятность поразить цель. Еще чуть-чуть, еще секунда. И этой секунды у него уже не было. Первая башня «Шарнхорста» была развернута очень удачно, уже заряжены фугасные. Носовую надстройку «Хадсона» вместе с мостиком и передней трубой просто снесло, вспыхнул сильнейший пожар. По идущему следом «Бронсону» отработали шестидюймовые, попадание в мостик, в машину, пожар, ход эсминца сразу упал до пятнадцати узлов. Это была классика военного неумения, характерный пример: насколько вреден ввод в бой своих подразделений по частям. У двух эсминцев не ночью, а в ясный день, при малом волнении, против несильно поврежденного линкора шансов нет.

В боевой рубке «Шарнхорста» царила эйфория. Так не бывает, это не орднунг¹⁷, а полный разрыв шаблонов и попираание устоев военно-морской науки! Одиночный рейдер вообще не должен был атаковать эскадру, значительно превосходящую его в силах. Одиночный артиллерийский корабль категорически не должен сближаться с противником, превосходящим его весом залпа и бронированием. Рейдеру опасно идти сразу на главную цель при невыбитом эскорте. И еще множество пунктов помельче неписаного военно-морского кодекса, именуемого «тактика в боевых примерах». Однако это случилось, явная победа, линкор-недомерок бьет намного сильнейшего противника! «Айова» горит, вся кормовая надстройка от башни до трубы как сплошной костер. Что будет с янки дальше, он взорвется или утонет?

И тут прилетели самолеты, две девятки Ю-87. Тиле подумал, что и тут он оказался абсолютно прав, не доверяя геринговским выкорышам – как бомбить почти беззащитный транспорт – они готовы, а против сильного врага выжидают, интересно, какую «уважительную причину» придумал их командир, помешавшую быть над полем боя раньше? «Цеппелин» совсем рядом, за горизонтом, долго ли лететь? Но выжидали, пока у янки будет выбита ПВО. Хоть сейчас сработайте как надо!

Половина все же отбомбилась по «Айове» (хотя Тиле заметил, некоторые сворачивали с курса, явно боясь зенитного огня). Хуже всех пришлось тройке, выбравшей мишенью «Мобил» – ПВО крейсера была в полной исправности, шесть спаренных 127-миллиметровых башен, таких же как на «Айове» (на линкоре их было десять). Две «Штуки» были сбиты, последний едва успел увернуться, сбросив бомбы в море, крейсер никаких повреждений не получил. Еще один Ю-87 был сбит зенитками «Айовы», огонь с нее был слаб и неточен, фугасные снаряды орудий «Шарнхорста», взрываясь в надстройках и на палубе «Айовы», разбивали тонкую броню зенитных башен, выносили батареи 40-миллиметровых «бофорсов», выкашивали зенитчиков, которых не догадались приказом убрать с открытых боевых постов. Наконец два последних звена «Штук», найдя, что и такой риск для них чрезмерен, отбомбились по двум покалеченным эсминцам, не представлявшим уже никакой опасности и готовым вот-вот затонуть. И добив подранков, быстро исчезнувших с поверхности, полетели домой с чувством выполненного долга – старательно не вслушиваясь в то, что им вслед орал в микрофон взбешенный адмирал Тиле (самым мягким из его выражений было «гуси беременные»). Хорошо еще, не отбомбились по своим, что реально бывало. Впрочем, пилоты палубной авиации обязаны уметь отличать собственного носителя и его эскорт, если сами хотят жить.

«Айова» получила четыре попадания полутонных бомб, что заметно прибавило на ней пожаров, но упорно не тонула. Дальше какое-то время ничего значимого не происходило. «Шарнхорст» стрелял средним калибром по эсминцам, накатывающимся с севера, с пятидесяти пяти кабельтовых, ни одного попадания, наверное, у наводчиков глаза разбежались от изобилия целей. Кормовая башня «Шарнхорста» молчала, в ее секторе обстрела была лишь «Айова», но Тиле решил пока не тратить снаряды, считая линкор полностью небоеспособным и решив уделить главное внимание «Мобилу» и эсминцам. Наконец с семидесяти кабельтовых

¹⁷ Ordnung – порядок (нем.)

залп «Шарнхорста» достиг цели. Как и ожидалось, американец не мог сражаться с линкором, против слабо бронированных кораблей 283 миллиметра были вполне действенны, в отличие от «Айовы». Крейсер лишился обеих носовых башен (в одной из них бушевал критический пожар, огонь грозил достичь погреба) и передней трубы, осел носом, ход его упал до двенадцати узлов. «Шарнхорсту» это стоило небольшого снижения скорости из-за попадания в нос двух стапятидесятидвухмиллиметровых снарядов.

Четыре эсминца бывшей передовой завесы выходили на расстояние торпедного удара. У этих эсминцев был опытный командир: видя, чем может завершиться попытка атаковать накоротке, как торпедные катера, он решил стрелять с большой дистанции, зато «гребенкой», когда корабли, идущие строем фронта, одновременно поворачивают бортом и пускают торпеды с интервалами, накрывая площадь, как ковром. Этот метод требовал, однако, очень точного выдерживания строя, чтобы «гребенка» получилась идеально ровной и равномерной. Но снова вмешался случай...

В эту минуту над «полем боя» наконец появились немецкие торпедоносцы. Строго говоря, по правильной тактике они и пикировщики должны были атаковать одновременно и с разных направлений, раздвигая зенитный огонь. Но взлет Ю-87Е с тележки, с использованием пороховых ускорителей, был сложной и опасной процедурой, и сами ускорители иногда взрывались, поэтому заниматься этим на палубе, где стоят еще две эскадрильи с полными баками и подвешенными бомбами, сочли опасным. И пикировщики ушли первыми, за ними стартовали торпедоносцы. Последними взлетели «физелеры», тоже с торпедами, хотя их применение в этом бою первоначально не планировалось, слишком малыми казались шансы у старых бипланов против новейшего линкора с мощной ПВО. Но Тиле, узнав об этом в последний момент, потребовал не упускать возможность поразить врага хоть еще одной торпедой (ну а если эти этажерки столь плохи, значит, и о потерях не стоит сожалеть).

Произошло невероятное: один из «юнкерсов» – торпедоносец сумел попасть торпедой в эсминец, идущий полным ходом! Эскадрилья заходила в атаку на линкор, но у одного из пилотов не выдержали нервы, и он, сбросив торпеду, отвалил в сторону, эсминец всего лишь оказался на пути, фатально не повезло. Летчик переживет эту войну, станет кавалером Рыцарского креста и напишет мемуары, где будет утверждать, что нарушил приказ сознательно, увидев угрозу кораблю рейха. Его никто не станет опровергать, Германии нужны герои. Результат превзошел все ожидания: среди американских моряков и раньше ходили слухи, что немецкие торпеды самонаводятся на цель, сейчас же они увидели это воочию. Три пока неповрежденных эсминца шарахнулись кто куда, ведя бешеный зенитный огонь (два торпедоносца были сбиты, спасибо герою!), атака была скомкана полностью, в то время как артиллеристы с «Шарнхорста» успели наконец пристреляться. Поврежденный торпедой («Флетчеры» были очень живучи, одной легкой авиаторпеды было мало, чтобы утопить) и еще один эсминец, его сосед, по которому отстрелялась носовая башня главного калибра, исчезли с поверхности, не успев дать торпедный залп. Третий эсминец, с креном на правый борт и пожаром в надстройке, пустил торпеды наобум и свернул, пытаясь укрыться за тушей горящей «Айовы». Но последний эсминец бросился в самоубийственную атаку, окруженный лесом всплесков от падений стапятидесяти- и стапятидесятидвухмиллиметровых снарядов, с его палубы летели обломки, разгорался пожар, но машины не были повреждены, и эсминец летел сквозь огонь, стреляя из трех уцелевших орудий. Потребовались целых три залпа двухсотвосьмидесятимиллиметровых из кормовой башни, чтобы он зарылся носом в волны и затонул с креном на правый борт.

Из шести оставшихся торпедоносцев два пошли на «Мобил» и были сбиты, один за другим. ПУАЗО крейсера не были повреждены, исправно выдавая целеуказания для оставшихся зенитных башен и «бофорсов». Видя такое, четверка, идущая на «Айову», сбросила торпеды со слишком большой дистанции и поспешила выйти из атаки. Одна торпеда, однако, попала, и удачно, в корму. ПТЗ выдержала, но из-за сотрясения началась фильтрация воды в погреб

третьей башни, левый внешний вал тоже начал бить. «Айова» пыталась скрыться в дымовой завесе, поставленной «Мобилом», но скорость упала совсем.

Крейсер вылез вперед, очень некстати для себя. Избитый, горящий, накренившийся, лишенный половины своей артиллерии, он все пытался прикрыть флагмана. Этим он добился лишь того, что Тиле приказал сосредоточить огонь на нем. Сделать это было, правда, не так просто, так как в башне номер один закончились снаряды. Но и трех двухсотвосемидесятитрехмиллиметровых орудий и нескольких стапятидесятимиллиметровых оказалось достаточно для тяжело поврежденного крейсера. А сорок кабельтовых, четыре мили, для такого калибра это огонь практически в упор. «Мобил» сумел выдержать лишь еще четыре тяжелых попадания и около десятка среднекалиберных. Затем его палуба в носу вспучилась, и сверкнула вспышка, это взорвался погреб, несмотря на отчаянную борьбу с пожаром. Из экипажа не спасся никто – и неизвестно, кто командовал «Мобилом» в эти последние минуты, ведь его рубка и мостик были разрушены прямым попаданием еще до неудачной атаки эсминцев.

Тут появляется последняя эскадрилья. «Физилеры» наконец добираются к месту боя (слишком долго, даже считая, что их скорость меньше, чем у Ю-87, и взлетать приходится последними). И ровно, как на учении, выходят в атаку на «Айову». Как не хватает сейчас янки «Мобила» с его прореженной, но до последних минут грозной ПВО, лишь один биплан сбивается, да и то не линкором, а выскочившим из дыма эсминцем, намеревающимся встать на место «Мобила». Зато остальные восемь, воодушевленные видом огромного, горящего, почти не сопротивляющегося врага, сбрасывают торпеды почти вплотную, с «Айовы» стреляют не только из эрликонов, но и из томпсонов и даже пистолетов, один из штурманов ранен в ногу пулей сорок пятого калибра. Шесть торпед впиваются в борт линкора, вскрыв ПТЗ почти на всем протяжении.

Что до эсминца, то он уйти назад в дымзавесу не успел, расстрелянный из стапятидесятимиллиметровых, полностью потеряв ход. «Флетчеры» были очень живучими кораблями, у них было по два дизель-генератора, каждый в своем изолированном отсеке (не считая агрегатов на каждой турбине), что позволяло бороться с пожарами и откачивать воду при повреждениях, смертельных для любого другого корабля таких размеров, при разовом сильном ударе, как, например, атака камикадзе, но не при непрерывном огневом воздействии. Повреждения быстро нарастали, и, потеряв ход, эсминец опрокинулся на правый борт.

«Айова» не тонула, но уже и не стреляла, и Тиле решил сблизиться. На «Шарнхорсте» было два трехтрубных торпедных аппарата, по замыслу предназначенных для того, чтобы в рейдерстве добивать захваченные призы, не тратя снаряды. Это оружие считалось настолько вспомогательным, что даже не имело закрепленной за ними команды, обслуживать аппараты должны были матросы-зенитчики, помимо своих прямых обязанностей. И восемь запасных торпед хранились тут же, на палубе, в стальных пеналах. Первый залп, с правого борта, с дистанции в три мили, промахнулся весь, зато левобортный оказался успешным. Два попадания пришлось в уже вскрытую ПТЗ. Этого «Айова» уже не выдержала, начав крениться на борт.

Тиле приказывает перезарядить аппараты. Пока длится этот процесс, адмирал мстительно вспоминает о недавнем унижении кригсмарине, фотографии «Тирпица» с белым флагом на мачте в газетах всего мира, даже дружественных стран. Или «Шеер» в составе русского флота, в русской базе Полярное. «Парад» пленных моряков Германии, которых прогнали по улицам Мурманска, как диких животных. И гнев фюрера, обрушившийся на невиновных. А себя вы хотите увидеть такими, англосаксонские унтерменши?

– Отсигналте: предлагаю вам сдать ваш корабль. Вам дозволяется его покинуть лишь при спущенном флаге и поднятом белом. В противном случае, все ваши шлюпки и плоты будут расстреляны.

Довести искалеченный линкор до немецких баз будет нереально. Зато какой кино- и фотоматериал! И конечно, несколько десятков пленных для пропаганды.

Капитан Джон Мак-Кри, командир линкора «Айова».

То же время и место

«Я знал множество штатских дураков, которые брались бы командовать полком. Но не знал ни одного штатского, кто взялся бы командовать кораблем», – такие слова вспомнились капитану Мак-Кри в эти минуты (хотя он забыл, кто из знаменитых флотоводцев их изрек и когда). Хотел понюхать пороха, побыть героем! Ну что стоило взять в помощники кого-то из командиров крейсеров, прошедших кровавую баню Гуадалканала, кто умел бы управлять кораблем в бою?! Это ведь страшно, когда в тебя впервые в жизни летят снаряды! Пятьдесят один год, из них двадцать семь на службе в ВМС США, но весь боевой опыт – это служба вторым лейтенантом на «Нью-Йорке», в ту войну стоявшем в Скапа-Флоу, а весь командирский, это какой-то тралыщик, пятнадцать лет назад! Была еще служба штурманом, офицером на разных кораблях, но большая часть его карьеры – это чисто административные должности, с уклоном в политику, до помощника самого президента. Нет, захотелось попробовать себя в море, с такого поста легко было получить под команду лучший новейший линкор, в конце концов работа командира корабля – это исправно выполнять приказы адмирала, с соблюдением службы, порядка и дисциплины. Кто же знал, что ему придется самостоятельно управлять кораблем в сражении?

Немец оказался не крейсером, а линкором. И решительно атаковал – бесспорно, на его мостике настоящий командир, прошедший не одну битву. Три выстрела в минуту, плюньте в глаза тому, кто обещал такую скорострельность для четырехсотшестимиллиметровых, неопытная команда единственной стреляющей башни едва давала один, из каждого ствола, немец же успевал дать по три залпа из всех трех башен, двадцать семь снарядов против трех! Два эсминца, отважно бросившиеся в торпедную атаку, были мгновенно превращены в горящие развалины, сразу после первый немецкий снаряд ударил в кормовую надстройку «Айовы», затем снаряд попал совсем рядом – кажется, кто-то упал, обливаясь кровью, – и капитан Мак-Кри в несколько секунд оказался внутри бронированной боевой рубки, не отдав никаких приказов: плевать на «потерю лица»!

– Доложить о повреждениях! – приказал он, вспомнив, что надо все же исполнять свои обязанности.

Носовой КДП вышел из строя. И теперь башня стреляла по целеуказанию с кормового, что-то случилось со связью, данные приходилось передавать по телефону, что сильно снижало точность и замедляло темп стрельбы, и без того невысокий. Попадание в немца! Теперь у него стреляли лишь две башни, и от каждого чужого снаряда, попавшего в цель, «Айова» вздрагивала всем корпусом, но на взгляд Мак-Кри, за броней почувствовавшего себя гораздо увереннее, это был уже обычный бой. Сейчас мы сделаем этого гунна, хотя он гораздо чаще стреляет и попадает, но пока вроде все у нас цело – так, ссадины на шкурке да на палубе разгром (о том, как сейчас приходится прислуге зенитных автоматов и пятидюймовых универсалов, капитан предпочитал не думать).

Впрочем, у артиллеристов было свое мнение. Слабые духом (а таких в неопытном экипаже оказалось большинство) без всякой команды бросили свои посты, решив, что авианалета не намечается, а трибунал все же лучше похорон (которые они наблюдали не далее как вчера). Верные же долгу остались и погибали в первую очередь, выкашиваемые осколками фугасных снарядов, взрывной волной и летящими обломками. Дредноуты прошлой войны были в этом отношении гораздо более живучи, имея над палубой лишь башни, броневую рубку, трубы, мачты, антенн нет, пара дальномеров на весь корабль вместо полудюжины КДП, и средний калибр не в полубашнях, держащих лишь осколок, а за полноценной броней казематов.

Но «Айова» и не рассчитывалась для сражений, подобных Ютланду, принимать на себя град вражеских снарядов, бои линкоров этой войны, как правило, протекали на гораздо больших дистанциях и скоростях, попадания исчислялись максимум парой десятков. А потому линкоры Второй мировой обросли кучей слабозащищенных надстроек, антенн, дальномерных постов, и огромным количеством зениток – львиная доля линкоров, погибших в сороковые, была потоплена самолетами (в том числе, стоя на якоре в своей базе), затем идут субмарины, и уж совсем по пальцам одной руки можно счесть линкоры, потопленные огнем вражеских линкоров, без участия авиации и легких сил флота, без применения торпед. Если говорить упрощенно, то при гипотетическом бое, например, «Кинг Джорджа» с «Айрон Дюком» (мы возьмем противников, номинально равных по огневой мощи) на дальней дистанции линкор Второй мировой легко сделает своего оппонента, диктуя к тому же эту дистанцию, имея превосходство в скорости, – но если удастся все же сблизиться, у дредноута постройки 1913 года появляется очень неплохой шанс, он хоть и «подслеповат», зато его глаза укрыты гораздо надежнее. А самого сильного противника можно вывести из строя, ослепив и оглушив. Что в данном конкретном случае играло против «Айовы».

Шанс, однако, еще оставался, и неплохой. Немецкие снаряды сыпались градом, но не пробивали броневую цитадель, все же калибр их был мал, вспомнил Мак-Кри, тогда как наших шестнадцати дюймов хватит одним попаданием сбить спесь с этого наглеца и заставить ретироваться! А если удастся угостить его еще одним, лишив хода или сильно стреножив, и успеть расстрелять на отходе, то еще можно и получить награду за потопление вражеского линкора в первом же боевом выходе! Как будет смотреться: капитан Мак-Кри, кавалер...

В общем, игра шла по принципу: опытный игрок, к которому шла карта – но который вынужден был в каждой партии ставить «на все», идти «ва-банк». Первое же успешное попадание с «Айовы» должно было сразу переломить ход игры, вот сейчас, ну что же эти пентюхи так редко и плохо стреляют!

– Сэр, он заходит нам за корму, скоро мы не сможем его достать. Надо изменить курс, – напомнил Ларсен, старший артиллерист.

«Айова» покатила вправо (разворот влево был невозможен). Снаряды продолжали бить в надстройки, второй КДП тоже был разбит, управляющему огнем пришлось переключиться на резервный Мк-40, на крыше боевой рубки. Сейчас снова начнется неторопливая дуэль, победа в которой будет, ну конечно же, за американцами, разве могло быть иначе?

«И если этот ганс, получив несколько попаданий, спустит флаг, я, как великий Нельсон, этого не замечу! – мстительно подумал Мак-Кри. – За кровь американских парней, за подлое нападение под видом британцев! И за мой испуг. А что видели подчиненные, плевать – победителей не судят!»

Этого не случилось. «Айова» еще не успела повернуть, как удар совсем рядом едва не сбил всех с ног. И вопль кого-то в рубке, принявшего доклад:

– Попадание и пожар во второй башне! Сейчас взорвемся!

Все в рубке побелело, представив столб дыма до неба – все, что остается от корабля после детонации боезапаса, как было с «Худом» или еще с тремя британцами в Ютланде. Если огонь из башни по зарядным элеваторам пойдет в погреб... Затопить, и немедленно? Уже затопили.

– Мы не можем стрелять, – обреченно сказал Ларсен, – даже с подачей в первую башню из погреба второй. Вся надежда на эсминцы.

Они наблюдали за героической, но безуспешной атакой «Хадсона» и «Бронсона». Мак-Кри запоздало подумал, что имело бы смысл их придержать, чтобы атаковать совместно с четверкой и под прикрытием «Мобила». Но было уже поздно – эсминцы тонули и горели, расстреливаемые гансами. Наблюдая за этой сценой, прозевали атаку пикировщиков – сигнальщики были выбиты или попрятались, расчеты зениток разбежались по местам, когда немцы уже входили в пике. Пятидюймовые оказались бесполезны, вся система управления огнем (а у многих

установок и силовые приводы) вышли из строя, лишь стрелять «на испуг», в направлении врага, в надежде случайно кого-то зацепить. Бофорсы и эрликоны тоже были в большинстве выбиты, но каким-то чудом один «юнкерс» удалось сбить, эта победа была встречена восторженными криками. С носа подходил «Мобил», волоочащий шлейф дымовой завесы и готовый, по пересечении курса «Айовы», активно вмешаться всей дюжиной своих шестидюймовых, эсминцы были уже близко, красиво шли, казалось, не все еще потеряно!

Но появились торпедоносцы. Мак-Кри не поверил глазам: как это гуннам удалось так удачно атаковать эсминцы на полном ходу? Подбили один, сорвали атаку всех прочих... Этот немец на мостике «Шарнхорста» просто дьявольски хорошо управляет боем, сумел вот так, с ходу, перенацелить удар! Торпедоносцев встретили отчаянным огнем из всего, что стреляло, даже из пистолетов, больше для воодушевления, чем ради реального результата. Ни один из них, конечно, не был сбит, но торпеды побросали слишком далеко. Мак-Кри перевел дух, но тут линкор вздрогнул от удара в корму. Взметнулся столб пламени, это взорвалась цистерна с авиабензином для корабельных разведчиков. Начало заливать погреб кормовой башни. Последний уцелевший вал стал вибрировать, разнося дейдвуд. Линкор почти лишился хода.

Мак-Кри молчал. Там, на вражеском корабле, был мастер – решительный и умелый. Будьте вы прокляты, Стимпсон, Мак-Клоу, Форрестол и все другие политиканы, которые послали нас на смерть! Господи, в чем я перед тобой провинился?

Он смотрел, как эти проклятые гунны спокойно, как на полигоне, расстреляли три эсминца из четырех и «Мобил». Последний эсминец сумел проскочить к «Айове», укрыться за ее корпусом – но торпедные аппараты его были разряжены, и нечего было надеяться, что он как-то поможет. Однако помог, когда прилетели еще какие-то архаичные аэропланы, похожие на самолеты той, прежней войны. Отбивать их было уже нечем, последние зенитки были выбиты немецким огнем. И тут эсминец, выдвинувшись вперед, исполнил свой последний долг корабля конвоя, встретив торпедоносцев огнем из последней уцелевшей пятидюймовки и спаренного бофорса. Один биплан нырнул в волны, но и эсминец тотчас же был засыпан немецкими снарядами, опрокинулся и затонул. И шесть торпед ударили в борт. Это конец?

«Айова» не тонула. Броневая цитадель не была разрушена, машины были целы, и, если бы не винты, можно было бы развить полный ход. Но уйти было нельзя, стрелять нечем: все, что выше брони, превратилось в нагромождение горелого перекрученного металла. И тут немец выпустил торпеды, линкор по линкору – притом что на таких кораблях еще с той войны торпеды или снимались за полной ненужностью или сохранялись для последнего случая: «А теперь стреляем торпедами, и можно спускать флаг». Два попадания в тот же левый борт, где ПТЗ полностью разрушена, и этого «Айова» уже не вынесла.

– Заливает кормовое машинное левого борта! – пришел доклад снизу. – Поступление воды не можем остановить.

Конец. Сейчас немцы будут стрелять торпедами еще и еще. Но они не откажутся подобрать терпящих бедствие? Шлюпок и катеров на борту не осталось, все они давно уничтожены огнем. А спасательных плотиков на всех не хватит, часть тоже уничтожена, а на борту лишние люди с «Белью Вуд». Черт бы побрал контр-адмирала Мак-Кейна, как он, прошедший ад битвы с япошками у Соломоновых островов, посмел погибнуть так нелепо? Он должен был командовать здесь, решать, за все отвечать! Что делать?

– Сэр! Гунн запрашивает, согласны ли мы сдаться? Грозит, что, если откажемся, он не даст нам спастись, расстреляет в воде.

Нас, цивилизованных белых людей, как каких-то желтомордых япошек или диких славян? Эти гунны настоящие варвары, так белые с белыми не воюют – только с дикарями. Это и есть их фашистская теория, что все люди иной национальности для гуннов все равно что для нас индейцы или китайцы?

– Сэр, снизу докладывают: мы продержимся на плаву не больше пары часов. Вода заливает отсеки. Какие будут приказы?

Надо уметь проигрывать, когда сопротивление бессмысленно. Дать ответный сигнал – мы согласны, при условии вашего обещания гарантировать жизнь сдавшимся и принять их к себе на борт.

– Сэр, он отвечает. Командиру корабля, гарантируем жизнь вам и вашим людям, при условии сдачи в сохранности всей техники и документации, включая секретную.

– Сэр, аппаратура и шифры подготовлены к уничтожению. Разрешите исполнить? А гуннам скажем, что уже...

Нет. Тогда и они откажутся взять нас к себе. И неважно, что не успели, – проблемы индейцев шерифа не волнуют. Надо уметь проигрывать, если не остается другого выхода. В конце концов, немцы не желтомордые дикари, а культурный европейский народ. Ну а шифры, машинка, все прочее – стоят гораздо меньше жизней трех тысяч американских парней!

Кстати, а сколько осталось на борту? В начале боя было три тысячи сто сорок семь – наши, и спасенные с «Белью». Видя, во что превратились верхние боевые посты, можно предположить, что человек четыреста – пятьсот смело можно списать. А если сейчас будет паника и все кинутся на палубу, превратятся в стадо зверей, дерущееся за место на плоту? Не надо говорить про дисциплину – у нас больше тысячи спасенных, которые уже горели и тонули, у них нервы на пределе, готовые сорваться в любой момент. И всех ли возьмут, ну куда немцы денут больше двух тысяч человек?..

– Начальник команды морской пехоты! Всех лишних с «Белью» загнать в нижние отсеки, до особого распоряжения, во избежание паники и беспорядков! Да, и нигтеров с латиносами тоже. Неповиновение пресекать решительно, с применением оружия! Еще и пройтись по палубе, со всех уцелевших орудий снять замки, чтоб кто-нибудь не выстрелил без приказа, не разозлил гуннов! Быстро выполнять!

– Сэр, это позор! Американский корабль еще никогда не спускал в бою флаг ни перед кем, кроме...

– Арестовать! Кто еще так думает?

Нам не дадут быть героями. А просто расстреляют, как у стенки. И вся разница, что мы пойдем на дно под своим флагом и доставим немцам муки совести стрелять по нашим плотам. «Не спускал флаг ни перед кем, кроме...» Договаривайте: англичан, тогдашних хозяев морей. Хотя был еще эпизод с триаполитанскими пиратами. Теперь добавятся еще и гунны, что с того? Соединенные Штаты не обеднеют. Небольшая жертва репутации – ради того чтобы мы, граждане этой страны, остались жить.

Да, политическая карьера закончена. Это тот, кто сдал свой корабль гуннам в первом же походе? Но зачем репутация героя мертвецу? Фрэнки не забудет старого приятеля, подыщет теплое местечко, не на самом олимпе, но мне хватит до конца дней.

О чем спасении заботиться в первую очередь? Тех, кто был бы мне благодарен и мог свидетельствовать в мою пользу – офицеров и лучших представителей белой расы, белых англосаксов протестантского вероисповедания, физически здоровых! Что до всех прочих – простите, но выживают лучшие, такова жизнь!

Немцы поднялись на борт – десяток вооруженных матросов. Мак-Кри отдал честь их старшему (что за плебеи, принимать капитуляцию линейного корабля прислали даже не лейтенанта, а фенриха, так у них зовется кандидат в офицеры?), немцы же в ответ первым делом потребовали выдать им шифровальную машину, кодовые книги, прочую корабельную документацию (и кассу). Затем приказали Мак-Кри и всем офицерам, оказавшимся рядом, в рубке, спуститься в большой моторный катер, тотчас же отваливший назад, к немецкому линкору, бывшему менее чем в миле. Капитану было неприятно, что его и других американцев заставили встать на колени, сложив руки на затылок, под прицелом нескольких наведенных немец-

ких автоматов, причем любое движение пресекалось жестоким ударом или пинком. Хотя это могли быть разумные меры предосторожности, ведь немцев на катере было вдвое меньше, чем американцев. Но Мак-Кри решил, что при первой возможности заявит немецкому командиру об этой вопиющей непочтительности его подчиненных к таким же белым цивилизованным людям. В конце концов, мы сдались добровольно, не помышляя о сопротивлении, чрезмерная жестокость совсем не делает вам чести!

А когда катер подняли на борт немецкого линкора, к неподвижной и беспомощной «Айове» потянулись следы торпед. Взрыв, два, четыре – корабль кренился на левый борт, в воду падали и прыгали сами крохотные фигурки людей, все кончилось очень быстро, запас плавучести может расходоваться часами, опрокидывание же при потере остойчивости происходит за секунды. «Айова» перевернулась кверху дном, показав изувеченные взрывами винты, и скрылась под водой, затягивая в воронку людей и даже плотники.

И тогда немецкий линкор прошел прямо через то место, меняя курс, давя корпусом и рубя винтами тех, кто еще плавал. Немецкие матросы, высыпав на палубу, со смехом и презрением смотрели на головы плавающих представителей белой англосаксонской расы (негров и латиносов не было, все они так и остались в нижних отсеках обреченного корабля). А затем с камбуза принесли пару котлов требухи и помоев и опорожнили за борт – акулы тоже хотят есть!

– Где ваша честь? – спросил Мак-Кри немецкого командира, когда наконец был к нему подведен. – Вы обещали нам жизнь!

В ответ немец разразился речью, брызгая слюной. Мак-Кри понял лишь, что, обещана была им, а не каждому на борту. И еще что-то про тевтонскую боевую ярость, не жалеть врага и не ждать от него пощады, «из-за чего вы и стоите сейчас пленником передо мной».

«Варвар! – подумал Мак-Кри со страхом и восхищением. – Настоящий берсерк, из тех, которые прямо на поле боя поедали печень убитых ими врагов! Истинные потомки свирепых гуннов, сокрушивших Европу, – и как нам, обычным людям, воевать с такими, беспощадными и холоднокровными машинами убийства?»

Впрочем, в дальнейшем капитану Мак-Кри было любезно дозволено столоваться в кают-компании с немецкими офицерами. Из чего он сделал вывод, что «эти страшные гунны» все же не настолько дики и чужды европейской культуре.

США, Норфолк, штаб Атлантического флота, вечер 1 мая 1943 года

– Господин президент, наши худшие опасения подтвердились. «Куин Элизабет» потоплена немцами. Мы нашли плот с пятью выжившими. Пятеро из пятнадцати тысяч. Нет, не субмарина. Сначала лайнер был поврежден авиаударом, не мог развить ход. А затем немецкий рейдер расстрелял и судно, и шлюпки, и даже плавающих в воде людей. И прошел, рубя спасшихся винтами, – да, это военное преступление, господин президент! Мы нашли еще несколько трупов, живых больше нет никого.

Да, сэр, боюсь, что «Айова» тоже. Последняя радиограмма была не с нее, а с «Мобила». Вот текст: «Авианалет, пикировщики, погибли „Хадсон“ и „Бронксон“, „Айова“ пока держится, нас расстреливают, горим». И больше ни одного сообщения, ни от кого, на вызовы не отвечают. Очевидно, это то же самое рейдерское авиаударное соединение немцев, на наших коммуникациях!

Господин президент, «Нью-Джерси» даже не принят пока флотом! Это ожидается через две-три недели!¹⁸ И посылать его в бой против опытного противника, да еще при его господстве в воздухе, это самоубийство! Корабль, не освоенный экипажем, это всего лишь иллюзия боевой мощи! Что показал печальный опыт «Айовы». Отозвать кого-то с Тихого океана? Бесполезно – пока они придут, все уже решится. Да, у нас в Атлантике нет сейчас ни одного

¹⁸ Линкор «Нью-Джерси» поднял флаг 23 мая 1943 года. – Прим. авт.

нового линкора. По авианосцам, «Эссекс», «Йорктаун», «Лексингтон» проходят боевую подготовку, причем последний вошел в строй всего неделю назад. И отправлять их в сражение с опытным, хорошо сработанным ударным соединением... Вы примете один или даже пару, в уровень ожидаемых потерь?

Господин президент, я понимаю всю меру своей ответственности и вины. Но хотел бы сдать пост своему преемнику в ситуации, когда кризис будет уже разрешен. Нет, я не собираюсь ждать, пока немцы уйдут сами. Сэр, вы не понимаете, у нас очень серьезная проблема. Судя по всему, немцы идут на юг, к трассе наших африканских конвоев. У нас в море находятся сразу два войсковых транспорта, «Санта Роса» с восьмьдесят второй авиадесантной вышла из Нью-Йорка в Касабланку двадцать девятого апреля, и «Мехико», у него тоже на борту войска, тоже из Нью-Йорка, вышел двадцать девятого в Оран. Если немцы их перехватят, у нас будет еще на десять тысяч трупов больше. Я не могу их повернуть, немцы могут с равной вероятностью оказаться и впереди, и позади!

Господин президент, все, что мы можем сделать, – это выследить врага и повиснуть у него на хвосте, вцепиться в загривок. Я дал приказ двум авианосным группам произвести поиск и при обнаружении атаковать. Если удастся подбить гуннов хотя бы одним торпедным попаданием. Сэр, это всего лишь эскортники, «Санфи» и «Кард», не боевые! Ход девятнадцать узлов, по два десятка старых самолетов, одни эсминцы в охранении. Опасные для лодок – но если гунны займутся ими всерьез, у ребят нет шансов. Да, они знают, на что идут, ради того чтобы транспорты с войсками уцелели. Береговая авиация? Слишком удаленный район, и... У нас нет нужного количества подготовленных экипажей на четырехмоторные, чтобы летать над морем. Да, привлекли армейцев, один В-17, вылетев с Бермуд, уже пропал, ищем, пока не обнаружили. Повторяю, у гуннов палубные истребители, мы не можем посылать разведчики: летающие лодки для них – это смерть. Да, это упущение, надо создать эскадрильи морских В-17, так же как англичане имеют «галифаксы» и «ланкастеры» в своем береговом командовании. Сэр, вам напомнить, как выделяли авиатехнику для нужд флота, я не про палубники говорю? Надеюсь, у моего преемника это получится лучше!

Господин президент, тут вопрос выходит за пределы моей компетенции. Этот мяч могут и должны забить британцы, с нашей подачи. Насколько мне известно, у них есть сильные авиударные соединения, в Гибралтаре и в метрополии, то есть на очень удобных позициях для перехвата. Тем более что гунны пойдут домой, как минимум растратив топливо и боезапас, а возможно, и имея повреждения. Я связался с британским флотским командованием, но желательно и по линии Госдепартамента.

Господин президент, это невозможно! Как мы будем искать какой-то транспорт в британской зоне, когда у нас сейчас и здесь... Почему нельзя возложить это целиком на британцев? И подождать, пока мы главную проблему решим? И что это за груз, наконец?

– Адмирал, вы не понимаете. У нас есть основания считать, что весь этот рейд осуществлен немцами исключительно для прикрытия и обеспечения главной цели: захвата того транспорта и доставки его в рейх.

Ретроспектива, пять дней назад, 25 апреля 1943 года, Гвинейский залив

Акула была большая. Но уже не опасная, поскольку сейчас висела, подвешенная за хвост, на корме британского корвета «Санфлауэр».

Как часто бывает, запирают конюшню, когда лошадь уже сбежала. Но надо ответить, меры приняты – и вот, после гибели американского крейсера «Бирмингем» с десятков кораблей ПЛО лениво утюжат море у африканского побережья. Хотя всем было понятно, что лодки тут давно нет, если немецкий капитан не полный идиот.

Ну а рыбная ловля была матросским развлечением во все времена. И ощутимой прибавкой к камбузу, если ловить не на удочку, а на кусок протухшего мяса, нацепленный на при-

вязанный к тросу крюк. Вопреки заблуждениям, акулье мясо очень даже съедобно, если правильно приготовить. Не говоря уже о том, что у моряков с акулами кровная вражда.

Все было как в знаменитом романе Жюль Верна, до момента разделки туши. Кстати, в желудке акул действительно иногда находят всякие любопытные вещи. Вплоть до сундучка с пиратскими бумагами, указывающими, где сокровища (история подлинная, однажды случившаяся). А в сороковые годы двадцатого века вдруг оказалось, что из акульей печени можно получить витамины и лекарства (что моментально поставило акул, по крайней мере у американского побережья, на грань полного истребления, поскольку прибыльность этого промысла достигала тысяч процентов), затем нашли более дешевый, синтетический метод. Но эту конкретную акулу вовсе не собирались бросить в море, вырезав лишь печень, ей был предназначен камбуз.

И когда тушу разрубили топорами, то в желудке нашли – нет, не какую-то бутылку, а такое, что, будь эта злосчастная акула поймана местными рыбаками, те, скорее всего, поспешили бы выбросить страшную находку за борт, подальше от греха. Но «Санфлауэр» был военным кораблем флота его величества, а значит, находка была должным образом осмотрена, запротokolирована и положена в холодильник. И о ее факте была сделана запись в судовом журнале, с точным указанием времени и координат.

Две руки, откушенные чуть ниже локтя. Принадлежащие, бесспорно, европейцу и связанные в запястьях веревкой из какого-то непонятного материала. При внимательном осмотре обнаружили татуировку, сохранившуюся достаточно хорошо. Не будь руки связаны, никаких вопросов бы не возникло, в одной лишь команде «Бирмингема», пока ее спасли, было съедено акулами не меньше сотни человек. Но веревка говорила, что какой-то европейец был взят кем-то в плен, вероятно, допрошен и брошен за борт, скорее всего, уже убитым. То есть налицо было уголовное преступление, подлежащее расследованию.

Агент Райбек, ты все же успел. Получив в спину четыре пули из МР-40, все же сумел перевалиться через борт и унес с собой улику, ту самую веревку из синтетики. Ты до последнего исполнил свой долг – а был ли ты еще живым, когда тобой заинтересовалась акула, это для дела уже не важно. И татуировка была очень запоминающаяся, хотя ты был когда-то за нее наказан, ну не положено агентам секретной службы иметь такие приметы, но ты был молодой, и очень хотелось казаться крутым, вот ты и сделал себе на руке то, что имело определенное сходство с эмблемой службы (а после вынужден был, по приказу, носить рубашку с длинным рукавом, даже в жару). Ведь секретная служба (занимающаяся охраной президента, финансовой системы США и самыми важными из государственных тайн) – это самая старая из американских спецслужб, ведущая родословную с времен Эйба Линкольна. И про ее эмблему – «Мы никогда не спим» – знают многие, и не только в США (спасибо писакам).

Так что факт, что кто-то из агентов секретной службы был захвачен врагом, достаточно быстро стал известен американскому командованию (и разведке). Агенты «Сикрет сервис» немногочисленны, и легко было установить, что в подходящее время (раз останки сохранились достаточно хорошо) и в требуемом месте могла находиться лишь группа, сопровождающая секретный груз из Конго. Затем кто-то вспомнил про татуировку Райбека (описание было в личном деле, среди особых примет). А у «Сикрет сервис» есть одна черта: *никогда* не прощать никому убийство своих.

Можно было предположить, что Райбек был подобран после потопления судна, допрошен, убит и выброшен за борт. Эту версию не исключили – но предположили и худшее. Что судно было не потоплено, а захвачено подлодкой. Поскольку делом занялась не «Сикрет сервис» вообще, а именно то ее подразделение, которое отвечало за безопасность «Манхеттена», то характер пропавшего груза и предполагаемый захват связали практически сразу.

Что рейх пытается любым способом получить уран, казалось очень правдоподобным. Был ли груз перевален на борт подлодки (у японцев точно были подводные транспорты, беру-

щие сотни тонн груза, что-то такое предполагалось и у немцев, да ведь были у них такие подводные блокадопрорыватели еще в ту войну!)? Или транспорт с немецкой командой следует сейчас в немецкий порт? Успели ли агенты до захвата привести в действие взрывной механизм? Не осталось ли каких-то иных улик?

И казалось не подлежащим сомнению, что эту операцию немцы увязали с рейдом в Атлантику своих надводных кораблей (не появляющихся там уже год). Причем было вполне вероятным, что на обратном пути немецкая эскадра встретит захваченный транспорт и эскортирует его, например, в Брест.

Осмотреть все транспорты на просторе океана, от Гвинеи до Испании? А вы представляете, сколько их? И в этот курятник вот-вот вломятся очень голодные и злые немецкие лисы. И подводные волки тоже ведь никуда не делись, потери от них, конечно, не как в сороковом, но достаточно неприятны. А еще куча проблем в Средиземном море, где итало-французский флот готов вырваться на простор, стоит лишь убрать эскадру с Мальты или Гибралтара. А великий флот Британии для стольких задач и территорий не настолько и велик.

Но «Санфлауэр» и еще несколько кораблей получили приказ тщательно прочесать и осмотреть море в месте возможного преступления. Может быть, найдется что-то еще?

Лазарев Михаил Петрович.

Подводная лодка «Воронеж», Атлантика, утро 1 мая 1943 года, 33° северной широты, 18° западной долготы (широта Гибралтара)

– То есть как это отказывается сотрудничать?

– А вот так, – развел руками Большаков. – Мы уже по-всякому с ним, и по-хорошему, и не очень. В принципе, он не очень-то нам и нужен, шифры-то есть, и радист-шифровальщик тоже. Одно сообщение от его имени ведь уже отправили?

– Отчего раньше не доложили?

– Так проблема невелика, сидит и есть не просит. То есть жрет, конечно, но и то мало, боится, наверное, что отравим. Нет, проблем никаких, места в бельевой кладовке хватает, осназу все равно делать нечего, лишь пленных кормят и стерегут. Но если потребуются, можно и за борт этого гуся, для ложного следа. Или все же дома в разведотдел сдадим, там его до доньшка расколют, может, и знает что ценное.

Все равно дел особых нет. С командирской вахты сменился, Петровича за себя оставил, не все же спать в свободное время? Психология противника тоже вещь важная, кто там из шахматных чемпионов сказал, что играют люди, фигуры лишь инструмент, главное же – что от оппонента ждать? С чего это Лют, гордость немецкого подплава, так быстро сломался, а какой-то итальяшка упорствует? Неправильно это.

Допросная комиссия: я, Большаков, Пиночет, Птах (кличка старшего из осназовцев, вообще-то, фамилия у него Скворецкий), ну и Григорыч (материал для беседы с командой собирает, про образ врага, не иначе). И двое большаковцев в роли конвоя, а один, Валентин, и за переводчика, он по Тулону специализировался, французский знает, ну а для итальянского аристократа «парле ву франсе» такое же правило хорошего тона, как для русских дворян.

Итальянец на героя не похож, даже отдаленно. Смотрит на нас испуганно, будто удара ждет – но уперто отвечает: «Не могу пойти на то, что противоречит моей воинской чести. Можете меня убить, ваше право». Ну какая у тебя честь, итальяшка, ах, простите, ваше сиятельство? Ты в плен сдался? До того, проиграв нам ну совершенно бесславно. Вот и не чирикай, делай что говорят.

При этом отлично понимаю умом, что сам себя накручиваю. По большому счету этот граф очень даже ничего, был бы пустышкой, так сидел бы в своем поместье и пил херес, а не командовал бы субмариной. И транспорт на abordаж взять пытался, а совсем не «а где тут в плен принимают?». Ну а выиграть на лодке этой войны бой против атомарины и сам бог

подводной войны не взялся бы, так что результат был предreshен заранее. Наверное, дело в том, что немецкие подводники при всех своих моральных качествах все же вызвали некоторое уважение, хоть командира U-703 вспоминаю, настоящий мужик и боец, даром что фриц – а вот какому-то итальянцу так себя вести было, на мой взгляд, не по чину.

Хотя, припоминаю, отдельные случаи героизма у них очень даже были. И бой подводной лодки «Торричелли» (кстати, однотипной с «Архимедом») с тремя британскими эсминцами, и дела «людей-лягушек» Боргезе, безусловно, лучшего подводного спецназа этих времен в той, прежней версии истории, и успехи их легчиков-торпедоносцев, у которых немецкие торпы учились, и что-то такое было на Додеканесе в сорок третьем, уже после свержения Муссолини, когда какой-то тыловой итальянский гарнизон отважно сопротивлялся немецкой десантуре, пытавшейся их разоружить, за что все пленные после были расстреляны, включая генерала. Но все это пропадало втуне из-за абсолютного неумения итальянцев как-то объединять эти тактические успехи в единое здание итоговой Победы по причине полного отсутствия немецкой организованности и дисциплины. Так что, геройствуй или нет, по большому счету ничего это не изменит. Все шифры у нас есть, тобой же принесенные, так что в принципе можем и без тебя обойтись. Хотя малая вероятность есть, что именно ты потребуешься при какой-то непонятке.

Отвечает, вы, русские, простите, но варварский народ. Всегда деретесь до последнего, а потому нет и не было у вас правил, чтобы сделать войну делом менее жестоким, более цивилизованным. Воинская честь, это и есть следование правилам, церемониям, ритуалам (тут несколько слов непонятных, слишком витиевато), и сдача в плен, когда противник сильнее, также входит в список регламентируемого. И он, граф такой-то (как он сам свою фамилию произносит?), солдат в каком-то -дцатом поколении, гордится тем, что ни он, ни его предки имени своего несоблюдением оных правил не запятнали (по крайней мере, свидетельств нет). Вы же, русские, воюете как дикие эфиопы (брат у него вроде там успел отметиться), когда или мы, или они – и все. И в плен им попасть европейцу хуже смерти в бою: на куски разрежут, и только что не заживо съедят.

Про войну тридцать пятого года знаю мало, поскольку морских боев там не было совсем по причине отсутствия и моря, и флота. Смутно помню, что там самым большим зверством были как раз итальянские газы, которые потомкам римлян собственно и позволили победить (причем травили всех абиссинцев без разбору, и гражданских тоже, с самолетов, как саранчу, совершенно безнаказанно, не было у эфиопов ПВО, не изобрели еще «стингеров»). Хотя допускаю, что после такого и абиссинцы пленных не жалели, – да и духи, они везде духи, хоть в Афгане, хоть в другой дикой стране.

Вот только выходит, мы, русские, для высокоцивилизованной Европы все равно что африканские негры, такие же дикари? Причем дело даже не в пропаганде, сколько помню, не было в Италии в эту войну своего Геббельса. Но читал я, кажется в мемуарах генерала Игнатьева, разговор с каким-то высокопоставленным французом насчет поставок европейцев еще царской России, как тот француз сокрушался: «Из-за того что мы вам военное снаряжение, у нас будет больше потерь». – «Ну так же вы русскую кровь экономите?» – «Ах, мсье генерал, ну не будете же вы спорить, что смерть французов будет большим ущербом для мировой цивилизации, чем каких-то диких русских?» Прочитав или услышав такое хоть раз, сразу всякий пьет перед великой европейской цивилизацией теряешь. И вполне понимаешь большевиков, проехать по Пикадилли или Елисейским полям на танке, чтобы сзади все горело, а впереди все разбегались. В России во времена Тургенева и Достоевского был у интеллигентов такой идеал, «европейски образованный человек», то есть знающий десять языков, включая латынь, изучивший философию, так юмор в том, что в самой Европе таких было очень мало, ну не нужны латынь и Гегель немецкому лавочнику или французскому буржуа, о крестьянах вообще молчу – так что на тот момент больше всего «европейски образованных» было как раз в России, прекраснодушных бесплодных мечтателей, когда нужны были профессионалы, ученые,

инженеры. И недаром еще Петру Первому приписываются слова, что Европа нужна будет нам еще лет двадцать, после чего мы повернемся к ней задом.

Нет, граф, совсем ты не герой. А решил просто: если все равно убьют, хоть с принципами помру – и смелости в твоём поступке не больше, чем у психа, с крыши сигануть или под паровоз. И сейчас весь трясешься, как Антигона из трагедии, «ненадолго хватит моей воли, скорей бы!». Но мы-то ведь не психологи и тем более не толстовцы, вопрос сейчас чисто практический: нужен ты нам или нет? Хотя если честно, ты мне как-то более симпатичен, чем фашистский гопник Лют. Спросите его, он согласен делать то, что никак не пойдет во вред его любимой Италии? В чем могу дать ему честное слово. Если же он откажется, то умрет и, возможно, мучительно, с двухсот метров глубины через торпедный аппарат. А нам некогда на него время тратить!

Ну вот, спрашивает, вы честное слово подтверждаете? А ведь так «порядочную из себя изображала»! Может, и сгодишься, недоутопшее сиятельство, не одной же U-181 героизировать, вдруг потребуется и от подводной лодки «Архимед» великого и непобедимого итальянского флота радио дать, а в нем что-то, о чем лишь ты знаешь?

А слово мое и честь – это прежде всего, чтобы врагу было хуже, а Отечеству лучше. И если ради такого надо что-то формальное нарушить, так «на войне одна победа лишь важна. Победа все простит – война на то война». Напомни мне, итальяшка, с кем воевали твои предки, ведь не было тогда такой страны Италии, это всякие там Генуя, Венеция, Флоренция, Милан, кто там еще, столетия между собой собачились, наемники воюют, сегодня за одних, завтра за других, мирняк вообще в стороне, кто проиграет, тому лишь контрибуция и невыгодный торговый договор – и что интересно, когда приходили супостаты из-за бугра, французы, испанцы, австрийцы, так и то воевали на вашей территории друг с другом! А мы, русские, гораздо чаще дрались за свое выживание, и оттого правила у нас другие.

Что ты подумаешь, когда тебя, выдоенного досуха, к стенке будут ставить, мне глубоко безразлично. Уж прости, но чужие свидетели в таком деле не выживают. Хотя бог весть, вот даже Хрущев тут пока еще живой, лишь сослан в Туркменистан, первым в Ашхабаде, а ведь и Сталин, и Берия в курсе, кто их убил, и оба они точно ничего не забывают и не прощают, значит, какой-то хитрый план имеют. А раз неисповедимы пути Господни и блага государства, то, может, и итальяшка как-то жив останется, честный такой?

Вспомнить про итальянца пришлось очень скоро.

– Контакт, пеленг девяносто пять, предположительно группа боевых кораблей.

Кого там еще черт несет? Некоторое время ничего не предпринимаем, следим за изменением пеленга и уровнем сигнала. Похоже, идут на нас или почти на нас. По другим направлениям тихо, значит, ближе сотни миль точно никого нет. Решаем пробежаться навстречу. Пока лишь глянуть, а там видно будет.

Хорошо же воевать, когда ты и быстрее, и незаметнее, и видишь дальше! Вот показались легкий крейсер и четыре эсминца. Странно идут, как в мирное время – вместо того чтобы эсминцам развернуться впереди завесой, крайним чуть назад, прикрывая фланги, такой ордер у штатовцев был, здесь крейсер впереди, двое за ним в кильватер, еще пара эсминцев так же один за другим, чуть в стороне, на букву «h» похоже. Ход визуально определяю в четырнадцать узлов, гидролокаторов не слышно. Совсем британцы обнаглели, должны бы уже быть осторожнее. Крейсер мне показался похожим на тип «Сидней», хотя стоп, не может быть, сам «Сидней» погиб уже в ноябре сорок первого, «Перт» был потоплен японцами у Явы в марте сорок второго, третий и последний, «Хобарт», австралийской эскадры не покидал. Может, и впрямь австралийцы, еще не битые? Силуэт вроде не совсем похож. Зато эсминцы точно британские, тип «Джи». Флаг с такой дистанции не различить... Саныч, глянь.

– Испанцы, – уверенно говорит Сан Саныч. – Головной крейсер типа «Сервантес». Жаль, если «Либертад», на нем наш теперешний нарком Кузнецов советником воевал. И «Сервантес»

тоже был за республику, вот третий этого типа, «Сервера», за франкистов, и кстати, на его счету был наш транспорт, «Цюрупа». Эсминцы тип «Чурукка», действительно по британскому прототипу, очень похожи. Надо бить, Михаил Петрович, нельзя их к «Краснодону».

Вот не было печали! Саныч не зря упомянул «Цюрупу». Ведь как вышло, что испанцы послали фюреру «голубую дивизию», сами с нами не воюя? А не было дипломатических отношений, СССР франкистскую Испанию кажется, так и не признал, пока каудильо не помер. А значит, встретив в море советский транспорт, эта гоп-компания вполне может с ним, как с «Цюрупой» или «Комсомолом», и жалуйтесь кому угодно. Нам особо зверствовать не надо, тут с подранками у испанцев возни будет побольше, чем с утопшими.

Боевая тревога уже объявлена, как положено при сближении с неизвестной эскадрой в военное время. Бурый, готовь четыре ЭТ-80СН в первом залпе, и сразу перезарядка, две 53-38 на кильватер. Так как «шестьдесят пятых» на борту только две, с неудачной охоты на «Шарнхорст» так и таскаем, то боекомплект взяли большой, на освободившиеся места, можем сейчас вклеить хорошо. До крейсера тридцать кабельтовых, пеленг 125, мы у него на правом крамболе (для не моряков поясняю, справа и впереди, лучшая позиция для атаки). Ну, с богом, залп! А «38-е» придержу на случай, если эсминцы на нас пойдут.

Не пошли. Впрочем, электроторпеды тихие и бесследные, их обнаруживают в самый последний момент. Три взрыва, а четвертая где, не сработала, не захватила цель? И шум винтов крейсера прекратился, по эсминцам определить труднее. Снова перископ, так, крейсер точно без хода, сел на корму и крен на левый борт, следующий за ним эсминец тоже. Неконтактный взрыватель так сработал, что больше досталось борту, направленному от нас, ну точно, два уцелевших эсминца несутся по курсу эскадры и влево, удаляясь от нас, ищите, мы вас даже убивать не будем. А не добить ли оставшихся, двое без хода, третий пытается им какую-то помощь оказать или акустикой слушает: рядом с крейсером застопорил машины? Нет, нам же, как я сказал, не утопленники, а подранки нужны. Чтобы доны их медленно и с натугой тянули назад в порт, забыв, зачем шли в море. Так что, погружаемся на двести пятьдесят, и уходим на вест, курс 270.

Да, а как объясним? На Люта ведь уже не спишешь, с чего бы это ему союзников-испанцев топить? Да и многовато для одной U-181 получается. Так на то его итальянское сиятельство и есть! После дадим радио, от лица «Архимеда», подлинным шифром и на правильной волне, атаковал британскую эскадру (время, координаты), потопил крейсер и эсминец. Вот в Риме за головы схватятся, когда до них дойдет!

Но это уже совершенно точно будут не наши проблемы.

Где-то над Атлантикой.

2 мая 1943 года

– Джонни, Джонни, ты меня слышишь? Мы нашли их, квадрат по карте Эй-Си, девяносто семь – двадцать восемь, сорок один северной и двадцать семь западной, это точно они, мы прошли прямо над ними на четырех тысячах футов, видели обоих, курс сто сорок, скорость семнадцать. Хотели убедиться точно, вышли из облаков, назад не успели, истребители. Оба правых мотора горят, теряем высоту, до берега не дотянем, идем по курсу двести девяносто, Галифакс.

Мы ни о чем не жалеем, лишь бы гунны не поймали еще кого-то после «Элизабет». Потому не уходили домой, хотя топливо уже было на пределе, но Боб рассчитал, что есть еще полчаса. А когда Сэм увидел на воде два белых штриха, с высоты кильватерный след корабля виден дальше, чем он сам, мы не могли удержаться, чтобы не удостовериться точно. Облака, не слишком густые, были на пяти тысячах, но мы решили, что ничего не случится, если выскочим быстро, пройдем над целью и сразу исчезнем, гунны опомниться не успеют. И мы предвкушали по возвращении благодарность и награду, а пара «мессеров» уже заходила на нас, вывалившись

из тех же облаков, или у гуннов был поднят в воздух патруль, или они раньше увидели нас на своем радаре. Если бы мы не пилились все вниз, может, и отбились бы, гунны очень умирать не любят, даже не стали нас добивать, чтобы не лезть лишний раз под наши пулеметы. Но сегодня явно не наш день.

Еще утром мы не знали, что такое война, ну лишь теоретически. Должны были вылететь в Европу, месяца через три, спасти свободу и демократию от плохого парня Адольфа. Но гунны нагло вломились прямо в наш двор и нагадили под окнами – и чтобы их наказать, в воздух подняли все, что могло летать. Только бы найти, а дальше начнется, как уже было, охота на «Бисмарка», вторая серия. Бисмарк, это, кажется, был у гуннов такой генерал в ту войну? Мы мечтали, что повезет именно нам, но втайне не верили, мы ведь были совсем щенками, а в игре участвовали и волчары, отлетавшие свою норму против япошек. Нам повезло, вот только платой оказались наши жизни.

– Джонни, Джонни, ответь! Слышит нас кто-нибудь? Высота уже меньше тысячи футов, держаться в горизонте не можем, сейчас упадем! А мы ведь даже не моряки, а армейская авиация. Нас не учили, как выживать, упав в море. Да мы, признаться, особенно и не старались это выучить – казалось, что нас не убьют, что бы ни случилось.

Джонни, да ответь же! Высота уже пятьсот.

Атлантика (44° северной широты, 28° западной долготы), 2 мая 1943 года

На юг! Дранг нах зюден!

Топлива осталось половина, а боезапаса едва треть? Плевать – мы не вернемся в Норвегию. А французский Брест ближе, до него хватит. Мы уже были здесь два года назад и вернулись. Пора снова показать лайми, кто в этом пруду хозяин! И мы это сделаем, черт побери.

Берсерк. Адмирал знал, что так называют его, не только в кубрике, но и в кают-компании, с восхищением и страхом. Слава богам, никто не видел страх, грызущий адмирала изнутри, отступивший на время боя, но снова вернувшийся, вместе с надеждой. Потому что одно дело битва, когда врага можно убить или же, если он сильнее, хоть подороже продать свою жизнь – но как бороться с неотвратимым?

Большая вероятность, что приговор над головой уже не висит: как-то неудобно казнить героя рейха. Хотя Маршалль в сороковом на этом же корабле за утопление «Глориеса» не только не получил никакой награды, но был с позором выгнан в отставку: как он смел отвлечься на какой-то авианосец вместо истребления британских войск, эвакуирующихся из Нарвика? Но один бог знает, какая дома политическая ситуация, что решит гестапо, ну а если кто-то из арестованных при допросе назвал его имя, об этом не хочется и думать! И даже если его встретят с почестями, что будет при следующем выходе в море, в глубинах которого ждет нечто? Придется выбирать: или погибать в ледяных волнах, считаясь «пропавшим без вести», со всеми последствиями для семьи, или быть обвиненным в трусости и измене с тем же результатом?

Так что, прощай, Норвегия, мы не вернемся туда ни за что! Франция не в меру приятней. И противник самый обычный, которого можно бить. Лучшее лекарство от страха – это чужой страх, направленный на тебя. Как этот холеный американец смотрит с животным ужасом, словно кролик на удава, особенно если с ним разговаривать резко и грубо, как того и заслуживают англо-еврейские унтерменши. А как толпа их плавала у борта, что-то кричали, тянули вверх руки, а вдали уже мелькали плавники акул?

Американцы оказались удивительно сговорчивы, по крайней мере, в большинстве. Разумные люди, ну зачем молчать, если все равно все расскажешь через час, но уже превращенный в кровавую отбивную? Бить, впрочем, никого не пришлось, почти – они все выложили сами. И что было важным, подробно рассказали о силах ВМС США на этом театре. Адмирал сначала был очень озабочен, узнав про спешащие к месту боя две авианосные эскадры, ведь численность авиагруппы на новых американских «эссексах» девяносто машин, тут надо скорее

уносить ноги – но пленные, допрошенные отдельно, прояснили, что это всего лишь эскортники, малые и тихоходные корабли, имеющие к тому же в сопровождении не линкоры и крейсера, а по два-три эсминца, опасный противник для субмарин, но не больше. Однако десяток торпедоносцев был достаточно серьезной угрозой для кораблей во вражеских водах, вдали от своих баз – и потому адмирал, подумав, решил сам не начинать сражения, а уклониться к югу, где на африканской трассе можно было встретить гораздо более легкую и беззащитную добычу.

«Физелеры», как гончие, искали добычу впереди по курсу. Эти бипланы оказались весьма полезны как разведчики, и потому, что могли дольше находиться в воздухе, и по причине простоты взлетно-посадочной процедуры, им не нужна была катапультная тележка, тем более с ускорителями, они отлично взлетали с палубы после разбега. Еще наготове стояла дежурная пара истребителей, а вот экипажи «юнкеров» могли отдыхать, впрочем, их осталось чуть больше половины, тринадцать пикировщиков и четыре торпедоносца (семь были сбиты, один упал, не дотянув, два сели благополучно, но были избиты так, что ремонт был признан невозможным, с многочисленными мелкими повреждениями практически у каждой машины механики справились сами). И было еще хорошо то, что из девяти упавших, считая еще один сбитый биплан, три экипажа сумели спасти. Что наглядно показало летчикам их шанс на спасение, если собьют над морем – зато у истребителей, также по соседству купавшихся в лучах славы, но не понесших пока потерь, боевой дух был чрезвычайно высок.

В день, следующий после боя с «Айовой», все началось как обычно. Доклад авиаразведчика, в ста двадцати милях к западу обнаружен одиночный транспорт. Не грузовоз, похож на тот лайнер, что утопили, но размером гораздо меньше. Быстроходный пассажир, какие сейчас часто использовались как войсковые транспорты, ценная добыча.

С «Цеппелина» взлетела тройка «физелеров» с торпедами, для торгаша хватит. Добыча, вообще-то, шла прямо навстречу, но адмирал приказал изменить курс на восток, чтобы быстрее, возможно, он там не один или потребуются добивать, для верности, чтобы никто не остался в живых. И тут черт принес этот В-17! Истребители атаковали, и радисты успели поставить помехи, все же русские многому научили адмирала в их варварской войне без всяких правил! Но эти проклятые трусливые выкормыши Геринга слишком не хотели рисковать, надо было бить до конца, плевать, если бы и кому-то из вас досталось, вышло же, что янки ушел дымя и со снижением, пытаясь что-то радировать, и если он не упадет прежде, чем выйдет из зоны действия глушилки, наше место будет раскрыто и здесь будет не протолкнуться от желающих отомстить!

А ближайшая американская авианосная группа всего в двухстах милях к северу. И там вполне могли услышать – нет, слышали, точно! Тиле подумал, что будь на его месте русский, он не ограничился бы простым слушанием американских сообщений, а сам затеял бы радиоигру, ведь эти янки с шифрмашинкой сдали в сохранности все коды. Но неизвестно еще, что скажут в Берлине и, что прискорбно, будут правы – если янки раскроют неумелую игру, то просто сменят шифры, и тогда неприятностей не оберешься, за упущенные возможности, уже от своих. Так что будем пока лишь слушать и молчать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.